КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

М А Й.

1882 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

стр.

I. КІЕВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА (біографическій очеркъ), **Ф. Терновскаго** 1

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. **Ор. Левицкаго** . 25

III. КНЯЗЬЯ РУЖИНСКІЕ. (Памяти М. А. Максимовича). **И. П. Новицкаго** 58

IV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОТЕРПѢВШАГО во время крестьянскихъ волненій 1855 г. Прот. **Вас. Сикорскаго** 85

V. ФИЛИППЪ ОРЛИКЪ и запорожцы. **А. Скальковскаго.** . . 106

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древнѣйшія русскія монеты вел. княжества кіевскаго. Гр. Ив. Ив. Толстаго.—б) Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Ор. Новицкаго.—в) Józef Dunin-Karwicky. Szkice obyczajowe i historyczne.—г) Исторія русской церкви, митр. Макарія. Т. XI. кн. II-я 133

VII. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) церковно-археологическое общество при кіевской духовной академіи въ 1881 г.—б) Рукописи румянцевскаго музея по исторіи Кіева.—в) Коденская книга и три бандуриста.—г) Выборные священники.—д) Пасхальная вирша.—е) Козаки въ партикулярной надобности.—ж) Бенефисъ для малороссійскаго дворянства.—з) Къ портрету Петра Могилы 153

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Петра Могилы.

Май.

I. КІЕВСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ . . 177

II. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и юго-западной Руси. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** 193

стр.

III. АРХІЕРЕЙСКІЯ ПЕЧАЛИ. **К. Березы** 226
IV. ПОѢЗДКА ВЪ БѢЛУЮ-ЦЕРКОВЬ. **Н. Костомарова** . . . 241
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, перев. **В. А.** *(Продолженіе)* . . 257
VI. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. . . . 276
VII. МАНИФЕСТЪ императрицы Екатерины II, 9 іюля 1768 г. . . 308
VIII. ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ изъ суммъ малороссійской коллегіи. . 312
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Харьковъ, историко-статистическій опытъ. К. П. Щелкова.—б) Описаніе кіево-софійскаго собора. П. Г. Л.—в) Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Соч. гр. Биберштейна.—г) Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Barącz.—д) Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793. Przep. d-r Antoni J. 316
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Подарокъ кіевскому церковно-археологическому музею.—б) Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.—в) Старинные малороссійскіе портреты.—г) Гетманскіе клейноды (1758 г.).—д) Потомки запорожцевъ на островѣ Лети.—е) Гайдамацкій кутъ.—ж) Курьезный бракъ.—з) Скорбь кіевлянъ.—и) Панщина въ пѣснихъ и молитвѣ 327

Іюнь.

I. ПОЧАЕВСКАЯ УСПЕНСКАЯ ЛАВРА въ концѣ іюля 1855 года. **Кн. Н. С. Голицына** 365
II. О НАЧАЛѢ КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ КІЕВѢ. **Ст. Т. Голубева** . 382
III. СОЦИНІАНСТВО въ Польшѣ и югозападной Руси. *(Окончаніе).* **Ореста Левицкаго** 401
IV. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. **В. А.** *(Продолженіе)* 433
V. МАТЕРІАЛЫ для исторіи народнаго образованія. *(Окончаніе).* . 451
VI. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА съ Яковомъ Марковичемъ. Сообщ. **Н. Петровъ** 498
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) «Хуторна поэзія» и «Крашанка». П. А. Кулиша.—б) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Дмитрія Багалѣя.—в) Szujski. Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.—г) Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi. Zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881, in 8° . . . 509

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Рѣчь Д. Г. Бибикова къ дворянству юго-западнаго края.—б) Земляные валы близь с. Кудинки.—в) Старинные тракты, или дороги въ южной Россіи.—г) Искорость—древній Коростень или Скоростень.—д) Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану (1709—34).—е) Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ—ж) Неизвѣстные памятники памятныхъ лицъ.—з) Пѣсня запорожцевъ о высселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.—и) Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила.—і) Обманутый солдатъ. (*Стихотвореніе*) 530

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ замѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ во II томѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II.

МАЙ.

1882 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24-го апрѣля 1882 года.

Кіевское представительство прежняго времени.

Съ 1499 по 1834 г., т. е. болѣе трехъ сотъ лѣтъ Кіевъ располагалъ свою внутреннюю жизнь по такъ называемому магдебургскому праву, постепенно обрѣзываемому и ослабляемому до совершенной отмѣны и послѣднихъ его принадлежностей въ 1834 г.

Право это хотя заимствовано съ иноземной почвы и во многомъ не согласовалось съ укладомъ *вѣчевой* общины и мѣстными воззрѣніями и обычаями, тѣмъ не менѣе предоставляло городу, которому жаловалось, полную самостоятельность собственнаго управленія и суда. Первоначально пожалованное Кіеву великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, а потомъ разширенное новыми льготами, пожалованными отъ польскихъ королей, оно скоро пришлось по вкусу кіевлянъ и давало Кіеву полную возможность не только жить спокойно по своей волѣ, но, послѣ понесенныхъ имъ разореній, превратиться снова въ богатый и цвѣтущій городъ, если бы его мирнаго развитія не колебала его страдальческая политическая роль, его благосостоянія не подрывали своекорыстныя стремленія его собственныхъ излюбленныхъ правителей. Кіевъ былъ самъ для себя господиномъ: самъ собою управлялъ, самъ себя судилъ. самъ велъ свое хозяйство. Во всѣхъ этихъ отправленіяхъ своей жизни правомъ магдебургскимъ онъ былъ вполнѣ огражденъ отъ власти и вліянія намѣстника или воеводы, а равно судей коронныхъ, и пользовался льготою отъ многихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ, владѣлъ обширными землями и угодьями, имѣлъ свое *мыто*, самъ собиралъ свои доходы, самъ „и въ потребностяхъ своихъ изворачивался“. Городская община представляла изъ себя болѣе сплоченности и внутренняго единства и менѣе разносоставности, нежели община нынѣшняго времени подъ всесословною думою. Бояре (впослѣдствіи шляхтичи) и земяне, купцы и мѣщане не были разграничены и по складу своей жизни разъеди-

нены, но всѣ вмѣстѣ представляли изъ себя, по своему образованію, развитію, воззрѣніямъ, образу жизни и привычкамъ, одну почти сплошную массу, которой части другъ отъ друга разнились лишь большимъ или меньшимъ достаткомъ. Чиновничества въ нынѣшнихъ его размѣрахъ не было и въ зародышѣ. Городъ управлялъ собою посредствомъ своихъ выборныхъ изъ среды указанныхъ группъ, пользовавшихся въ дѣлѣ управленія равными правами. Слова: мѣщанинъ и купецъ отнюдь не имѣли того особаго колорита и значенія, какое пріобрѣли въ послѣднее время, равно какъ шляхтичъ и земянинъ не представляли изъ себя величія недосягаемаго; напротивъ переходъ изъ одной группы въ другую былъ не труденъ и обыкновененъ, и не только снизу вверхъ, но и сверху внизъ.

Правящее учрежденіе города носило названіе Магистрата и было весьма не сложно. Грамотою Сигизмунда-Августа 1544 г. повелѣвалось избирать „судей присяжныхъ, или на уряды потребныхъ людей, числомъ отъ трехъ до двѣнадцати человѣкъ, смотря по надобности и обыкновенію, хранимому издревле“; но къ тому времени, если не ошибаемся, и надобность и обычай утвердили число двѣнадцать. Этотъ общій составъ городскаго управленія распадался на двѣ коллегіи съ равнымъ числомъ членовъ, изъ которыхъ одна вѣдала внѣшній порядокъ и хозяйство городское, а другая творила судъ. Въ первой коллегіи предсѣдательствовалъ обыкновенно *войтъ*, представитель вообще городскаго управленія, избиравшійся на всю жизнь, а члены этой коллегіи назывались *райцами* или *радцами* (отъ словъ: радить, раять, совѣтовать), впослѣдствіи *ратманами*; во второй коллегіи предсѣдалъ бурмистръ, а члены носили названіе *лавниковъ* (отъ лавы или лавки, мѣста сидѣнія), т. е. судей. Коллегія административная вѣдала мелкіе проступки и правонарушенія, коллегіи судебной подлежали болѣе крупные иски гражданскіе и дѣла уголовныя; она карала и миловала, владѣла правомъ жизни и смерти, содержала висѣлицу и палача съ орудіями казни и наказаній. Мечь, которымъ отсѣкались головы преступникамъ, хранился еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ магистратскомъ складѣ. Въ дѣлопроизводствѣ обѣихъ коллегій преобладалъ элементъ устный надъ письменнымъ. Судъ былъ скорый, хотя не всегда милостивый и правый. Впрочемъ, тяжущіеся и подсудимые пользовались всегда правомъ свободной защиты.

Зданіе, въ которомъ помѣщался городской Магистратъ, носило названіе ратуши, остававшееся за нимъ до переименованія Магистрата въ Думу въ 1834 г. Для содержанія онаго король Сигизмундъ III грамотою 15 февр. 1619 г. пожаловалъ кіевлянамъ собственный его грунтикъ,—гору Щековицу, нынѣ царство мертвыхъ.

Кіевъ не обязанъ былъ никому, даже самому королю, отчетомъ въ своемъ хозяйствѣ. Тотъ-же король Сигизмундъ III грамотою 1 апрѣля 1620 г. воспретилъ тогда и „на потомные часы" принуждать кіевлянъ къ дачѣ отчетовъ въ своихъ доходахъ предъ королевскими комиссарами. Одинаково независимъ былъ Кіевъ и въ дѣлахъ собственнаго суда и это гарантировалъ для него еще Сигизмундъ II грамотою 1544 г.

Таковы были „права и вольности, которыхъ Кіевъ уживалъ за славныхъ польскихъ королей". Но „и когда сія древняя столица всеавгустѣйшихъ предковъ россійскихъ государей возвратилась благополучно въ прежнее владѣніе ея, то не токмо всѣ ея привилегіи во всей силѣ высокими самодержцами всероссійскими утверждены, но и общія выгоды и преимущества града сего жалованными высокомонаршими грамотами всемилостивѣйше распространены и умножены...."

Дѣйствительно, тою-же грамотою царя Алексѣя Михайловича (16-го іюля 1654 г.), которою повелѣвалось „мѣщанамъ" (жителямъ) г. Кіева быть подъ крѣпкою рукою его величества, подтверждались и всѣ прежнія его права и привилегіи. Эта подтвердительная грамота въ свою очередь была подтверждаема преемниками Алексѣя Михайловича въ 1700, 1730, 1743 и послѣдующихъ годахъ до царствованія Александра I-го; но отъ всѣхъ этихъ грамотъ, отъ всѣхъ правъ и привилегій, отъ всего городскаго самоуправленія и самосуда, какъ и отъ всей прежней жизни, къ 1835 году не осталось ничего.

И сталось это въ силу неотразимаго хода событій, въ силу особаго строя и чѣмъ дальше, все болѣе измѣнявшагося теченія жизни того государства, съ которымъ Кіевъ вновь соединилъ свою судьбу и уже не въ качествѣ его столицы. Царствованіе Алексѣя Михайловича, при которомъ Кіевъ поступилъ подъ державу россійскую, само по себѣ было послѣднею гранью прежней автономной жизни областей и городовъ, участія земли въ жизни государства.

Абсолютизмъ Петра I-го, централизировавшаго всякую отрасль управленія и подтянувшаго все подъ свою высокую и крѣпкую руку, всего менѣе оставлялъ мѣста какой либо „вольности". Послѣдующія правленія шли въ томъ-же духѣ обобщенія власти и управленія, въ размноженіи служилаго сословія, въ раздѣленіи населенія на касты или классы, въ разширеніи и усиленіи правъ однихъ, порабощеніи и закрѣпощеніи другихъ. При такомъ общемъ строѣ и теченіи жизни, не могли сохранить своей силы никакія прежнія пожалованія и ихъ подтвержденія. Жизнь дѣлала свое и— старые порядки должны были уступать мѣсто новымъ. Въ общемъ потокѣ государственной и общественной жизни не могъ составлять исключенія и Кіевъ, а тѣмъ болѣе его полновластный и независимый Магистратъ. Всѣ прежнія привиллегіи Кіева, начиная съ самостоятельности митрополіи и выборнаго начала въ церковномъ управленіи, падали одно за другимъ. Изъ состава нѣкогда компактной общины городской выдѣлялось, какъ и въ общемъ строѣ общественной жизни, единое привилегированное дворянское сословіе, по жалованной грамотѣ Екатерины II получившее свое особое самоуправленіе. Еще прежде выдѣлилось духовенство въ особую, совсѣмъ замкнутую касту. Выдѣлился и умножился классъ правящій, которому одному открытъ былъ доступъ къ дворянству. По мѣрѣ всего этого принижались, оскудѣвали и въ числѣ уменьшались группы купцовъ и мѣщанъ. Кому и кѣмъ было править, кому и кого было судить?

Открытіе въ Кіевѣ намѣстничества, въ правленіе Екатерины II, и введеніе общаго городоваго положенія, лишь съ нѣкоторыми изъятіями для Кіева, сильно понизило авторитетъ городскаго представительства, ограничило его составъ, съузило кругъ его дѣятельности, словомъ: наносило почти окончательный ударъ автономному управленію Кіева. Правда, въ царствованіе императора Павла I-го, грамотою 19 сентября 1798 г., на нѣкоторое время были возобновлены прежнія права и привилегіи Кіева и Магистратъ былъ возстановленъ въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями членовъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго эти права еще разъ были подтверждены; но прежнія названія были теперь не болѣе какъ пустые ярлыки, а лица, ими обозначаемыя, простыя пѣшки, ничего не значившія въ общемъ ходѣ жизни и управленія города.

При Екатеринѣ II и Александрѣ I перестраивался весь порядокъ государственной и общественной жизни, явился цѣлый рядъ учрежденій административнаго, судебнаго и полицейскаго характера, обнимавшихъ собою всю область предметовъ вѣдѣнія Магистрата и не оставлявшихъ для него почти ничего. Оставалась едва слабая тѣнь прежней административной власти Магистрата и то въ тѣсномъ кругѣ мѣщанства и купечества и его мелкихъ интересовъ. Между тѣмъ все бремя городскихъ повинностей и налоговъ ложилось всею своею тяжестію исключительно на обѣднѣвшее мѣщанство. Мѣщане приносили на это жалобу и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ составленъ по высочайшему повелѣнію особый комитетъ изъ представителей всѣхъ сословій, для приведенія въ извѣстность и равновѣсіе городскихъ доходовъ съ расходами и уравненія всѣхъ жителей города Кіева въ ихъ повинностяхъ. Стало-ли послѣ этого легче жаловавшимся мѣщанамъ,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что для Магистрата составленъ былъ новый штатъ, съ допущеніемъ перевода натуральнаго содержанія на денежные оклады и съ предоставленіемъ городу пользовать своихъ выборныхъ только деньгами, или деньгами и натурою вмѣстѣ.

Такъ влачилъ свои послѣдніе годы кіевскій Магистратъ до совершеннаго его упраздненія и замѣны столько-же безцвѣтною и еще болѣе безсильною Думою. Какъ-бы въ утѣшеніе кіевлянъ до послѣдняго конца ихъ самоуправленія, имъ оставлена была отъ прежнихъ „вольностей“ еще одна забава, но объ ней скажемъ особо, а теперь докончимъ наше слово о старомъ полновластномъ Магистратѣ.

Кіевскій Магистратъ и подъ польскимъ и подъ русскимъ владычествомъ мѣнялся въ составѣ своихъ членовъ, которыхъ было и большее и меньшее число, смотря по надобности, не свыше однако 12-ти, не считая войта; избирались-же они изъ всѣхъ кіевскихъ жителей *„по разуму, способности и достоинству“*. Райцы и лавники отбывали свои сессіи и въ половинномъ составѣ—по очереди, по-годно или по четвертямъ года. Въ послѣдствіи, подъ русскимъ уже владычествомъ, вѣроятно, для облегченія войта, и въ средѣ райцевъ, какъ прежде въ средѣ лавниковъ, является *бурмистръ*. Занятія спеціализируются: завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ переходитъ въ руки *шафаря*, сборъ налоговъ и вообще доходовъ—*ин-*

стигатора; райцы, потомъ *ратманы,* въ послѣднее время называются *рателерами:* въ штатъ Магистрата, кромѣ писаря, входятъ „урядники, подвойскіе“ или вахмистры, а также канцеляристы.

Денежные оклады городскихъ выборныхъ были не значительны. Такъ жалованье войта грамотою Владислава IV (30 марта 1645 г.) опредѣлялось въ 500 злотыхъ, бурмистру и старшему райцѣ грамотою Яна Казимира (12-го генваря 1650 г.) назначено по 300 злотыхъ. Тѣ же оклады этимъ лицамъ значатся и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, а прочимъ 4 райцамъ и 6-ти лавникамъ лишь по 60 злотыхъ въ годъ, „какъ изъ давна повелось“. Въ 1778 г., по штату утвержденному сенатомъ, денежные оклады назначены, „съ прибавленіемъ противу прежняго“, въ слѣдующемъ размѣрѣ: войту 400 р., двумъ бурмистрамъ по 250 р., тремъ ратегерамъ по 200 р., лавнику одному 100 р., инстигатору одному 80 р. и писарю 300 р., всего же, считая содержаніе канцеляріи, урядниковъ, вахмистровъ и пр., 3,560 р.

Гораздо значительнѣе этихъ денежныхъ окладовъ былъ такъ называемый *юргенсъ,* или *акциденція,* по нашему—довольствіе натурою. По введенному издревле обыкновенію, практиковавшемуся и въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, въ видѣ акциденціи или „юргента“ давалось:

Войту горячаго вина, меду и пива по 100 ведеръ, лѣсу сосноваго по 100 бревенъ, дровъ 100 возовъ, да къ двумъ праздникамъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія меду и пива по 10 ведеръ, и сверхъ того „на рангъ“ его войта давался городской хуторъ съ винокуреннымъ заводомъ, сѣнокосъ на 500 копенъ и рыболовное озеро.

Бурмистрамъ и райцамъ вина горячаго по 60 ведеръ, меду варенаго и пива по 100 ведеръ, „кромѣ праздничнаго“, лѣсу сосноваго по 60 бревенъ, дровъ по 60 возовъ и сѣнокоса по 300 копенъ.

Лавнику и инстигатору горячаго вина, меду и пива, „кромѣ праздничнаго“, по 20 ведеръ, лѣсу сосноваго по 20 бревенъ, дровъ по 20 возовъ и сѣнокоса каждому по 100 копенъ.

Урядникамъ горячаго вина, меду варенаго и пива по 12 ведеръ, лѣсу по 12 бревенъ, дровъ по стольку же возовъ, сѣна не полагалось.

Писарю горячаго вина, меду и пива по 50 ведеръ, лѣсу сосноваго 50 бревенъ, дровъ 50 возовъ да сѣнокосу на 200 копенъ.

Канцелярскимъ служителямъ „юргенсъ даванъ былъ“ по разсмотрѣнію бурмистра и райцы не единообразно, тоже подвойскимъ и разсыльщикамъ.

Нѣсколькими словами о прежнемъ помѣщеніи Магистрата мы и заключимъ не многія свѣдѣнія о кіевскомъ представительствѣ прежняго времени.

Издревле главная масса кіевскаго населенія ютилась на Подолѣ: тутъ кипѣла торговая жизнь, тутъ помѣщался и Магистратъ,—управленіе и судилище г. Кіева. Съ XVII въ XVIII вѣкъ отъ прежняго магистратскаго помѣщенія перешли башенные часы съ славянскою надписью 1697 г. Въ XVIII в., по описанію Закревскаго, зданіе Магистрата выдавалось изъ ряда другихъ по своей причудливой архитектурѣ. Это было каменное двухъ-этажное зданіе во вкусѣ *рококо,* съ большимъ выступомъ въ срединѣ для входа, съ обширною надъ нимъ террасою и круглою съ балкономъ башнею, въ 15 саженъ, утвержденною на главномъ фасадѣ. Домъ этотъ оконченъ былъ постройкою въ 1737 г. и находился на пространствѣ между фонтаномъ Самсона и контрактовымъ домомъ, будучи одной стороной обращенъ къ братскому монастырю, а другой къ успенской церкви. Упомянутая терраса заканчивалась красивымъ фронтономъ, на которомъ стояла мѣдная колоссальная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. На башнѣ помѣщались часы; къ нимъ прилажена была и съ ними особымъ механизмомъ соединена мѣдная барельефная фигура кіевскаго патрона, архистратига Михаила, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ. Когда раздавался бой часовъ, стальное копье Архистратига ударяло въ кремнистую пасть лежавшаго у ногъ его змія. Въ темнотѣ сыпались искры и змій огненнымъ казался. Въ опредѣленные часы дня съ высоты балкона раздавалась игра трубачей; на открытой террасѣ 16 музыкантовъ, вечернею порой, въ хорошую лѣтнюю погоду, услаждали слухъ кіевлянъ. Все это вмѣстѣ привлекало иногда къ ратушѣ массы народа. По всему думать можно, что это магистратское помѣщеніе было лучше нынѣшняго его думскаго; но пожаръ 1811 года до тла истребилъ лучшее въ тогдашнемъ Кіевѣ зданіе, которымъ такъ долго любовались кіевляне.

Время снесло вѣковѣчное учрежденіе, пламя пожрало его помѣщеніе и отъ прежняго представительства города осталось лишь туманное воспоминаніе...

Кромѣ самоуправленія и самосуда, Кіевъ издревле пользовался привилегіею или, точнѣе, обязанностію самозащиты.

Говоря объ этомъ, мы не касаемся періода кіевскихъ князей, временъ борьбы князей изъ-за обладанія Кіевомъ, нападенія на него кочующихъ народовъ, разоренія его татарами и порабощенія литовцами, — того отдаленнаго времени, когда самозащита была общимъ всѣхъ и каждаго правомъ и обязанностію, но не имѣла опредѣленной организаціи, являлась импровизированною въ годины несчастій. Въ періодъ литовскаго владычества, эта обязанность, не переставая быть общею въ крайнихъ случаяхъ, связывалась съ правомъ владѣнія землею и, регламентируясь извѣстнымъ образомъ, составляла принадлежность особаго класса людей, какъ-то: бояръ, земянъ и впослѣдствіи козаковъ. Но тутъ различалась служба воинская какъ повинность земли, общегосударственная потребность и какъ самозащита общины при отдѣльномъ на нее нападеніи. Кіевляне въ это время несли ту и другую повинность. Съ превращеніемъ кіевскаго княженія въ намѣстничество и потомъ воеводство, въ Кіевѣ былъ *Замокъ,* солидно укрѣпленный и вооруженный, какъ для отраженія внѣшнихъ нападеній, такъ и для удержанія въ городѣ спокойствія и безопасности; но, пользуясь защитою со стороны государства, кіевляне должны были въ свою очередь участвовать въ огражденіи безопасности ближайшихъ по крайней мѣрѣ къ нимъ областей. Главнѣйшими и постоянными, такъ сказать, врагами кіевской земли и самаго Кіева были въ то время татары. Ихъ набѣговъ въ большей части случаевъ, особливо на пограничьи, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Кромѣ отмѣченныхъ исторіею татарскихъ походовъ и нашествій, мелкія партіи татаръ каждогодно и даже по нѣскольку разъ въ годъ появлялись внезапно то въ той, то въ другой изъ русскихъ областей и дѣйствуя налетомъ и захватомъ, проникая во внутрь, на сколько позволяли ихъ силы и обстоятельства, производили большія или меньшія опустошенія, держа населеніе въ постоянномъ страхѣ. Пока постепенно

формировалось козачество и выдвигался все далѣе къ югу рядъ укрѣпленій, обязанность защиты земли отъ нападеній татаръ была общею и, въ соотвѣтствіе ихъ набѣгамъ, постоянною. И кіевляне обязаны были тогда ежегоднымъ хожденіемъ за татарами въ воеводства волынское, брацлавское и подольское, дабы вылавливать ихъ, какъ впослѣдствіи вылавливали сусликовъ на пространствѣ степей новороссійскаго края. Король Сигизмундъ III, какъ писали впослѣдствіи кіевляне, благоволившій къ Кіеву, „бывшему неоднократно театромъ военныхъ государственныхъ произшествій и отличавшему себя всегда усердными подвигами", грамотою 1624 года освободилъ ихъ отъ обременительнаго и становившагося отчасти уже излишнимъ каждогоднаго хожденія за татарами и повелѣлъ выступать противъ этого врага лишь тогда, когда онъ вторгнется въ кіевское воеводство, или чрезъ оное возвращаться будетъ. Въ этихъ случаяхъ „всѣ кіевскіе мѣщане, находящіеся на лицо, за полученіемъ повелѣнія воеводы кіевскаго съ нимъ или съ подвоеводою его кіевскимъ, обязаны были при королевскомъ войскѣ рушиться *порядно* каждый разъ, когда только сего надобность требовать будетъ".

Мы не имѣемъ въ виду свѣденій о размѣрахъ кіевскаго отряда, съ королевскими войсками въ такихъ случаяхъ выступавшаго, ни свѣденій объ его организаціи и вооруженіи; мы хотимъ сказать лишь о томъ, какъ изъ права самозащиты, извѣстнымъ образомъ организованной, и обязанности общегосударственной защиты выродился впослѣдствіи тотъ *вооруженный корпусъ г. Кіева*, который существовалъ до недавнихъ дней, которымъ гордились кіевляне и о которомъ сохранилось еще столько преданій и разсказовъ очевидцевъ.

Сознавая себя вольными, чувствуя за собою право и обязанность самозащиты, участвуя наконецъ въ защитѣ себя и земли родной, въ походахъ и дѣйствіяхъ военныхъ, кіевляне пріобыкли владѣть оружіемъ, имѣли свои военныя традиціи и не тяготились своею воинскою повинностію, ясно понимая ее, какъ свою собственную самозащиту. На это указываетъ намъ грамота Сигизмунда III-го 22 февраля 1605 г., данная Кіеву по поводу возобновленія кіевскаго замка, сгорѣвшаго передъ тѣмъ отъ громоваго удара. Неоднократно, какъ говорится въ грамотѣ, кіевляне жаловались королю на невозобновленіе въ Кіевѣ замка и на грозившую имъ поэтому

постоянную опасность отъ непріятелей; когда-же королевскій приказъ о семъ кіевскому воеводѣ въ теченіи долгаго времени не былъ выполняемъ, а между тѣмъ, въ виду Кіева, въ томъ же (1605) году, вновь показался непріятель-татаринъ, то кіевляне, „не съ какой-либо повинности, которой при постройкѣ и исправленіи замка не обязаны нести, но съ доброй воли, единственно для собственной защиты, рѣшились на собственный счетъ замокъ дубовымъ палисадомъ укрѣпить и оный застроить". Кіевляне при этомъ просили короля лишь о томъ, чтобы эта добровольная съ ихъ стороны жертва, вызванная чувствомъ самозащиты, не была превращена въ обязательную для нихъ на будущее время повинность, и король ихъ, „какъ людей вольныхъ, магдебургскимъ правомъ пользующихся, тою-же грамотою отъ сего ограждалъ и при всѣхъ ихъ вольностяхъ и на будущее время оставлялъ".

Во время козацкихъ войнъ Хмельницкаго кіевскій замокъ былъ разоренъ до основанія, а самый Кіевъ, возвратившись подъ державу россійскую, былъ освобожденъ отъ участія въ общегосударственной защитѣ и его собственная защита была ограждена со стороны новаго правительства болѣе надежнымъ образомъ, чѣмъ во времена господства королей со стороны воеводъ, возводившихъ и поддерживавшихъ городскія укрѣпленія, по своему усмотрѣнію, на счетъ получаемыхъ ими отъ воеводства и города доходовъ. Грамотою царя Алексѣя Михайловича 16 іюля 1654 года постановлено, „чтобъ быть кіевскимъ мѣщанамъ отъ ратныя службы уволеннымъ, и въ обозъ не ходить, а оберегать себя въ городѣ". Дарованная теперь льгота подтверждалась и во всѣ послѣдующія царствованія; но скоро и сама защита города оказалась не нужною. Для московскаго государства до преобразованія его въ россійскую имперію и впослѣдствіи для самой имперіи Кіевъ сталъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ—со стороны Польши, Турціи и татаръ и на укрѣпленіе его было обращено особое вниманіе новаго правительства: строились укрѣпленія, насыпались валы, возобновлялся замокъ, сооружались башни и бойницы, разставлялись пушки, вводились кавалерійскіе и стрѣлецкіе полки и наконецъ (въ 1706 г.) заложена нынѣшняя печерская крѣпость. Важнѣйшія изъ укрѣпленій относятся ко времени чигиринскаго и прутскаго походовъ и связаны съ именами Алегуковича Черкасскаго и Миниха. Но въ возведеніи

укрѣпленій, въ своей самозащитѣ городъ Кіевъ не принималъ уже никакого участія. Понятія о способахъ государственной обороны повсюду измѣнились, явилось постоянное регулярное войско и защита областей и городовъ стала исключительно достояніемъ государства.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на время образованія кіевскаго корпуса въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія; но кажется, что начало его надо отнести именно къ тому времени, когда вооруженная сила городской общины становилась не нужною для ея собственной защиты, принятой на счетъ государства.

Когда бы ни явился этотъ корпусъ, образованіе его совершилось просто и легко. Такъ называемые регистровые, т. е. состоявшіе на постоянныхъ должностяхъ при Магистратѣ составили готовую команду корпуса и отчасти его кавалерію, которая пополнялась охотниками изъ богатыхъ и почетныхъ гражданъ, а пѣхота и вообще масса корпуса явилась также готовою въ лицѣ цеховыхъ, проще—ремесленниковъ разнаго рода или мѣщанъ. Выборное служилое сословіе командовало, выбиравшая масса по командѣ поступала. Корпусъ имѣлъ свои ружья и пушки, блестящую обмундировку, своихъ трубачей и литаврщиковъ, свою музыку и знамя, или хоругвь; его кавалерія носила названіе „товарищества золотой коровы". Только численная сила корпуса была не велика—всего 187 человѣкъ кавалеріи, а пѣхоты по числу цеховыхъ. Какого-либо непріятеля сей вооруженный корпусъ не имѣлъ въ виду, бояться ему было некого и служба его была не тяжела. Разъ или болѣе въ году „высылаемъ онъ былъ въ парадѣ съ музыкою для почестей встрѣчею посѣщающихъ и шествующихъ чрезъ г. Кіевъ высочайшихъ фамилій и проѣзжающихъ чрезъ оный полномочныхъ чрезвычайныхъ россійскихъ пословъ, посланниковъ и другихъ знатныхъ персонъ". Въ высокоторжественные церемоніальные дни, въ дни торжественныхъ освященій воды на Днѣпрѣ, 6-го января и 1-го августа, корпусъ былъ выдвигаемъ въ томъ-же видѣ и для той-же цѣли. Парадировали, мѣняли фронтъ и строй, проходили церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ слышалась команда: „товщимъ кинцемъ до пидошвы!", палили изъ пушекъ и ружей, трубили въ трубы,

били въ литавры, играли на инструментахъ... Словомъ: „существовалъ и многіе годы содерживался сей вооруженный корпусъ г. Кіева для вящшаго сея древнія столицы украшенія". Другими словами: это была одна изъ прерогативъ, внѣшнихъ знаковъ представительства г. Кіева, пережившая самое представительство, какъ нерѣдко форма переживаетъ дѣло.

Упомянутыя церемоніи 6-го января и 1-го августа издревле отбывались въ Кіевѣ съ особою торжественностію и нѣтъ сомнѣнія, что кіевская община представляла себя на нихъ такъ или иначе. Объ одной изъ такихъ церемоній упоминаетъ въ своихъ запискахъ завѣдывавшій постройкою кіевскихъ укрѣпленій въ послѣдней четверти XVII в. Гордонъ; но описывая всю церемонію и производившуюся при томъ пальбу, онъ ничего не упоминаетъ о дѣйствіяхъ кіевскаго вооруженнаго корпуса, изъ чего должно заключить, что самый корпусъ организовался позже.

Судьба корпуса была неодинакова. Въ правленіе Бирона онъ былъ уничтоженъ и мѣщанъ брали въ рекруты. Не существовалъ онъ и позже. Возстановленъ вновь въ началѣ царствованія Екатерины II и усиленъ артиллеріею новаго калибра. Въ 1768 году Магистратъ озаботился устройствомъ и содержаніемъ при семъ корпусѣ постояннаго оркестра. Поводомъ къ сему послужили неудобства, которыя испытывали Магистратъ и корпусъ, при внезапныхъ проѣздахъ и посѣщеніяхъ какихъ-либо высокихъ особъ. Приходилось заимствовать трубачей и литаврщиковъ отъ полковъ и другихъ командъ, которымъ они въ свою очередь бывали нужны, платить за нихъ деньги, переодѣвать въ соотвѣтственное платье, а иногда и вовсе оставаться безъ музыкантовъ. Въ особенности постоянные трубачи и литаврщики были нужны „для игранія ежедневной утренней и вечерней зари, а также полуденнаго 12-го часа". Магистратъ постановилъ имѣть собственныхъ магистратскихъ музыкантовъ, въ числѣ 16 человѣкъ, содержать для нихъ капельмейстера и особую школу для постояннаго комплектованія городской „капеллии". Имъ назначено постоянное жалованье, сооружены церемоніальные и повседневные мундиры, даны нужные инструменты. На постоянное содержаніе и освѣщеніе школы и ремонтъ костюмовъ и инструментовъ положено отчислять изъ городскихъ доходовъ ежегодно по 300 р.

Въ 1790 году въ вооруженномъ корпусѣ Кіева почувствовали, по обстоятельствамъ тогдашняго военнаго времени, какъ-бы дѣйствительную потребность и рѣшились дать ему назначеніе, которое отвѣчало-бы его названію, а предварительно на всякій случай приспособить его къ военному дѣлу. Этимъ занялся бывшій тогда въ Кіевѣ губернаторъ Ширковъ, по распоряженію генералъ-губернатора Михаила Ивановича Кречетникова. Составлены были именные списки и по нимъ приведены въ извѣстность всѣ тѣ кіевскіе мѣщане, которые въ случаѣ надобности могли бы быть употреблены на защищеніе и охраненіе города. Раздѣлили ихъ на хоругви, назначили имъ командировъ, выдали изъ магистратскаго военнаго депо оружіе: самопалъ, пистолетъ и пику и внушили хранить оное во всегдашней исправности, а по временамъ и стрѣлять пріучаться. Разъ въ недѣлю, на Оболони, палили мѣщане изъ ружей, дабы къ стрѣльбѣ пріобыкнуть. Кіевскій корпусъ сталъ совсѣмъ вооруженнымъ. Оказалось мало городской артиллеріи, вся она состояла изъ четырехъ пушекъ. Графъ Кречетниковъ далъ еще пять мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и къ каждой по 50 ядеръ, по ихъ калибру, со всѣми принадлежностями, для надлежащаго пріобученія корпуса. Однако услугами его такъ и не пришлось воспользоваться. Мѣщане подучились по крайней мѣрѣ исправно палить изъ пушекъ и ружей въ церемоніальные дни.

Въ 1798 году 13 іюля пальба и всякія церемоніи неожиданно были прекращены. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, „дабы впредъ церковныхъ парадовъ не было, предоставляя сіе единственно резиденціи“. Кіевляне всполошились; собрали всѣ грамоты, привилеи, стали хлопотать чрезъ бывшаго тогда военнаго губернатора Беклетова и еще въ послѣдній день того-же года дождались отмѣны сдѣланнаго запрещенія. Императоръ Павелъ I-й снизошелъ къ просьбѣ кіевскихъ гражданъ и снова дозволилъ имъ „отправлять издавна введенную въ Кіевѣ января 6-го и августа 1-го церемонію, т. е. „всѣмъ цехамъ при сабляхъ и ружьяхъ съ хоругвями выходить, а почетнымъ гражданамъ въ одинаковомъ одѣяніи на лошадяхъ выѣзжать и на рѣкѣ Днѣпрѣ при освященіи воды пальбу производить“.

И производили, хотя ружья подъ часъ безъ замковъ были. За неявку на церемоніи назначался штрафъ: но большинство участни-

ковъ, особливо кавалеристы, являлись охотно. Самолюбію простаго, совсѣмъ мирнаго гражданина, давно забывшаго исторію роднаго города и края, необычайно льстило это внезапное превращеніе два раза въ годъ во образъ почти военнаго человѣка, а для иныхъ и какъ-бы генерала. Вотъ обмундировка этихъ quasi воиновъ вооруженнаго корпуса. На кавалеристѣ атласный фіолетоваго цвѣта жупанъ; поверхъ его кунтушъ темнозеленаго сукна, рукава на *„вылетъ“*; всѣ швы обшиты золотымъ снуркомъ, на головѣ высокая смушевая шапка, верхъ бархатный малиновый, кисть золотая; черезъ плечо лядунка, съ боку сабля на шелковомъ поясѣ; сѣдло, вся сбруя оторочены серебромъ, иногда золотомъ, даже стремена серебряныя; при сѣдлѣ пара добрыхъ пистолей. Пѣхотинцы одѣвались въ простые кунтуши, надѣвали также высокія шапки, имѣли каждый при поясѣ саблю, лядунку и ружье. 15-ю хоругвями ихъ командовали цехмистры, выступавшіе съ обнаженными саблями, всѣмъ корпусомъ и всею церемоніею управлялъ бурмистръ. Подробности церемоніи описаны у Закревскаго. Мы приведемъ изъ него лишь слѣдующія заключительныя слова: „при бѣглыхъ выстрѣлахъ изъ пистолетовъ и ружей, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, игра музыки, гулъ огромнаго барабана, звуки трубъ, грохотаніе литавръ, шумъ волнующейся толпы, крикъ тѣснящихся за освященною водою, визги женщинъ и дѣтей, ржаніе лошадей и вторящее эхо—все это производило хаосъ необъятный, но вмѣстѣ торжественный“.

Оканчивался этотъ оригинальный парадъ, всѣ представители и участники его отправлялись на *закуску:* генералитетъ и кавалерія вооруженнаго корпуса—давнѣе въ ратушу, позже—въ контрактовый домъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и властями, а пѣхотинцы съ цехмистрами, влагавшими мечь свой въ ножны до слѣдующаго года, —въ управу. Каждому изъ нихъ предоставлялось право палить изъ ружей во весь этотъ день. Еще одно оставшееся право, если не считать неотъемлемаго другаго — пить на радости, сколько кому вздумается. И пили они и при томъ палили, палили и пили, *Руси бо есть веселіе пити.*

Какъ ни съужено и принижено было властное нѣкогда представительство городское, но это двукратное въ годъ участіе его въ пустомъ по видимому парадѣ не оставалось безслѣднымъ. Дважды

въ годъ оно шевелило сонную жизнь города, будило и поддерживало въ его населеніи воспоминаніе о пережитыхъ временахъ „привилеевъ и вольностей“, хранило дорогую традицію о національности и ея соотношеніяхъ и какъ искру подъ пепломъ берегло духъ воинственный на случай нужды. Двумя опытами доказали это кіевляне. Въ 1812 г., когда послѣдняя *гармиза* (гарнизонные солдаты) двинута была на усиленіе дѣйствующихъ армій, старожилы-кіевляне безъ приказа сформировали свой вооруженный корпусъ и до возвращенія войскъ содержали караулы въ городѣ и крѣпости. Позже —во время перваго польскаго возстанія они вновь снарядили свою милицію, состоявшую на этотъ разъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 400 человѣкъ конницы, въ теченіи полугода охраняли Кіевъ и кіевскій уѣздъ отъ вторженія непріятеля и получили за то Высочайшую благодарность. Не безъ основанія старожилы-очевидцы бывшихъ церемоній такъ краснорѣчиво повѣствуютъ о гордой осанкѣ, воинственномъ видѣ послѣдняго бурмистра, командира вооруженнаго корпуса—Мажнаго, его блестящемъ костюмѣ, дорогомъ скакунѣ, богатой сбруѣ, величественной командѣ. Не изъ мѣщанскаго только чванства говорилъ не такъ давно умершій, очень извѣстный на Подолѣ купецъ, самъ участвовавшій въ парадахъ: „якъ сяду було на коня, кровь въ сердці заграе, самъ себе не пизнаешь“... и, послѣ описанія собственнаго костюма, вооруженія и коня, прибавлялъ: „с...й сынъ буду, зовсімъ якъ генералъ! наветь (даже) москали (солдаты), якъ углядять, на караулъ було роблять“. Да, традиція была живуча.

Въ 1835 году послѣдовало уничтоженіе въ Кіевѣ такъ называемаго магдебургскаго права и соединенныхъ съ нимъ внѣшнихъ отличій городскаго управленія. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней чрезъ полицію созвали все представительство городское,—командировъ и нижнихъ чиновъ, на мѣстѣ, гдѣ происходили ихъ quasi военныя эволюціи, выстроили въ ряды и объявили царскую волю. Магистратъ переименованъ въ Думу и вмѣсто войта велѣно избирать голову—изъ купцевъ, а между ними къ тому времени взяли верхъ захожіе, пользовавшіеся нѣкоторыми привиллегіями, великороссіяне: Дехтеревъ, Ходуновъ и др. Традиціонное чувство кіевлянъ глубоко оскорбилось. Недовольство ихъ и какъ-бы плачь о потерѣ древнихъ правъ въ рѣзкой формѣ отразились въ стихотво-

реніи, которое тогда-же написано однимъ изъ состава Магистрата, именно его писаремъ, долго ходило по рукамъ, потомъ забыто и теперь съ трудомъ разыскано нами. По этому стихотворенію можно судить о причинахъ сочувствія, какимъ оно долго пользовалось въ средѣ кіевскихъ гражданъ, можно судить о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ отмѣною магдебурскаго права. Людей, незнакомыхъ съ обстоятельствами его происхожденія, оно могло бы привести къ ошибочному заключенію, что въ немъ отразилась вражда двухъ національностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ коммерческая вражда двухъ купеческихъ партій—захожей, для которой *магдебурія* была какой-то дикій, съ трудомъ произносимый звукъ, и мѣстной, въ сторону которой тянуло и все кіевское мѣщанство. Мы приведемъ это стихотвореніе въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" настоящей книжки, какъ мѣстный историческій и литературный памятникъ, а теперь закончимъ нашу рѣчь слѣдующимъ краткимъ эпилогомъ.

Кіевляне (купечество и мѣщанство), не въ состояніи будучи понять, что широкія нѣкогда права ихъ самоуправленія снесены потокомъ новой наступившей для нихъ жизни, что отъ нихъ осталась одна лишь форма, звукъ пустой, громко вопили, какъ показываетъ упомянутое стихотвореніе, послѣдняго своего войта Киселевскаго въ продажѣ ихъ правъ за деньги, благо онъ деньги любилъ и много вкусилъ отъ общественнаго пирога, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся архивныя дѣла. Онъ самъ терялъ всячески почетное и прибыльное мѣсто, а они винятъ его въ продажѣ, когда и продавать-то стало нечего. Странно повторился здѣсь конецъ Запорожья: послѣдній его Кошевой до глубокой старости томился въ Соловкахъ, а пущенное на всѣ стороны товарищество на „Калишпа" въ своихъ думахъ плакалось...

Не дожило старое, вѣковое самоуправленіе кіевское, немного не дожило до эпохи преобразованій минувшаго царствованія, въ которомъ, какъ въ свое время заявляли московскіе старообрядцы, послышался голосъ любезной старины. Отъ этого самоуправленія оставалась, правда, одна форма; но и *forma dat esse rei*, когда снова одухотворитъ ее оживлявшій прежде духъ...

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ.

VII *).

Минуемъ сосѣднее съ Галиціей Подолье, о еретичествѣ обитателей котораго у насъ нѣтъ свѣдѣній, и перейдемъ въ другую южнорусскую область, въ которой социніанство надолго свило себѣ теплое гнѣздо: разумѣемъ старинный центръ южнорусской культуры—Волынь. Когда въ концѣ первой половины XVI в. потоки реформаціи достигли южной Руси, волынцы заплатили обильную дань вѣку и, по словамъ современника, „охотно ринулись въ пространный и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“ [1]); но протестанство, съ его холоднымъ формализмомъ, не надолго удовлетворило ихъ, и лишь только возникло болѣе радикальное антитринитаріанство, волынцы съ такою же охотою ринулись въ пространный и широкій путь новаго ученія. Извѣстный московскій выходецъ князь Андрей Курбскій, жившій здѣсь съ 1564 по 1586 г., съ прискорбіемъ признавался, что въ его время язвою этого ученія была заражена мало не вся Волынь. [2]) Проповѣдь антитринитаріанства одновременно направлялась сюда съ двухъ сторонъ: съ Литвы и Польши. Съ литовской Руси новое ученіе было принесено сюда, между прочимъ, извѣстными уже намъ ѳеодосіанами, а около 1575 года мы встрѣчаемъ здѣсь и самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ. Послѣдній

---

*) См. «Кіевская Старина», апрѣль, стр. 25—57.

[1]) Сказанія князя Курбскаго, I, 84.

[2]) Тамъ же, II, 224.

нашелъ здѣсь пріютъ и покровительство въ домѣ знатнаго пана Кадьяна *Чаплича-Шпановскаго*, потомка старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей на Волыни громадными имѣніями; а Ѳеодосій Косой жилъ у какого-то другаго волынскаго пана. Изъ переписки князя Курбскаго съ Чапличемъ видно, что послѣдній сильно склонялся въ сторону антитринитаріанскихъ мнѣній и, бывая въ гостяхъ или на съѣздахъ въ обществѣ волынскихъ пановъ, любилъ заводить вольнодумныя бесѣды, состоявшія въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за ихъ корыстолюбіе и сластолюбіе, въ несуважительныхъ отзывахъ о твореніяхъ св. отцевъ и т. под. Бесѣды эти велись „съ жартами и шутками“, чаще всего за веселой пирушкой, съ кубками мальвазіи въ рукахъ.[1]) Встрѣчаясь съ Курбскимъ, Чапличъ вступалъ съ нимъ въ жаркіе споры по религіознымъ вопросамъ; такъ однажды они сразились въ домѣ родственника Чаплича, волынскаго воеводы князя Богуша Корецкаго, между прочимъ по поводу того, что Курбскій назвалъ Лютера лжепророкомъ. Кромѣ личнаго раздраженія между противниками, споры эти не приводили ни къ какимъ другимъ результатамъ, такъ какъ исходные пункты аргументаціи той и другой стороны были совершенно различны: въ то время, какъ Курбскій въ подтвержденіе своихъ мнѣній любилъ преимущественно ссылаться на отцевъ церкви и постановленія вселенскихъ соборовъ, Чапличъ совсѣмъ отвергалъ авторитетъ церковнаго преданія и опирался въ своихъ преніяхъ единственно на словахъ свящ. писанія, или же приводилъ свидѣтельства „инославныхъ“, т. е. антитринитаріанскихъ или вообще протестантскихъ богослововъ. Въ одномъ лишь случаѣ Курбскій не находилъ что возразить своему противнику: это—когда Чапличъ указывалъ ему на корыстолюбіе и вообще безнравственную жизнь тогдашнихъ южнорусскихъ архіереевъ и монаховъ: „Нехай имъ Богъ судитъ, говорилъ онъ, а не азъ: бо маю и свое бремя грѣховъ тяжкое, о немъ же есмь повиненъ отвѣтъ дати праведному Судіи“. Одновременно съ Кадьяномъ Чапличемъ жилъ на Волыни и другой Чапличъ, можетъ быть братъ перваго, котораго социніанскіе писатели называ-

[1]) Сказ. кн. Курбскаго, I, стр. 183—190.

ютъ патрономъ антитринитаріанской секты: то былъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій, сначала войскій луцкій, а потомъ каштелянъ кіевскій. Онъ пользовался репутаціею образованнаго человѣка и знающаго юриста и потому былъ выбранъ въ 1589 году депутатомъ отъ воеводства волынскаго въ коммисію для исправленія статута, „яко человѣкъ до того годный и права умѣетный“ [1]). Замѣтимъ, что съ этихъ двухъ лицъ начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, съ которыми мы еще встрѣтимся позже.

Кромѣ Игнатія и Косого, въ письмахъ Курбскаго сообщаются свѣдѣнія еще объ одномъ волынскомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства—*Мотовилѣ*, который служилъ у князя Константина Острожскаго и пользовался его благосклонностью. Изъ характеристики его ученія, сдѣланной Курбскимъ, видно, что этотъ Мотовило, по происхожденію очевидно южноруссъ, принадлежалъ къ партіи чистыхъ антитринитаріевъ. Онъ отвергалъ предвѣчное рожденіе Сына Божія отъ Отца и полагалъ начало бытія Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его и посмѣиваясь надъ ними; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ придерживался нѣкоторыхъ полужидовствующихъ мнѣній, напр. о томъ, что Христосъ еще прійдетъ на землю и установитъ тысячелѣтнее царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть, пить и веселиться подъ лозами виноградными. По всему видно, что, независимо отъ своихъ еретическихъ вѣрованій, Мотовило былъ знающій и образованный человѣкъ, и князь Острожскій пользовался услугами его, какъ писателя. Такъ, когда въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ посвященную князю Острожскому книгу „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства“, въ которой излагался проэктъ уніи, то Мотовило, по желанію князя, написалъ ея опроверженіе. Сочиненіе Мотовила было одобрено княземъ Острожскимъ и онъ послалъ экземпляръ его строгому ревнителю православія князю Курбскому въ подарокъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе: „Я уже не могу понять, отвѣчалъ онъ князю: откуда пришла вашему величеству мысль

[1]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. II, т. I, 32.

прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ Христа, вѣрнѣе сказать помощникомъ и прямымъ слугою антихриста! О бѣда, достойная плача! О горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость („стултицію“) вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе, этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять церковь Божію и велятъ имъ писать книги противъ полувѣрныхъ латинянъ. О слѣпота и безуміе! Кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго аспида дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается нѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставятъ защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго, Фотина и Арія... Государь мой возлюбленный! И ты еще не стыдишься дружиться и имѣть общеніе съ подобными людьми! Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ, которые запрещаютъ вѣрнымъ имѣть общеніе съ еретиками, какъ врагами Божіими“. [1]) Таковъ былъ взглядъ сѣверорусса Курбскаго на отношенія къ еретикамъ-иновѣрцамъ. Но князь Острожскій совсѣмъ не раздѣлялъ этого взгляда. Не смотря на мольбы и убѣжденія Курбскаго, онъ не прекращалъ сношеній съ антитринитаріями и продолжалъ пользоваться ихъ литературными услугами; такъ извѣстный „Апокрисисъ“ Христофора Филалета (псевдонимъ), изданный въ защиту православнаго брестскаго собора 1596 года противъ книги іезуита Скарги о томъ же соборѣ, по свидѣтельству латино-уніатскихъ и частью нѣкоторыхъ православныхъ писателей, былъ составленъ антитринитаріемъ Христофоромъ Бронскимъ, [2]) за что князь Острожскій подарилъ автору одно изъ своихъ многочисленныхъ имѣній на Волыни. Того же взгляда держались и другіе южнорусскіе паны, какъ православные, такъ и католики, цѣнившіе въ иновѣрцахъ прежде всего образованныхъ людей и поручавшіе имъ не рѣдко даже воспитаніе своихъ дѣтей. Извѣст-

[1]) Сказанія Курбскаго, II, 216—226.

[2]) Обстоятельныя соображенія объ авторѣ «Апокрисиса» см. въ ст. С. Т. Голубева «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ» въ Трудахъ К. Дух. Академіи, 1876 г., февраль.

ный своею преданностію католицизму канцлеръ коронный Янъ Замойскій приглашалъ для основанной имъ въ Замостьи академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій и въ числѣ ихъ—антитринитаріевъ. Даже православныя братства приглашали иногда преподавателями въ свои школы иновѣрцевъ, какъ поступило напр. виленское братство, получившее за это упрекъ со стороны членовъ братства львовскаго.

Впрочемъ, что касается личныхъ отношеній князя Константина Острожскаго къ социніанамъ, то не одинъ Курбскій находилъ эти отношенія непозволительно-дружественными. Сами социніанскіе писатели считали князя Острожскаго покровителемъ и даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты, [1]) и на этомъ основаніи одинъ изъ писателей—социніанъ Эразмъ Отвиновскій посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій. [2]) Конечно, князь Острожскій не могъ раздѣлять основныхъ социніанскихъ догматовъ, ибо они рѣзко противорѣчили его православнымъ убѣжденіямъ; но что онъ очень благоволилъ къ социніанамъ и симпатизировалъ имъ преимущественно предъ другими протестантами, къ которымъ вообще онъ былъ расположенъ,—это фактъ несомнѣнный. Я не стану ссылаться на близкое родство Острожскаго съ извѣстнымъ патрономъ социніанской секты въ Литвѣ, Яномъ Кишкой, женатымъ на его дочери, а укажу на одно письмо къ нему епископа владимірскаго Ипатія Потѣя отъ 25 марта 1595 года. Изъ этого письма видно, что князь Острожскій упрекалъ православныхъ іерарховъ въ томъ, что они не заботятся о просвѣщеніи церковномъ, что неоднократныя постановленія соборовъ объ открытіи въ югозападной Руси школъ, типографій и проч. не приводятся ими въ исполненіе, и

[1]) Въ одномъ апологетическомъ социніанскомъ сочиненіи, въ которомъ достоинство и заслуги секты доказываются перечисленіемъ наиболѣе знатныхъ ея послѣдователей изъ числа польско-литовскаго и южнорусскаго дворянства, о князѣ Острожскомъ говорится такъ: Quin et Constantinus dux in Ostrog, palatinus Kyoviensis, et Romanus Hoyski, dominus in Hoszcza, castellanus Kyoviensis, capitaneus Volodimiriensis, quamvis religionem unitariam (quam in corde amplectebantur), aperte non sint professi, unitariorum tamen fautores et patroni fuerunt (Biblioth. Antitrinitariorum, p. 283).

[2]) Ibid., p. 83. Это были притчи Христовы, изложенныя польскими стихами.

наконецъ съ укоризной указывалъ имъ на примѣръ иновѣрцевъ и именно *соцініанъ*, у которыхъ есть и школы, и типографіи, и хорошіе проповѣдники. Что Острожскій указывалъ православнымъ именно на порядки соцініанъ, видно изъ отвѣта Поцѣя, видимо задѣтаго за живое этимъ сопоставленіемъ: „А што ми ваша милость рачишъ залѣцати порядокъ иновѣрцовъ, хотя бы былъ найлѣпший, але коли не на правомъ фундаментѣ, все тое за смѣтье сто́итъ—и школы ихъ, и друкарни, и множество казнодѣевъ (проповѣдниковъ). Бо ежели сами суть непріятельми Сына Божого, певно и овощи тые не суть пріятны Богу, и все будованье ихъ якъ на песку, а не на мощной опоцѣ (скалѣ), которая есть Христосъ Сынъ Божій, Богъ и человѣкъ правдивый, не сотворенный, але пред всѣми вѣки з Бога урожоный... Хто такового исповѣданя вѣры не маетъ, не на каменю, але на песку и на сѣнѣ будуетъ, водлугъ оныхъ словъ: „Хвалы Моее никому не дамъ“, а они мовятъ, яко далъ ее человѣку—Христу, зъ Маріи дѣвицы нарожденому, и учинилъ его другимъ по себѣ Богомъ. А такъ не зазрю (не завидую) я имъ того ихъ порядку: бо гдыбъ еще ся тая трутизна тымъ медомъ не осолодила, певне бы ото тые убогіе мухи на неи не льнули. Отожъ якъ самъ о нихъ не благоволю, такъ и вашу милость перестерегаю: лѣпѣй згожатися зъ правдивыми хвалцами Бога в Тройци Единого, а нижли зъ блюзнирцами и явными непріятельми Сына Божого; лѣпѣй зъ отцами святыми, а нижли зъ Арыемъ проклятымъ... То для того до валои милости пишу, же (что) ми ся не подо́баютъ овые присмаки, которые ваша милость у нихъ (соцініанъ) упатруешъ, и не помалу ми ся серце ужасаетъ, слышачи то отъ вашои милости. Але маю я надѣю в милосердю Божомъ, ижъ Онъ самъ якъ почалъ, такъ и до конца вашу милость стеречи будетъ, абы ся не образилъ о тотъ камень не толко сумненя (совѣсти) своего, але и ноги своее“ [1]).

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 93. Достойно замѣчанія, какъ современники князя Конст. Острожскаго разнорѣчиво понимали его религіозныя убѣжденія. Тогда какъ Курбскій и Поцѣй склонны были подозрѣвать его въ наклонности къ соцініанству, другой ревнитель православія, Іоаннъ Вишенскій, уже послѣ смерти князя, считалъ его чуть-ли не явнымъ католикомъ. Вотъ какъ онъ отзывался о немъ въ своихъ окружныхъ посланіяхъ: »И чимъ же ся прославилъ Констянтинъ Острож-

И такъ, вотъ изъ-за чего князь Острожскій симпатизировалъ социніанамъ и что ему особенно нравилось у нихъ: это—ихъ школы, типографіи и хорошіе проповѣдники. Дѣйствительно, всѣмъ этимъ славились социніане и превосходили въ этомъ отношеніи даже протестантовъ. Но спрашивается: гдѣ видѣлъ эти порядки социніанскихъ общинъ князь Острожскій? Неужели только въ Польшѣ или въ Литвѣ? Но то были слишкомъ далекіе примѣры для волынскихъ іерарховъ; между тѣмъ въ указаніи князя какъ-бы слышится ссылка на такіе образцы для подражанія, которые находятся у каждаго предъ глазами. Поэтому невольно возникаетъ предположеніе: не было-ли въ то время социніанскихъ общинъ на самой Волыни? Если, по свидѣтельству Курбскаго, еще въ 60-хъ годахъ XVI вѣка мало не вся Волынь была заражена антитринитаріанскимъ ученіемъ, то невозможно предположить, чтобы въ теченіе послѣдующихъ 20—30-ти лѣтъ послѣдователи этого ученія не организовались въ правильныя общины и не имѣли молитвенныхъ домовъ. Въ 1599 году уніатскіе священники луцкой соборной церкви жаловались въ судъ, что панъ Станиславъ Кандыба, писарь гродскій владимірскій и вмѣстѣ слуга князя Константина Острожскаго, отнялъ церковное имѣніе с. Водырады (луцкаго у. волынск. губ.) и, будучи самъ аріанином т. е. социніанином, опустошилъ находившуюся тамъ церковь: утварь церковную, книги, звоны и образа „побралъ и попсовалъ и хвалу божую въ нивечъ обернулъ“, т. е. обратилъ ее въ молитвенный социніанскій домъ [1]). Если въ 1599 г. волынскіе социніане пріобрѣтали такіе дома даже путемъ насилія, то раньше они могли просто строить ихъ, или пріобрѣтать инымъ мирнымъ путемъ. А разъ социніанскія общины на Волыни имѣли молитвенные дома, необходимо допустить, что у нихъ были и школы. Правда, первое опредѣлительное указаніе о существованіи здѣсь социніанскихъ школъ мы встрѣчаемъ лишь около 1614 года, но это не исключаетъ возможности предполагать, что онѣ существовали на

ской, который простоту христіанскую отбѣгъ и хитрость мірскую папежской вѣры, яко цяцку прелестную, ухватилъ? Не скоро-ли исчезъ и пропавъ? А чомъ плода по собѣ не оставилъ? Для того, иж христіанство стратилъ«. Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 217.

[1]) Книга К. Центральнаго Архива гродская луцкая 1599 г., л. 442.

Волыни и раньше, еще въ XVI столѣтіи. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію надѣемся найти въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Недавно въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей найдена рукопись, заключающая въ себѣ малорусскій переводъ всего Новаго Завѣта. По внимательномъ разсмотрѣніи текста и многочисленныхъ примѣчаній къ нему, сдѣланныхъ переводчикомъ, а равно изъ составленнаго имъ обстоятельнаго предисловія, стало яснымъ, что переводъ сдѣланъ въ духѣ соцініанскаго вѣроученія и оригиналомъ для него послужилъ, какъ кажется, польскій соцініанскій же переводъ Мартина Чеховича, изданный въ Раковѣ въ 1577 году, хотя малорусскій переводчикъ и увѣряетъ, что онъ сверхъ того имѣлъ подъ рукою старинные греческіе и латинскіе тексты. Имя этого переводчика—*Валентинъ Негалевскій*, а совершилъ онъ свой замѣчательный трудъ *въ 1581 году*, въ с. *Хорошовъ*, нынѣ острожскаго уѣзда волынской губерніи. По всему видно, что этотъ Негалевскій, очевидно южнорусскій дворянинъ, былъ очень образованный человѣкъ, знавшій хорошо латинскій и греческій языки и знакомый съ правилами библейской экзегетики и научными критическими пріемами. Но при всемъ этомъ трудно повѣрить, чтобы такой важный трудъ, какъ переводъ всего Новаго Завѣта, могъ быть предпринятъ *однимъ* лицемъ и притомъ заброшеннымъ въ какое-то глухое и малоизвѣстное село на Волыни. Въ своемъ предисловіи „до ласкавого чителника“ самъ Негалевскій, упоминая о трудности предпринятаго имъ дѣла, говоритъ, что онъ „не самъ з своеи властное хути“, полагаясь лишь на „розумъ свой и умиетность“ отважился „съ польского языка на речъ рускую писма налпого нового тестаменту переложити, а учинилъ то за намовою и напоминанемъ многихъ ученыхъ, богобойныхъ а слово Божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не розумѣютъ“. Признавая за своимъ трудомъ извѣстную степень несовершенства, вслѣдствіе трудности самаго дѣла, онъ отдаетъ свою „працу на розсудокъ иншихъ, ученшихъ од мене людей“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что во время Негалевскаго на Волыни было уже много его единовѣрцевъ-соцініанъ, не знавшихъ другаго языка, кромѣ южнорусскаго, по просьбамъ и настояніямъ которыхъ былъ предпринятъ и самый переводъ Новаго Завѣта: а во вторыхъ, что

переводчикъ, какъ образованный социніанинъ, былъ здѣсь далеко не одинокъ: при немъ должны были находиться способные и образованные помощники, на судъ которыхъ онъ отдавалъ свою „працу“; ибо только въ кружкѣ такихъ лицъ могла зародиться и быть приведена въ исполненіе смѣлая идея перевода на мало выработанный тогда въ литературномъ отношеніи малорусскій языкъ всего Новаго Завѣта[1]). А такую коллегію ученыхъ социніанъ трудно и представить въ с. Хорошовѣ иначе, какъ въ роли учителей долженствовавшей находиться тамъ или гдѣ-либо по близости социніанской школы. Объ этомъ можно заключать отчасти изъ того, что Хорошовъ состоялъ тогда въ числѣ имѣній богатыхъ южнорусскихъ пановъ Сенютъ-Ляховецкихъ, которые становятся извѣстны въ началѣ XVII в., какъ ревностные покровители социніанской секты, создавшіе для нея видный центръ на Волыни въ своей резиденціи мѣст. Ляховцахъ, недалеко отъ Хорошова.

Такимъ образомъ въ новооткрытомъ малорусскомъ переводѣ евангелія мы имѣемъ новый литературный памятникъ социніанской

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что малорусскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный въ 1581 г. Негалевскимъ, представляетъ далеко не первый и не единственный опытъ въ этомъ родѣ. Со времени изданій доктора Скорины, мысль о переводѣ священныхъ книгъ на общенародный языкъ никогда не умирала въ югозападной Руси. Литовскій гетманъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568 г. «Учительному Евангелію», сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу «вырозумѣния ради простыхъ людей», на «простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. А раньше его въ 1556—1561 гг. пересопницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное четвероевангеліе «на мову русскую изъ языка болгарского», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту малорусскую рѣчь, какою говорили въ то время. Переводъ этотъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужебнаго употребленія (См. «Описаніе пересопницкой рукописи XVI в.» въ «Трудахъ III Археологическаго Съѣзда» 1874 г.). А спустя лѣтъ двадцать, около 1580 г., т. е. въ то самое время, когда Негалевскій трудился надъ своимъ переводомъ, какое-то малорусское евангеліе было даже напечатано, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василія Тяпинскаго (Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 475). Кромѣ того намъ извѣстны указанія о существованіи двухъ рукописныхъ южнорусскихъ переводовъ евангелія — въ рукописномъ отдѣлѣ виленской публичной библіотеки и въ Москвѣ, въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Послѣдняя находка рукописи Негалевскаго даетъ основаніе думать, что періодъ подобныхъ открытій у насъ далеко еще не законченъ.

пропаганды въ средѣ южнорусскаго населенія. Что переводчикъ имѣлъ въ виду и православныхъ читателей, видно изъ того, что кромѣ дѣленія текста на главы, онъ удержалъ и церковное дѣленіе по зачаламъ. Изъ надписей же, сохранившихся въ рукописи, видно, что она преимущественно ходила по рукамъ православнаго духовенства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги почеркомъ XVI в. собственноручно подписался какой-то „Леонтей, недостойный презвѣтер"; въ другомъ мѣстѣ нетвердой рукою можетъ быть малолѣтняго школьника XVI в. надписано: „попова книга; мовлю я то, що попова Гапонова". Есть также подпись конца XVI или начала XVII вв. какого-то „раба Божія Леонтія Сидоровича", очевидно грамотѣя—мѣщанина; и наконецъ въ 1610 г. въ книгѣ своеручно росписался—„Гавриел Крутневичъ, козакъ запорозкий, мешкаючий в Каневѣ".

Чтобы покончить съ XVI вѣкомъ, намъ остается замѣтить, что какъ въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ, такъ и на Волыни, въ этомъ столѣтіи было распространено раньше антитринитаріанство крайняго или полужидовствующаго направленія, но къ началу XVII вѣка оно и здѣсь смѣнилось чистымъ соцініанскимъ ученіемъ. Въ трудѣ Негалевскаго видно уже вліяніе Ракова: мы упомянули, что оригиналомъ для нашего переводчика послужилъ только что напечатанный тогда въ Раковѣ польскій переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Мартиномъ Чеховичемъ, который въ то время успѣлъ перейти на сторону мнѣній Фавста Социна. Но подобно тому, какъ въ самой Польшѣ происходила еще тогда борьба между различными антитринитаріанскими партіями и направленіями, такъ и на Волыни антитринитаріанство не сразу организовалось въ особую секту, и долго еще представляло какъ-бы особый видъ религіознаго вольнодумства, въ которомъ заключались въ смѣшанномъ видѣ элементы антитринитаріанскаго раціонализма, полужидовства, кальвинизма и др. Это былъ своего рода „духъ времени", которымъ тогда проникались въ той или другой степени образованные люди независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или иному исповѣданію. Объ извѣстномъ уніатскомъ митрополитѣ Ипатіѣ Поцѣѣ разсказывали тогда, что онъ въ молодости „всѣхъ вѣръ спробовалъ": былъ кальвинистомъ, потомъ сталъ *аріанином*ъ и наконецъ „и жидовской вѣры не хибилъ" т. е. былъ послѣдователемъ

полужидовствующаго антитринитаріанства въ духѣ, можетъ быть, ученія ѳеодосіанъ[1]). Изъ письма князя Курбскаго къ волынскому пану Василію Древинскому видно, что этотъ несомнѣнно православный человѣкъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи защитника православія Лаврентія Древинскаго, возбуждалъ въ глазахъ Курбскаго сильное подозрѣніе относительно склонности его къ антитринитаріанскимъ мнѣніямъ[2]) Извѣстный православный учитель и проповѣдникъ Стефанъ Зизаній неоднократно былъ обвиняемъ въ той-же склонности къ аріанскимъ мнѣніямъ и даже подвергся однажды со стороны митрополита Михаила Рагозы церковному отлученію за то между прочимъ, будто онъ, вмѣстѣ съ антитринитаріями, не признавалъ Іисуса Христа ходатаемъ. Наконецъ, въ такомъ-же смыслѣ можно понимать и свидѣтельства социніанскихъ писателей о князѣ Константинѣ Острожскомъ и старостѣ владимірскомъ Романѣ Гойскомъ, какъ о скрытыхъ послѣдователяхъ ихъ секты. На такомъ-же, вѣроятно, основаніи социніане включали въ свои ряды воеводу волынскаго князя Януша Заславскаго, который, отступивъ отъ вѣры своихъ православныхъ предковъ, послѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ колебаній, подъ вліяніемъ іезуита Нагаюса принялъ въ 1603 г. католичество; а также князя Владислава Збаражскаго, владѣльца мѣст. Волощищъ (нынѣ Волочискъ, староконст. уѣзда, на австрійской границѣ), православнаго ренегата, подобнаго князю Заславскому,[3]) и нѣкоторыхъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если всѣ подобныя лица могли, хотя временно, увлекаться идеями антитринитаризма, то скорѣе ихъ манилъ въ себѣ социніанскій раціонализмъ, нежели, напр., грубыя измышленія невѣжественныхъ ѳеодосіанъ. Послѣдніе, не смотря на проживательство на Волыни самого Ѳеодосія Косого съ его товарищемъ Игнатіемъ, имѣли здѣсь наименьшій успѣхъ. Патронъ Игнатія Кадьянъ Чапличъ, какъ мы видѣли, энергично отстаивалъ въ спорахъ съ Курбскимъ авторитетъ Лютера и ссылался на какихъ-то „инославныхъ“ богослововъ;

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, стр 209. Опровергая эти толки, Потѣй, однако, не отрицаетъ того, что одно время онъ дѣйствительно былъ кальвинистомъ.

[2]) Сказанія Курбскаго, II, 209—211.

[3]) О социніанствѣ князей Заславскаго и Збаражскаго — см. Bibliotheca Antitrinitar., p. 284.

а его внуки выступаютъ уже какъ чистые социніане. Дольше всего ученіе Ѳеодосіанъ удержалось въ сосѣднемъ съ Волынью Полѣсьи, куда оно было занесено, быть можетъ, самимъ Игнатіемъ. Здѣсь представителемъ Ѳеодосіанскихъ идей является нѣкто Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ мозырскаго маршалка Стефана Лозки, онъ въ 1591 году былъ позванъ въ трибунальскій судъ за то, что отрицалъ таинство св. Троицы, божество Іисуса Христа и св. Духа и вообще хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь [1]). Здѣсь мы видимъ религіозное вольномысліе, доведенное до самой крайней степени отрицанія, до котораго оно не доходило ни у одного изъ антитринитаріанскихъ учителей, но почти доходило у Ѳеодосія Косого и его дружины.

VIII

Первая четверть XVII ст. была временемъ высшаго процвѣтанія социніанской секты, какъ вообще во всемъ королевствѣ польскомъ, такъ и въ частности на Волыни. Здѣсь въ это время возникаетъ рядъ социніанскихъ общинъ, съ школами и знаменитыми учителями и проповѣдниками. Секта пріобрѣтаетъ многочисленныхъ послѣдователей и покровителей среди южнорусскихъ пановъ, представителей весьма извѣстныхъ фамилій. Первое мѣсто среди такихъ патроновъ безспорно принадлежало фамиліи дворянъ *Чапличей-Шпановскихъ*. Сынъ извѣстнаго уже намъ Кадьяна Чаплича, Ѳедоръ, судья земскій луцкій, былъ человѣкъ православный. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и вмѣстѣ съ другими православными волынскими депутатами подписалъ соборный протестъ противъ дѣйствій представителей уніатской партіи. [2]) Но изъ четырехъ его сыновей старшіе два Мартинъ и Юрій являются ревностнѣйшими послѣдователями социніанской секты. Можно пред-

---

[1]) Чтенія въ Императ. Моск. Общ. исторіи и Древн. росс., 1846 г., № 1, стр. 11.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, т. I части 1-й, стр. 516.

полагать, что они учились въ открытой не задолго предъ тѣмъ раковской социніанской академіи; по крайней мѣрѣ уже въ ранней молодости они состояли въ связи съ выдающимися представителями социніанства и исполняли важныя порученія въ интересахъ секты. Въ 1612 году польскіе социніане повторили одну изъ многочисленныхъ, хотя и безуспѣшныхъ, попытокъ къ религіозному соглашенію съ кальвинистами. Они прислали на бывшій въ томъ году въ г. Червцѣ реформатскій синодъ свои условія, на которыхъ были готовы вступить въ унію. Для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ со стороны социніанъ прибыли на синодъ ихъ уполномоченные, въ числѣ коихъ, на ряду съ такими лицами, каковы: владѣлецъ Ракова Якубъ Сѣнинскій, Крыштофъ Морштынъ, Станиславъ Любенецкій и др., встрѣчаются и наши волынцы Мартинъ и Юрій Чапличи-Шпановскіе.[1]) Этотъ случай ясно показываетъ, какою извѣстностью и довѣріемъ въ сектѣ пользовались уже въ то время молодые Чапличи.

Вступивъ по смерти отца во владѣніе богатѣйшими имѣніями на Волыни, Чапличи не замедлили воспользоваться своимъ состояніемъ, чтобы принести наибольшую пользу дѣлу социніанства, и съ жаромъ принялись за насажденіе и распространеніе секты въ своей родинѣ. Особенной энергіей въ этомъ отношеніи отличался въ теченіе всей своей жизни младшій братъ, Юрій, владѣлецъ Шпанова, Киселина и многихъ другихъ богатыхъ помѣстій. Онъ основалъ въ своей резиденціи мѣст. *Киселинъ*[2]) социніанскую общину, построилъ для нея богатый каменный храмъ, обращенный впослѣдствіи въ католическій костелъ, и завелъ школу. Однимъ изъ первыхъ пасторовъ киселинской общины былъ южноруссъ Матвѣй Твердохлѣбъ, около 30 лѣтъ занимавшій эту должность. Скоро послѣ того, именно около 1614 года, въ Киселинѣ было открыто Чапличемъ высшее социніанское училище, первымъ ректоромъ котораго состоялъ весьма долгое время волынскій дворянинъ Евстафій Кисель. Это былъ ученый и хорошо знавшій языки человѣкъ, занимавшійся и литературными трудами. Такъ онъ перевелъ на греческій языкъ извѣстную книгу Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи

[1]) Łukaszewicz, Dzieje kościoła wyznania helweckiego w Małéj Polsce, p. 270.

[2]) Владиміро-волынскаго уѣзда, волынск. губерніи.

Христу" и напечаталъ свой трудъ въ 1626 г. во Франкфуртѣ на Одрѣ; а въ 1631 году, скоро послѣ выхода въ свѣтъ изданной Мелетіемъ Смотрицкимъ „Апологіи", въ которой послѣдній упрекалъ православную церковь и ея представителей въ сочувствіи къ ученію протестантовъ и другихъ еретиковъ, тотъ-же Евстафій Киселъ, подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологію", направленную противъ книги Смотрицкаго [1]). Этотъ фактъ всего лучше обрисовываетъ тогдашнія отношенія между православными и соцініанами. Изъ преемниковъ Евстафія Киселя по ректорству въ киселинской школѣ сохранились имена: Людвига Hollaisen, Петра Стегмана и Теодора Симонида (иначе называвшагося Филиппъ Cosmius), родомъ изъ Голштиніи, написавшаго какое-то сочиненіе о папствѣ [2]). Въ то-же время братъ Юрія, Мартинъ Чапличъ, основалъ соцініанскую общину въ своемъ имѣніи *Береск*ѣ, неподалеку отъ Киселина, гдѣ также была устроена соцініанская школа, хотя и ниже киселинской. Можно предполагать, что соцініанскія общины были и въ другихъ имѣніяхъ Чапличей, напр. въ *Галичанах*ъ, гдѣ подобная община встрѣчается впослѣдствіи. Въ той-же мѣстности (въ теперешнемъ владиміръ-волынск. уѣздѣ) проживалъ еще одинъ соцініанскій патронъ, земскій владимірскій судья Гавріилъ *Иваницкій*, въ имѣніи котораго с. *Иваничах* также существовала община соцініанская съ молельней.

Другой центральный пунктъ соцініанства на Волыни находился въ нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ, въ м. *Гощ*ѣ. Владѣльцы этого мѣстечка, Гавріилъ Гойскій, каштелянъ кіевскій, и его братъ Романъ, были лица православныя, но подобно князю Острожскому покровительственно относились къ соцініанамъ, особенно Романъ, староста владимірскій, котораго соцініанскіе писатели включали наравнѣ съ кн. Острожскимъ въ число тайныхъ послѣдователей секты. Въ Гощѣ съ самаго начала XVII (а можетъ быть даже съ конца XVI) столѣтія прочно утвердились соцініане и завели здѣсь свои школы, подобныя киселинской, существовавшія до 1639 года. Изъ профессоровъ этихъ школъ извѣстны: Теофилъ Молиторъ, Да-

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143.

[2]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 143. — Любенецкій, Historia Reform. Polon., p, 227.

нилъ Durossius, Войтехъ Caperius и славный докторъ медицины Соломонъ Палюдіусъ [1]). А недалеко отъ Гощи, въ с. *Бабинѣ*, жилъ панъ Василій *Бабинскій*, который, изъ православія перейдя въ социніанство, отобралъ старожитную православную церковь въ с. Бабинѣ, въ которой были погребены тѣла его предковъ, и обратилъ ее въ молитвенный домъ для своихъ единовѣрцевъ [2]). Тамъ-же неподалеку лежали помѣстья какого-то п. *Ягодинскаго*, социніанина, на котораго въ 1639 году была подана жалоба, что онъ съ кощунственною цѣлью приказалъ подрубить крестъ съ распятіемъ, стоявшій на выгонѣ м. Гощи [3]).

Въ томъ-же нынѣшнемъ острожскомъ уѣздѣ волынск. губ. находился третій выдающійся центръ социніанскій, именно м. *Ляховцы*. Здѣсь еще во 2-й половинѣ XVI в. утвердились протестанты, какими были и владѣльцы мѣстечка паны *Сенюты*, представители старинной южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными помѣстьями въ повѣтахъ луцкомъ и кременецкомъ. Одинъ изъ нихъ, именно Павелъ-Крыштофъ Сенюта, принявъ католицизмъ, выгналъ изъ Ляховцевъ протестантовъ и началъ въ 1612 г. строить костелъ доминиканскій. Отправившись за тѣмъ съ паломническою цѣлью въ Римъ, Сенюта вернулся изъ-заграницы ревностнымъ социніанином, основалъ въ Ляховцахъ социніанскую общину, пригласилъ для нея пастора и до конца жизни былъ усерднымъ покровителемъ секты. Можно думать, что совращеніе Сенюты въ социніанство совершилось не безъ вліянія его родственника Мартина Чаплича, женатаго на его родной сестрѣ Катеринѣ Сенютиной; при томъ же самъ Павелъ Сенюта былъ женатъ на Катеринѣ Немиричовнѣ, дочери кіевскаго подкоморія Стефана Немирича, извѣстнаго социніанина. Такимъ же усернымъ покровителемъ социніанской секты былъ и братъ Павла, Петръ Сенюта, владѣвшій на Волыни м. Каменемъ и Радогощей, а въ Польшѣ Кобылиномъ и Зданами. Можно думать, что въ Ляховцахъ существовала и школа социніанская. Неподалеку отъ Ляховцевъ находится с. *Тихомль*, которымъ тогда владѣлъ племянникъ Павла, Аврамъ Сенюта, также социніанинъ.

---

[1]) Любенецкій, Historia Reform. Polon., p. 276.

[2]) Книга актовая кіевскаго центр. архива 1633 года, № 2465, л. 148.

[3]) Такая-же книга 1639 года, № 2475, л. 516.

Здѣсь на горѣ, за окопомъ, сохранилась и понынѣ четырехугольная каменная башня или каплица, прозываемая въ народѣ *арiанскою* и служившая когда-то молитвеннымъ домомъ для тамошней социніанской общины). Наконецъ, въ той-же мѣстности лежитъ и с. *Хорошовъ*, гдѣ еще въ 1581 г. социніанинъ Негалевскій совершилъ свой малорусскій переводъ Новаго Завѣта.

Былъ и еще одинъ социніанскій пунктъ на Волыни—это м. *Берестечко* (дубенскаго уѣзда), принадлежавшее фамиліи южнорусскихъ князей Пронскихъ, происходившихъ изъ дома св. Владиміра. Въ 1595 г. князъ Александръ Пронскій, староста луцкій, бывъ въ Римѣ, отрекся отъ прародительской „схизмы“, т. е. православія и принялъ католичество, но вернулся домой уже кальвинистомъ и отдалъ новымъ своимъ единовѣрцамъ католическій костелъ въ Берестечкѣ. При такой частой перемѣнѣ религій возможно допустить, что князь Пронскій подъ конецъ своей жизни (онъ умеръ около 1600 г.) могъ перейти и въ социніанство; но крайней мѣрѣ польскіе писатели упоминаютъ о какихъ-то князьяхъ Пронскихъ, какъ о социніанахъ [2]). Но то несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ въ Берестечкѣ находились социніане и, какъ кажется, имѣли свою общину, а можетъ быть и школу.

Мы перечислили здѣсь только болѣе выдающіеся пункты социніанской секты на Волыни въ первой четверти XVII в., о которыхъ сохранились сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія; но нѣтъ

---

[1]) Балинскій, Starożytna Polska, т. II, 931. Въ мѣстныхъ населеніи сохранилось слѣдующее темное воспоминаніе о Сенютахъ—социніанахъ. Въ окрестности Ляховцевъ встрѣчается множество отдѣльно разбросанныхъ кургановъ. Народъ утверждаетъ, что *«то все лежатъ Сенюты»*. Точно-ли то социніанскія могилы—объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, пока не будутъ произведены археологическія разысканія. Дѣйствительно, у социніанъ былъ обычай хоронить своихъ покойниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, большею частію на горѣ, и насыпать надъ ихъ могилами высокіе курганы или ставить каменныя башни. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одной особенности похоронныхъ социніанскихъ обычаевъ. Въ окрестностяхъ Пинчова польскій археологъ Тадеушъ Чацкій раскопалъ нѣсколько могилъ социніанскихъ и у каждаго покойника нашелъ въ рукахъ металлическую дощечку съ надписью: «scio, cui credidi», а при боку закупоренную стеклянную бутылку, въ которую было вложено краткое жизнеописаніе умершаго. (Starożytna Polska, т. II, 357).

[2]) Стецкій Тадеушъ, Wołyń, т. I, стр. 132.

никакого сомнѣнія, что число социніанскихъ общинъ въ то время было здѣсь гораздо больше. При томъ же, помимо этихъ, такъ сказать, домашнихъ разсадниковъ социніанства, Волынь продолжала подвергаться усиленному дѣйствію социніанской пропаганды извнѣ. Не говоря о Раковѣ, куда многіе волынскіе паны посылали для образованія своихъ сыновей, существовалъ и другой, болѣе близкій къ Волыни, социніанскій центръ: то былъ Люблинъ, въ которомъ находилось высшее судебное учрежденіе для всей южной Руси, люблинскій трибуналъ. Извѣстно, что южнорусскіе паны были очень большіе охотники вести нескончаемыя тяжбы, поэтому рѣдкіе изъ нихъ въ теченіе года хоть разъ не посѣщали Люблина, другіе же почти безвыѣздно проживали тамъ, навѣдываясь домой лишь въ промежутки между трибунальскими сессіями. Между тѣмъ Люблинъ еще съ половины XVI в. былъ однимъ изъ главныхъ центровъ социніанства въ Польшѣ: здѣсь существовала богатая и хорошо организованная социніанская община, имѣвшая свой храмъ, школу и типографію; здѣсь социніане часто собирались на свои синоды или соборы; здѣсь жили ученѣйшіе вѣроучители секты и даровитѣйшіе проповѣдники, наконецъ здѣсь то и дѣло устраивались публичные диспуты между социніанскими и іезуитскими богословами, нерѣдко происходившіе въ присутствіи членовъ трибунала и многочисленной массы дворянъ, съѣзжавшихся съ разныхъ мѣстъ ко дню открытія засѣданій трибунальскаго суда. Кромѣ самого Люблина, цѣлая околица въ люблинскомъ воеводствѣ, прилегавшая къ холмской землѣ, отъ Пясковъ за Красный-Ставъ и до Крупъ, почти сплошь была заселена шляхтой социніанскаго исповѣданія; то-же можно сказать и о сосѣдней съ Волынью холмской землѣ. Наконецъ многіе изъ тамошнихъ дворянъ, усердныхъ послѣдователей и покровителей секты, каковы: Суходольскіе, Любенецкіе и др., имѣли помѣстья на Волыни и находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ здѣшнимъ дворянствомъ. По этимъ причинамъ социніанская пропаганда широко разливалась по всей Волыни и число послѣдователей секты къ 30-мъ годамъ XVII ст. сильно увеличилось. Кромѣ перечисленныхъ уже нами лицъ, вотъ списокъ волынскихъ дворянъ того времени, о социніанствѣ которыхъ сохранились болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія: Адамъ Гулевичъ-Воютинскій, поборца воеводства волынскаго, и его братъ Александръ; Липев-

скій Стефанъ, судья гродскій владимірскій, и его братъ Михаилъ, депутатъ люблинскаго трибунала отъ воеводства волынскаго въ 1638 г.; Иваницкіе—Товія, женатый на дочери Мартина Чаплича, Ѳеодорѣ, Матвѣй и Павелъ,—сыновья извѣстнаго уже намъ подстаросты владимірскаго Гавріила Иваницкаго; Самуилъ Холоневскій и Александръ Чеховичъ, жившіе въ с. Холоневѣ, нынѣ владим. уѣзда волынск. губерніи; Яковъ Любенецкій, Василій Рогозинскій, Веспасіанъ Бѣневскій, Петръ Фалибовскій, Янъ Стремѣскій, Андрей Суходольскій, имѣнія котораго: Фусовъ, Шпиколосы и Княже находились во владим. повѣтѣ, и Ярошъ Мошенскій, жившій въ м. Полонной, нынѣ новградъ-волынск. уѣзда [1]). Секта имѣла послѣдователей не только среди дворянства, но и въ средѣ мѣщанъ болѣе значительныхъ мѣстечекъ на Волыни. О мѣщанахъ м. Киселина есть основаніе думать, что они почти поголовно принадлежали къ соцініанской сектѣ; такъ въ актовыхъ книгахъ гродскаго владим. суда подъ 1643 годомъ встрѣчается декретъ по дѣлу о бурмистрахъ, мѣщанахъ и предмѣщанахъ киселинскихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они, „ничого не дбаючи на кровъ хрестиянскую, *сами будучи ариянское секты*“, напали на прохожаго мѣщанина—„кравца“ изъ с. Затурецъ и убили его, а затѣмъ, вытащивъ за ворота мѣстечка тѣло убитаго, похоронили его „не якъ хрестиянина, але якъ якого ариянина: толко трохи яму выгребши, укинули“. Кромѣ того есть извѣстіе, что значительная часть мѣщанскаго населенія мм. Гощи и Рафаловки также принадлежала къ соцініанской сектѣ; то-же самое можно сказать о мѣщанахъ мм. Ляховцевъ и Берестечка, пользовавшихся въ то время магдебургскимъ правомъ, а также м. Полоннаго и др. О соцініанствѣ мѣщанскаго населенія волынскихъ городовъ: Луцка, Владиміра, Кременца и Острога у насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній; но если секта имѣла многочисленныхъ послѣдователей среди населенія мѣстечекъ, то еще бо́льшее число она могла имѣть ихъ среди городскаго населенія. Въ особенности это можно предполагать относительно г. Острога, въ которомъ существовала тогда богатая реформатская община,

[1]) Свѣдѣнія о принадлежности всѣхъ этихъ лицъ къ соцініанской сектѣ взяты изъ соч. соцініанскаго писателя XVII в. Станислава Любенецкаго «Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate» и дополнены по даннымъ, разысканнымъ нами въ актовыхъ книгахъ кіевск. центральнаго архива.

имѣвшая здѣсь высшую школу и при ней духовную семинарію [1]). Ниже мы будемъ имѣть случай упомянуть о попыткахъ къ распространенію социніанства на Волыни даже среди крестьянскаго населенія.

IX.

Болѣе полустолѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ утвердилась антитринитаріанская или социніанская секта, и за все это время она ни разу еще не подвергалась открытому преслѣдованію со стороны правительственной власти. Правда, у социніанъ, какъ и у всѣхъ польскихъ диссидентовъ, были непримиримые враги среди сторонниковъ ультра-католической партіи въ Польшѣ и ея руководителей—іезуитовъ, съ которыми имъ приходилось вести постоянную упорную борьбу за свое существованіе; но до сихъ поръ эта борьба велась со стороны іезуитовъ такими средствами, пользованіе которыми было доступно и для ихъ противниковъ. Большею частію іезуиты старались привлечь на свою сторону патроновъ секты, которые затѣмъ изгоняли изъ своихъ имѣній прежнихъ единовѣрцевъ, а храмы, школы и типографіи ихъ передавали католикамъ; если же это средство не удавалось, тогда они, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ помѣщиковъ-социніанъ, сами или при посредствѣ преданныхъ лицъ покупали у нихъ имѣнія; послѣднимъ способомъ, напр., былъ отобранъ въ 1587 г. главный социніанскій центръ того времени, Пинчовъ. Кромѣ того іезуиты громили социніанъ въ проповѣдяхъ, безпрестанно устраивали публичные богословскіе диспуты съ ними, писали противъ нихъ полемическія сочиненія: книги, брошюры, памфлеты, не пренебрегали и пасквилями и вообще вели жаркую литературную полемику. Но всѣ эти средства не всегда достигали предположенной цѣли: социніане не только не уклонялись отъ диспутовъ, а еще сами вызывали на нихъ своихъ противниковъ и не оставляли безъ надлежащаго отвѣта ни одной направленной противъ нихъ книги или брошюры. Іезуиты видѣли, что однимъ этимъ оружіемъ имъ не сломить своихъ враговъ, и повели противъ нихъ атаку съ другой стороны: они поду-

[1]) Стецкій, Wołyń, т. I, 151.

щали своихъ студентовъ, а также городскую чернь, нападать на социніанскія общины, разрушать ихъ школы и молитвенные дома и разгонять учителей и пасторовъ. Еще въ 1598 г. подобное буйство было учинено надъ социніанами въ Краковѣ, при чемъ не мало пострадалъ самъ Фавстъ Социнъ: буйная толпа ворвалась въ его квартиру, избила его до полусмерти, разломала мебель и уничтожила его рукописи. Съ тѣхъ поръ подобныя безчинства іезуитскихъ студентовъ повторялись неоднократно и примѣнялись не къ однимъ социніанамъ, но и къ другимъ диссидентамъ: протестантамъ и православнымъ. Не было также недостатка въ подстрекательствѣ со стороны іезуитовъ польскаго правительства къ принятію какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ социніанъ; но свобода религій была такъ твердо и опредѣленно обезпечена буквой государственныхъ законовъ, что даже правительство Сигизмунда III не рѣшалось открыто нарушить ее, по крайней мѣрѣ оно нуждалось въ какомъ-либо благовидномъ предлогѣ и поводахъ къ подобному нарушенію. Такой предлогъ скоро былъ изобрѣтенъ. Въ 1627 г. іезуиты обвинили люблинскихъ социніанъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бетеліемъ, покровителемъ социніанъ, и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, считавшимся защитникомъ всѣхъ вообще гонимыхъ папистами. Послѣдовалъ грозный декретъ, которымъ люблинскіе социніане, особенно ихъ главные вожаки, присуждались къ строгимъ наказаніямъ, а ихъ община подлежала закрытію. Но студенты іезуитскаго коллегіума не стали даже дожидаться этого декрета: они еще раньше разорили до основанія социніанскую—да за одно уже съ этимъ и протестантскую—молельни и школы въ Люблинѣ и разогнали ихъ пасторовъ и учителей.

Люблинская катастрофа не замедлила отразиться на Волыни, хотя и далеко не въ такой сильной степени. Въ томъ же 1627 г. пріоръ доминиканскаго монастыря въ м. Ляховцахъ позвалъ на судъ трибунальскій пастора тамошней социніанской общины, извѣстнаго ученаго и писателя социніанскаго, Петра Морщковскаго,[1]) обвиняя его въ томъ, что онъ открыто проповѣдуетъ и распро-

[1]) Перечень сочиненій Морщковскаго—см. въ Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 141.

страняетъ въ Ляховцахъ „науку и секту аріанскую, приводитъ и наворочаетъ въ нее многихъ людей христіянскихъ, такъ *зъ религіи греческое,* якъ и католицкое“ и совершаетъ надъ ними „понураня“ (соцініанское крещеніе) [1]). Это былъ первый случай привлеченія къ суду за пропаганду соцініанства. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно окончаніе этого процесса. Кажется, однако, что Моршковскій вынужденъ былъ оставить Ляховцы; по крайней мѣрѣ около 1635 г. мы встрѣчаемъ его уже пасторомъ соцініанской общины въ Крыловѣ, въ холмскомъ повѣтѣ, а затѣмъ въ Чарнковѣ, въ Познани. Удаленіе Моршковскаго, однако, не повело за собою закрытія въ Ляховцахъ общины соцініанской. Намъ извѣстно, что владѣлецъ Ляховцевъ Павелъ Крыштофъ Сенюта до конца своей жизни [2]) оставался усерднымъ соцініаниномъ и умирая завѣщалъ торжественно похоронить его по соцініанскому обряду и пригласить братьевъ своего исповѣданія на церемонію его погребенія.

Начавшіяся было преслѣдованія соцініанъ скоро были пріостановлены. Въ 1632 г. умеръ король-фанатикъ Сигизмундъ III. Польскіе диссиденты всѣхъ исповѣданій подняли голову и задумали воспользоваться наступившимъ моментомъ безкоролевья, чтобы возстановить свои права, столь часто нарушаемыя въ минувшее царствованіе. Въ громадномъ числѣ прибыли въ Варшаву на конвокаціонный сеймъ депутаты православные, протестанты и соцініане и, вступивъ въ соглашеніе между собою, объявили, что они не приступятъ ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, ни даже къ избранію новаго короля, раньше, чѣмъ будетъ обѣщано, что свобода вѣры для всѣхъ и вездѣ будетъ обезпечена ясными законами, которые вновь избираемый король обязанъ будетъ подтвердить личною присягою. Тоже самое повторилось и на избирательномъ сеймѣ, на который отъ трехъ южнорусскихъ воеводствъ: волынскаго, кіевскаго и брацлавскаго прибыло 185 депутатовъ и въ числѣ ихъ болѣе десяти человѣкъ однихъ соцініанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе членовъ высшаго католическаго духовенства и представителей ультра-католической партіи, требованія диссидентовъ въ общемъ были удовлетворены, при чемъ болѣе подробная выработка

---

[1]) Книга гродск. луцкая 1627 г., № 2453, л. 199.

[2]) Онъ умеръ въ концѣ 30-хъ годовъ XVII ст.

требуемаго ими закона была возложена сеймомъ на особую коммисію. Съ спокойнымъ сердцемъ возвращались изъ сейма соцініанскіе депутаты, радуясь, что отнынѣ ихъ единовѣрцы будутъ ограждены отъ привлеченія къ суду за открытое исповѣданіе своихъ религіозныхъ убѣжденій. Но радость эта была преждевременна: мѣсяцъ спустя въ варшавскія гродскія книги была внесена манифестація ультра-католическихъ членовъ конвокаціоннаго сейма о томъ, что принятое ими сеймовое постановленіе о правахъ диссидентовъ ни въ какомъ случаѣ не должно распространяться на послѣдователей сектъ, отвергающихъ божество Іисуса Христа, каковы: аріане, новокрещенцы, саббатисты и др., такъ какъ послѣдователи этихъ сектъ незаконно прикрываются именемъ христіанъ [1]). Тогда за соцініанъ вступились сеймовые депутаты другихъ диссидентскихъ исповѣданій и внесли въ судебныя книги протестъ противъ означенной манифестаціи, въ которомъ заявляли, что такое ограниченіе смысла сеймоваго постановленія, направленное противъ одной части диссидентскаго союза (contra certam dissidentium in religione christiana partem), можетъ угрожать и цѣлому союзу и служить предлогомъ къ нарушенію самаго постановленія; при томъ же ограниченіе это не только сдѣлано безъ согласія сейма, но о немъ не было тамъ и рѣчи, и потому означенная манифестація, какъ выраженіе частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ, не должна имѣть никакой обязательной силы. Протестъ этотъ подписали: тогдашній предводитель протестантской партіи въ Польшѣ, литовскій гетманъ князь Крыштофъ Радзивиллъ и его единовѣрецъ Рафаилъ Лѣщинскій, воевода белзскій, а изъ южнорусскихъ соцініанъ: Мартинъ Чапличъ-Шпановскій, Матвѣй Иваницкій, Василій Рогозинскій и посолъ отъ воеводства брацлавскаго Николай Ободенскій. Наконецъ подъ этимъ-же протестомъ мы находимъ подписи нѣкоторыхъ волынскихъ дворянъ, извѣстныхъ своею горячею преданностью православной вѣрѣ и энергическою защитою ея правъ и интересовъ, каковы: Лаврентій Древинскій, ловчій волынскій Юрій Пузына и князь Николай Четвертинскій [2]).

---

[1]) Acta relationum grodu warszawskiego, 1632—1634 г., № 6, л. 982, въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

[2]) Книга гродск. владимірская 1632 г., № 999, л. 1025.

Первые пять лѣтъ царствованія умнаго и вѣротерпимаго короля Владислава IV прошли для социніанъ совершенно спокойно, но въ слѣдующемъ году ихъ постигло страшное и неожиданное бѣдствіе, виновниками котораго были отчасти они же сами. Въ 1638 г. студенты раковской социніанской академіи, подражая на этотъ разъ студентамъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыни другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили камнями стоявшій за городомъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Родители и учители поспѣшили наказать школьниковъ; но дѣло этимъ не могло окончиться. Когда вѣсть о раковскомъ происшествіи достигла Варшавы, тамъ въ это время засѣдалъ сеймъ. Католическое духовенство, давно уже искавшее способовъ къ искорененію главнаго гнѣзда социніанской секты, Ракова, этихъ „Аѳинъ Сарматскихъ", столь вредившихъ славѣ и процвѣтанію школъ іезуитскихъ, воспользовалось какъ нельзя лучше представившимся къ тому случаемъ и подняло страшный вопль на сеймѣ объ оскорбленіи Бога и королевскаго величества. Была назначена чрезвычайная коммисія для разслѣдованія происшествія на мѣстѣ, по докладу которой всѣ раковскіе пасторы и профессора были обвинены въ подущеніи школьниковъ къ преступленію. Въ апрѣлѣ 1638 г. послѣдовалъ грозный сеймовый декретъ, которому тщетно противились не одни социніане, но и многіе изъ южнорусскихъ православныхъ депутатовъ (напр. князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій), а также протестантовъ и даже изъ либеральныхъ католиковъ. По этому декрету объявлялись навсегда закрытыми въ Раковѣ молитвенные дома, типографія и академія социніанскія. подъ угрозой взысканія 10,000 червонцевъ за всякую попытку къ ихъ возстановленію; пасторы и профессора были приговорены къ лишенію чести и удаленію изъ Ракова. Скоро послѣ того Раковъ перешелъ въ руки владѣльцевъ-католиковъ, которые совсѣмъ изгнали социніанъ и возстановили въ немъ католическое благочестіе. „Такъ разрушенъ былъ, по выраженію социніанскихъ писателей, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святилище вѣры и наукъ!" Съ того времени въ Раковѣ поселились евреи, скупившіе за безцѣнокъ имущества изгнанниковъ, и Раковъ, когда-то цвѣтущій городъ, видный центръ промышленности и просвѣщенія, представляетъ нынѣ жалкое, кишащее евреями мѣстечко.

Ударъ, постигшій социніанство въ Польшѣ, не сразу отразился на Волыни; напротивъ, въ первое время онъ скорѣе способствовалъ еще большему процвѣтанію здѣсь секты. Дѣло въ томъ, что социніане, лишившись своего центра въ Польшѣ, задумали снова создать его на Волыни, гдѣ у нихъ было столько единовѣрцевъ и знатныхъ покровителей. Главное вниманіе было обращено на Киселинъ, въ которомъ, кажется, хотѣли создать новые „Аѳины Сарматскіе". Здѣсь еще живъ былъ старикъ Юрій Чапличъ, съ взрослымъ сыномъ Александромъ, столь же ревностнымъ социніанином, какъ и его отецъ; а въ Берескѣ, послѣ смерти Мартына Чаплича, находились его сыновья Андрей и Александръ, учившіеся за границей и подобно отцу преданные интересамъ секты. Сюда были вызваны изгнанные изъ Ракова и Люблина ученые социніанскіе пасторы и профессора: Матвѣй Твердохлѣбъ, Якубъ Гриневичъ-Гижановскій, переименовавшійся впослѣдствіи въ Яна Трембицкаго, и Лука или Іоахимъ Рупневскій, послѣдніе оба—извѣстные социніанскіе писатели. Стараніемъ этихъ ученыхъ киселинская школа была немедленно возведена на степень *академіи*, съ открытіемъ при ней спеціальнаго богословскаго отдѣла для приготовленія социніанскихъ пасторовъ; другое ея отдѣленіе было открыто въ Берескѣ, подъ ректорствомъ Рупневскаго. Новая академія не испытывала недостатка въ учащихся: въ нее охотно поступали дѣти не однихъ социніанъ, но и лицъ другихъ исповѣданій, привлекаемыхъ отчасти успѣхами преподаванія, веденнаго здѣсь болѣе совершеннымъ и менѣе устарѣлымъ, чѣмъ у іезуитовъ, методомъ,[1]) а отчасти—вѣротерпимостью, съ какою здѣсь относились къ питомцамъ другихъ вѣроисповѣданій. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени въ Киселинѣ появилась-бы и типографія и закипѣла-бы здѣсь прерванная раковской катастрофой научная и литературная работа... Но въ Луцкѣ сидѣлъ католическій бискупъ, а еще ближе, во Владимірѣ, плебанъ и деканъ Станиславъ Урбано-

[1]) Stecki T., Wołyń, I, 152. Отдавая должное достоинству преподаванія въ социніанскихъ школахъ, авторъ, однако, замѣчаетъ, что и социніанскія школы не были свободны отъ общихъ недостатковъ схоластической эпохи: въ нихъ такъ-же, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, ученики «panegiryzowali, prawili oracye i na tympodobnych bredniach większą część czasu marnowali».

вичъ. Въ 1640 г. эти духовные сановники позвали на судъ Юрія и его племянниковъ Андрея и Александра Чапличей-Шпановскихъ, обвиняя ихъ въ укрывательствѣ изгнанныхъ изъ Ракова аріанскихъ пасторовъ и учителей, самовольномъ открытіи аріанскихъ академій и другихъ школъ „на заразу людей молодыхъ и хрестіянскихъ дитей", въ устройствѣ сектантскихъ съѣздовъ или соборовъ и вообще въ распространеніи „декретами сеймовыми и трибунальскими забороненой, а правомъ посполитымъ и одностайнымъ голосомъ за чортовскую деклярованой (объявленной) секты аріанской"; вмѣстѣ съ Чапличами были позваны къ суду и всѣ киселинскіе и берестскіе „министры, предиканты, магистры и бакаляры" социніанскіе. Кромѣ уголовной отвѣтственности, о которой взывали обвинители, они сверхъ того претендовали къ обвиняемымъ о вознагражденіи „шкодъ" или убытковъ, якобы понесенныхъ ими вслѣдствіе распространенія секты въ ихъ епархіи; убытки эти они оцѣнивали ровно въ 200,000 золотыхъ польскихъ [1]). Было произведено судебное слѣдствіе, которое обнаружило, что въ киселинской и берестской школахъ училось великое множество юношей и дѣтей разныхъ сословій, что устраиваемые здѣсь сектантскіе съѣзды или соборы бывали необыкновенно многочисленны (случалось, что число съѣзжавшихся доходило иногда до трехъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ не только изъ разныхъ мѣстъ Польши и Литвы, но даже изъ-заграницы) и что Чапличи успѣли обратить въ ересь многихъ православныхъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ и даже *крестьянъ*, которые за это были освобождаемы отъ всякихъ повинностей и работъ на помѣщика. Дѣло Чапличей тянулось четыре года и только въ 1644 г. послѣдовалъ трибунальскій декретъ о закрытіи въ Киселинѣ и Берескѣ социніанскихъ школъ и молитвенныхъ домовъ, при чемъ Чапличи обязаны были разрушить и самыя ихъ зданія и изгнать отсюда всѣхъ еретиковъ; сверхъ того Юрій Чапличъ, признанный болѣе виновнымъ, нежели его племянники, уплатилъ въ видѣ штрафа 1000 червонцевъ, половина которыхъ была вручена обвинителямъ, и обязывался подъ угрозою лишенія чести представить на судъ киселинскихъ пасторовъ и учителей [2]). Но приговоръ этотъ не былъ

[1]) Книга земская Владим. 1640 г., № 1209, л. 58 и 60.

[2]) Книга главнаго трибунала люблинскаго, воев. волынскаго, 1644 г., справа 74.

приведенъ Чапличемъ въ исполненіе: школы и молельня въ Киселинѣ не были разрушены, социніане не были отсюда удалены,— да и какъ было удалить ихъ, когда мѣщане киселинскіе почти поголовно принадлежали къ социніанской сектѣ?—наконецъ пасторы и учителя бѣжали въ другія мѣста. Поэтому Юрій Чапличъ былъ присужденъ къ инфаміи и къ вторичному штрафу въ 10,000 червонцевъ; бѣжавшіе изъ Киселина пасторы и ученые были также приговорены къ лишенію чести.

Съ тѣхъ поръ начался на Волыни цѣлый рядъ социніанскихъ процессовъ, возбуждаемыхъ обыкновенно по иниціативѣ католическаго или уніатскаго духовенства. Одновременно съ разгромомъ киселинской общины наступили трудныя времена и для социніанъ ляховецкихъ, противъ которыхъ давно уже начали войну тамошніе доминикане. Еще въ началѣ XVII ст., когда Павелъ-Крыштофъ Сенюта обратился было на короткое время въ католицизмъ, онъ пригласилъ въ Ляховцы доминиканъ и построилъ для нихъ костелъ, причемъ имѣлъ неосторожность внести въ свой фундушъ такое условіе, что если-бы кто изъ его наслѣдниковъ не былъ католикомъ, то всѣ имѣнія завѣщателя должны принадлежать ордену. Извѣстно, что скоро послѣ того самъ Крыштофъ Сенюта сталъ социніаниномъ, и пока онъ былъ живъ, доминикане волей-неволей мирились съ вѣроотступничествомъ его и лишь время отъ времени звали на судъ покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ пасторовъ, какъ поступили они въ 1627 г. съ Петромъ Моршковскимъ. Но въ концѣ 30-хъ годовъ XVII в. Павелъ-Крыштофъ Сенюта умеръ, а ляховецкія имѣнія перешли къ его брату Петру, также социніанину. Тогда наступили большіе и продолжительные споры и раздоры между наслѣдникомъ и доминиканцами, которые, ссылаясь на фундушъ Крыштофа Сенюты, оспаривали его наслѣдственныя права и требовали, чтобы онъ принялъ католичество и изгналъ изъ Ляховцевъ еретиковъ. Сторону доминиканцевъ поддерживало высшее католическое духовенство, а за Петра Сенюту вступились волынскіе дворяне и, отправляя въ 1645 г. своихъ пословъ на варшавскій сеймъ, между прочимъ поручили имъ потребовать на сеймѣ отъ имени всего волынскаго воеводства, чтобы претензіи доминиканцевъ къ Петру Сенютѣ и послѣдовавшіе въ ихъ пользу судебные декреты по этому дѣлу были признаны недѣйствительными, такъ какъ

фундушъ Крыштофа Сенюты не можетъ служить ограниченіемъ наслѣдственныхъ правъ его брата[1]). Тѣмъ временемъ доминикане не прекращали дѣлать попытки къ обращенію своего противника въ католичество и въ 1641 году имъ едва не удалось это дѣло. Въ то время Петръ Сенюта опасно заболѣлъ, и когда лѣчившіе его врачи перестали уже надѣяться на его выздоровленіе, одному ксендзу удалось какъ-то пробраться къ больному и поколебать его соцініанскія убѣжденія. По его словамъ, Сенюта выражалъ горькія сожалѣнія объ отступничествѣ своихъ предковъ отъ католической церкви и о своихъ собственныхъ заблужденіяхъ, раскаивался въ своей женитьбѣ на завзятой аріанкѣ,[2]) подъ вліяніемъ которой онъ и самъ изъ кальвиниста сталъ соцініанином, исповѣдалъ всѣ догматы католической вѣры, носилъ на груди реликвіи и поручалъ душу свою заступничеству Божіей Матери и передъ образомъ ея далъ клятвенное обѣщаніе въ случаѣ выздоровленія торжественно исповѣдать въ костелѣ свое обращеніе къ католической вѣрѣ. Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ выздоровѣлъ; но когда пріоръ ляховецкаго кляштора вздумалъ навѣстить новообращеннаго, то его не пустили даже въ дворъ и пригрозили вытолкать въ шею, если онъ вздумаетъ силой проникнуть въ замокъ. А въ замкѣ Сенюты въ то время соцініанскій пасторъ Цяховскій публично отправлялъ богослуженіе и говорилъ проповѣдь въ присутствіи хозяина и его пріятелей—единовѣрцевъ: Павла Иваницкаго и какихъ-то пановъ Куроса и Вишоватаго, подъ вліяніемъ которыхъ Сенюта совершенно оставилъ свое прежнее намѣреніе относительно перехода въ католицизмъ. Здѣсь же находился дядя Сенюты, каштелянъ белзскій, Андрей Фирлей, горячій протестантъ, экстренно вызванный въ Ляховцы здѣшними соцініанами для предупрежденія грозившей опасности перехода въ католичество его племянника. Съ тѣхъ поръ Петръ Сенюта сталъ держать при себѣ уже не одного, а двухъ соцініанскихъ пасторовъ, которые свободно отправляли сектантское богослуженіе и распространяли въ его имѣніяхъ свое

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 309.

[2]) Онъ былъ женатъ на полькѣ Ядвигѣ Вильямовнѣ съ Калишанъ. Niesiecki, Herbarz Polski. VIII. 362.

ученіе; самъ же онъ гораздо дѣятельнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ патрона секты и щедро раздавалъ своимъ единовѣрцамъ земельные участки и другія бенефиціи. Обо всемъ этомъ доминикане въ томъ же 1641 г. подали въ земскій кременецкій судъ пространную жалобу [1]), а спустя нѣсколько времени они возбудили противъ Сенюты новое обвиненіе—въ укрывательствѣ изгнаннаго изъ Ракова ученаго соцініанскаго пастора и писателя Яна Стоинскаго. Оба эти дѣла были разсмотрѣны люблинскимъ трибуналомъ и въ 1644 г. по нимъ послѣдовалъ трибунальскій декретъ, по которому соцініане изгонялись изъ Ляховцевъ, пасторъ ляховецкой общины Янъ Стоинскій былъ объявленъ лишеннымъ дворянства и приговоренъ къ инфаміи, самъ же Петръ Сенюта былъ подвергнутъ штрафу въ 1500 гривенъ [2]).

Такъ одновременно были разгромлены двѣ найболѣе видныя соцініанскія общины на Волыни, киселинская и ляховецкая. Третій выдающійся здѣсь соцініанскій пунктъ, м. Гоща, еще раньше былъ утраченъ соцініанами, хотя и по другимъ причинамъ. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. умеръ ихъ покровитель, кіевскій каштелянъ Романъ Гойскій, передавъ Гощу въ наслѣдство своей дочери Регинѣ Соломирецкой, каштелянкѣ смоленской. Новая владѣлица Гощи оказалась горячей поборницей православной вѣры и не могла допустить дальнѣйшаго процвѣтанія здѣсь соцініанства и его школъ. Для противодѣйствія имъ она основала въ 1638 г. въ Гощѣ монастырь св. Михаила и заложила при немъ высшую православную школу, „абы еретические науки надъ каѳолическою религіею болшъ не триумфовали“. Главнымъ опекуномъ надъ этой школой она назначила кіевскаго митрополита Петра Могилу, а первыми ректорами ея были: Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ и знаменитый впослѣдствіи ректоръ кіево-могилянской коллегіи Иннокентій Гизель. Въ слѣдующемъ 1639 г. Регина Соломирецкая выдала игумену гощскаго монастыря отъ себя и отъ имени своихъ наслѣдниковъ формальное обязательство: не дозволять аріанамъ и другимъ ерети-

[1]) Эта жалоба, изъ которой мы заимствовали все вышесказанное, напечатана въ книгѣ Лукашевича: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce, стр. 354—459.

[2]) Starożytna Polska, II. 928. Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 2, т. I, стр 294.

камъ въ Гощѣ отправлять свое богослуженіе и основывать аріанскія школы и не терпѣть здѣсь мѣщанъ—послѣдователей аріанской секты; вмѣсто закрытыхъ сектантскихъ училищъ, она устроила въ Гощѣ нѣсколько первоначальныхъ православныхъ школъ, право обученія въ коихъ предоставила исключительно лицамъ, назначаемымъ на то самимъ игуменомъ и подчиненнымъ его надзору [1]). Но эти строгости продолжались не долго. Спустя два года гощское имѣніе пріобрѣлъ знаменитый Адамъ Кисель, впослѣдствіи воевода кіевскій. Хотя онъ въ преданности къ православію не уступалъ своей предшественницѣ, но въ отношеніяхъ къ социніанству руководствовался взглядами Романа Гойскаго и другихъ образованныхъ южноруссовъ. А въ 1644 г. сосѣдъ Киселя, панъ Вильгорскій, обвинялъ его въ томъ, будто онъ „маетъ раду и сполную намову зъ урожонымъ паномъ Крыштофомъ Стоинскимъ, министромъ (пасторомъ) ариянскимъ [2]), которого онъ въ маетности своей Гощи, мимо декрета трибунальские, на заразу вѣры правдивое католицкое, подъ протекциею своею ховаетъ“ [3]). Въ этомъ извѣтѣ справедливо было только то, что Крыштофъ Стоинскій дѣйствительно одно время состоялъ слугою у Адама Киселя. Можно думать, что, благодаря вѣротерпимости новаго владѣльца, гощскіе социніане успѣли возстановить кое-что изъ того, что потеряли при Соломирецкой, но періодъ цвѣтущаго состоянія секты временъ Гойскаго не повторился болѣе никогда.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волыни процессы противъ социніанъ не прекращались и секта несла все новыя и новыя потери. Въ 1646 г. были позваны на судъ двор. Веспасіанъ Бѣневскій и войтъ м. Рафаловки Данилъ Бальцеровичъ по обвиненію въ томъ, что они устроили социніанскія общины и открыли молитвенныя собранія въ имѣніяхъ воеводы дербскаго Андрея Лещинскаго м. *Рафаловкѣ* (луцкаго уѣзда) и въ сосѣднемъ с. *Собышинѣ* и пригласили, ревизовавшаго тогда социніанскія общины на Волыни, па-

---

[1]) Книги гродск. луцкія: 1639 г. № 2155, л. 191, и 1640 г. № 2107.

[2]) Роднымъ братомъ извѣстнаго уже намъ ляховецкаго социніанскаго пастора Яна Стоинскаго.

[3]) Книга гродск. Луцкая 1644 г., № 2483, л. 1233.

стора Андрея Виноватаго, совершить у нихъ богослуженіе [1]). Сверхъ того, тотъ-же Веспасіанъ Бѣневскій обвинялся еще и въ томъ, что, ворвавшись въ домъ рафаловскаго священника, учинилъ поруганіе надъ св. иконами, именно — прокололъ ихъ саблею и называлъ „болванами и псами“ [2]). Въ томъ-же году уніатскій жидичинскій архимандритъ Никифоръ Лосовскій позвалъ на судъ Андрея Чаплича за укрывательство двор. Яна Стремескаго, социніанина, приговореннаго въ 1644 г. трибунальскимъ судомъ къ инфаміи за то, что въ бытность его арендаторомъ имѣній жидичинскаго монастыря Стремескій одну изъ монастырскихъ церквей превратилъ въ складъ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ и даже загонялъ въ нее охотничьихъ собакъ и свиней [3]). Въ слѣдующемъ 1648 г. привлечены были къ суду дворяне Товія Иваницкій и Якубъ Любенецкій по обвиненію въ распространеніи аріанской секты, въ открытіи въ с. *Иваничахъ* молитвеннаго дома и въ публичномъ совершеніи аріанскаго богослуженія и обрядовъ, въ укрывательствѣ осужденныхъ трибуналомъ пасторовъ и проповѣдниковъ секты и наконецъ въ устройствѣ многолюдныхъ аріанскихъ съѣздовъ и сборищъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ возбужденію обвиненія послужило то обстоятельство, что иваницкіе социніане въ праздникъ Рождества совершили какое-то нарочито торжественное богослуженіе, при чемъ былъ крещенъ, посредствомъ погруженія въ прудѣ, по социніанскому обряду, одинъ новообращенный знатный католикъ и похоронена въ саду жена Любенецкаго [4]). Въ томъ-же году снова подвергся суду извѣстный намъ Юрій Чапличъ за то, будто онъ разрушилъ каменный крестъ съ распятіемъ, стоявшій при въѣздѣ въ с. Молчановъ; а спустя короткое время послѣдовала жалоба на его сына Александра за кощунственные отзывы о пресв. Богородицѣ и за нанесеніе побоевъ п. Ивану Козикѣ, который хотѣлъ удержать его отъ богохульства [5]).

---

[1]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2978, л. 200.

[2]) Книга гродск. луцк. 1647 г., № 2487, л. 505.

[3]) Книга гродск. луцк. 1646 г., № 2977, л. 265.

[4]) Книга гродская владимірская 1648 г., № 1016, л. 1252.

[5]) Тамъ же, л. 426.

Приговоры по всѣмъ этимъ дѣламъ въ точности намъ не извѣстны, такъ какъ подобныя дѣла восходили на рѣшеніе высшаго уголовнаго судилища, люблинскаго трибунала, архивъ котораго хранится нынѣ въ Варшавѣ; но эти приговоры легко угадать: то были тяжкіе денежные штрафы, лишеніе дворянства, инфамія и банниція (т. е. лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ отечества). Въ то время польскіе клерикалы успѣли превратить трибуналъ въ послушное орудіе ихъ воли, посредствомъ котораго они щедрою рукою метали перуны на своихъ враговъ. По закону, всѣ дѣла, сопряженныя съ интересами католической религіи, разсматривались въ особыхъ засѣданіяхъ трибунала, называвшихся conposita judicia и состоявшихъ на половину изъ представителей католическаго духовенства. Но послѣдніе не стѣснялись этой пропорціей и почти всегда численно преобладали надъ свѣтскими депутатами, избираемыми по воеводствамъ [1]); при томъ же, если въ числѣ послѣднихъ встрѣчались лица для нихъ почему-либо неудобныя, то они подъ разными предлогами удаляли ихъ изъ состава суда; такой участи неоднократно подвергались между прочими и волынскіе депутаты-социніане, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ трибуналѣ разсматривались дѣла, касавшіяся ихъ единовѣрцевъ.

Къ чести тогдашнихъ южнорусскихъ дворянъ, безъ различія ихъ исповѣданій, нужно сказать, что всѣ эти религіозныя преслѣдованія, всѣ эти суровые приговоры клерикальнаго трибунала возбуждали въ нихъ чувства глубокаго негодованія. Не было того сейма, на которомъ южнорусскіе депутаты, отъ имени своихъ избирателей, не протестовали бы противъ фанатическихъ дѣйствій клерикальной партіи и всякій разъ настоятельно требовали, чтобы всѣ диссиденты были признаны въ правахъ свободнаго отправленія своихъ обрядовъ и содержанія школъ, чтобы прекращены были всякаго рода преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, чтобы правительство обуздало трибуналъ въ его жестокихъ приговорахъ по дѣламъ вѣры и изъяло подобныя дѣла изъ подсудности ему, передавъ ихъ на сеймы, и чтобы въ законахъ положено было строгое наказаніе тѣмъ духовнымъ особамъ, которые, подъ предлогомъ

---

[1]) См. жалобы волынскихъ дворянъ въ 1645 г. на эти злоупотребленія. Архивъ Югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 307.

якобы охраненія вѣры, по всякимъ пустякамъ тащатъ шляхтичей къ суду и взводятъ противъ нихъ дутыя обвиненія. Въ частности на сеймахъ 1645, 1646 и 1647 годовъ южнорусскіе дворяне, при поддержкѣ диссидентскихъ депутатовъ изъ другихъ областей Польши, требовали отмѣны трибунальскихъ рѣшеній по дѣлу: Петра Сенюты, Яна Стоинскаго, Юрія Чаплича, Юрія Немирича и другихъ соцініанъ [1]). Но всѣ гуманныя требованія южнорусскихъ дворянъ какъ о каменную стѣну разбивались о фанатизмъ польской католически-клерикальной партіи, руководимой на сеймахъ самимъ примасомъ и другими высшими духовными сановниками королевства.

Таково было положеніе соцініанской секты на Волыни на канунѣ грознаго переворота, который готовилъ для Польши Богданъ Хмельницкій. Не лучше оно было и въ сосѣдней съ Волынью кіевской Украинѣ.

Орестъ Левицкій.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. 2, т. I, №№ XII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXII, XXIII, XXV и XXVI. Лукашевичъ, Dzieje kościołów wyznania helw. w Małej Polsce, стр. 283—285.

Архіерейскія печали.

Авторъ „*Мелочей архіерейской жизни*“ замѣтилъ въ своей любопытной книгѣ, что жизнь архіерея намъ почти неизвѣстна, потому—что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги, обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца, „обезпечиваются“, и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень не скоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. Случайныя обстоятельства свели насъ съ нѣкоторыми бумагами, оставшимися послѣ смерти бывшаго архіепископа могилевскаго *Анатолія Мартыновскаго*. Бумаги эти представляютъ довольно важный интересъ и отчасти проливаютъ свѣтъ на скорбныя думы русскаго архіерея. Мы намѣрены нѣсколько познакомить читателей съ этими памятниками архіерейскихъ скорбей.

Анатолій явился въ этотъ міръ подъ именемъ *Августина*—въ 1792 году. „Первые начатки чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, а также основанія латыни, получилъ онъ отъ своего отца“, какъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи. Будучи такимъ образомъ нѣсколько подготовленъ, онъ на восьмомъ или на девятомъ году своего возраста отданъ былъ въ школы, находившіяся тогда въ м. Шаргородѣ, подольской губерніи, ямпольскаго уѣзда, и здѣсь усердно занимался изученіемъ правилъ грамматики и поэзіи россійскаго, а равно и латинскаго языковъ. Наконецъ, перешедши въ Каменецъ, онъ до самаго 1812 года изучалъ науку риторики, философіи и богословія, при чемъ мимоходомъ познакомился съ искусствомъ рисованія, съ началами математики, а также съ правилами языковъ греческаго и нѣмецкаго. Къ концу означеннаго года онъ, когда еще слушалъ уроки богословія, былъ опре-

дѣленъ сначала учителемъ рисованія, а потомъ, по окончаніи уже года, учителемъ класса *инфимы;* изъ года въ годъ переходя въ должности учителя въ высшій классъ, онъ такимъ образомъ дошелъ до класса *синтаксимы.* По настоянію родителей, молодой Августинъ, распрощавшись со школою и науками, женился и въ 1817 г. принялъ санъ священства. На второмъ году супружеской жизни овдовѣлъ, снова переселъ въ Каменецъ на должность учителя, а въ 1822 г. постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Анатолія. Въ 1823 году, слишкомъ 30 лѣтъ отъ роду, Анатолій поступилъ въ старшій курсъ кіевской академіи. Въ то и послѣдующее время монашествующіе освобождались отъ слушанія высшаго общеобразовательнаго курса, т. е. наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ и математическихъ, и поступали прямо въ такъ называемый богословскій курсъ академіи! Получивъ въ 1825 г. (это былъ второй курсъ или выпускъ преобразованной предъ тѣмъ академіи) степень магистра богословія, іеромонахъ Анатолій въ декабрѣ того-же года опредѣленъ былъ баккалавромъ академіи по каѳедрѣ *польскаго* языка, но въ январѣ слѣдующаго года ему предоставили преподаваніе одной изъ богословскихъ наукъ. Черезъ три съ половиною года, 4 мая 1829 г. зрѣлый по возрасту баккалавръ назначенъ прямо ректоромъ семинаріи въ Курскъ, но въ томъ-же году перемѣщенъ на такую-же должность въ Новгородъ, гдѣ и служилъ около десяти лѣтъ. Съ 1840 года начинается его архіерейская служба сперва въ санѣ и званіи епископа екатеринбургскаго, викарія пермскаго, съ слѣдующаго года въ должности викарія волынской епархіи, съ званіемъ епископа острожскаго, а съ конца 1844 года въ званіи самостоятельнаго епископа могилевскаго и мстиславскаго. Въ Могилевѣ Анатолій возведенъ былъ въ санъ архіепископа, 19 апрѣля 1853 г., и управлялъ могилевскою епархіею до увольненія его по прошенію на покой 1860 г. 17 іюля въ гербовецкій монастырь, бессарабской губерніи, гдѣ и скончался 8 августа 1872 г. [1]).

---

[1]) См *«Списки архіереевъ»*, Юрія Толстаго. Спб. 1872 г., стр. 38. Кишин. Епархіал. Вѣдом. за 1872 г. № 16 и за 1878 г. № 9-й. Кромѣ указаннаго, кажется, нигдѣ ничего не напечатано о немъ. Былъ только его некрологъ и списокъ его сочиненій, составленный Г. Н. Геннади, въ Русск. Архивѣ, вошед-

Архіепископъ Анатолій и по рожденію, и по воспитанію, и по главному мѣсту дѣятельности принадлежитъ западному краю Россіи. Неудивительно поэтому, что мысли его сосредоточились на католицизмѣ, важномъ общественномъ элементѣ въ краѣ, соперничествующемъ съ православіемъ; значительные литературные труды его направлены были на изученіе римско-католической церкви и католичество было для него силой, возбудившей его къ дѣятельности. Въ исторіи богословской науки онъ извѣстенъ какъ авторъ сочиненія: *„Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“* (2 части. 1857 г.). Это сочиненіе, изданное авторомъ въ свѣтъ подъ псевдонимомъ *Авдія Востокова* [1]) и выдержавшее два изданія, доставило Анатолію степень доктора богословія, въ тогдашнее время очень рѣдкую. Извѣстная книга его: *„Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“*, выдержавшая пять изданій, обязана своимъ происхожденіемъ римско-католическому стимулу. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Анатолій.

„Примѣчая въ разныхъ мѣстахъ моего служенія необыкновенное равнодушіе людей такъ называемаго образованнаго сословія къ православному вѣроисповѣданію, частое уклоненіе отъ участія въ общественномъ богослуженіи и пренебреженіе уставовъ церкви, я старался вывѣдать причины того и удостовѣрился, что все это между прочимъ происходитъ отъ чтенія религіозныхъ на французскомъ и другихъ языкахъ, самаго изящнаго изданія, книгъ и кни-

шій потомъ въ его «Словарь русскихъ писателей». Все, сообщенное далѣе нами объ этомъ архіепископѣ, заимствовано изъ бумагъ его, сохранившихся у его племянника—художника Николая Мартыновскаго.

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ Анатолій издалъ и нѣсколько другихъ своихъ сочиненій. Подъ этимъ-же псевдонимомъ, только измѣнивши его на малорусское окончаніе *(Восточенко)* писалъ онъ и свои *Воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ*—въ покойномъ кіевскомъ журналѣ «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи». Писалъ Анатолій и для «Странника», издававшагося его земляками. Кромѣ указанныхъ извѣстны отдѣльно изданныя его сочиненія: «*Слова и Бесѣды*». Пять частей. Спб. 1853—1866 г.; «*Досуги архіепископа Анатолія*», съ портретомъ автора. Спб. 1868 г.

жонокъ, коими преимущественно наводнены западныя губерніи вмѣстѣ съ полемическими сочиненіями противу отечественной православной церкви, каково напримѣръ: *L'Église Schismatique Russe d'apres les relations récentes du prétendu Saint-Synode. Paris. 1846*; я узналъ еще, что нѣкоторые изъ именующихся православными молятся по французскимъ и польскимъ молитвословамъ. Вразумляемые мною въ такомъ уклоненіи отъ руководства церкви возражали, что они церковнаго языка почти не понимаютъ и даже не умѣютъ читать по славянски, что издаваемые именемъ церкви молитвословы будто-бы печатаются такъ небрежно, съ такими типографическими украшеніями, что не хочется въ руки взять такихъ книгъ. Дайте намъ, говорили возражавшіе,—что-нибудь въ родѣ молитвослова, ясно написанное и опрятно изданное на русскомъ языкѣ, и мы станемъ читать. Съ другой стороны мнѣ случалось встрѣчать, хотя весьма немногихъ, искренно благочестивыхъ людей, которые, не довольствуясь молитвословами церковными, удовлетворяли жаждѣ духа своего списываніемъ изъ разныхъ книгъ различнаго содержанія молитвъ, сочиненіемъ ихъ и составленіемъ для своего употребленія молитвенныхъ тетрадокъ; даже попалась мнѣ книжечка, неизвѣстно кѣмъ составленная, когда и гдѣ печатанная. А еще видѣлъ книжечку, написанную чистымъ русскимъ языкомъ и изданную въ свое время въ Полоцкѣ іезуитами, въ которой заключаются молитвы къ Ксавію, Боргію, Доминику и проч. Всѣ такія свѣдѣнія томили меня, не давали покоя духу моему, пока я не рѣшился составить и издать книгу, которая бы, по моимъ соображеніямъ, могла хотя отчасти удовлетворить вышеизложеннымъ требованіямъ".

Подъ вліяніемъ впечатлѣній стройности и независимости римско-католической церкви, самостоятельности и могущества ея іерархіи у Анатолія слагается отрицательный взглядъ на положеніе русской церкви, создается угнетавшее духъ его разочарованіе.

Скорбь его начинаетъ развиваться съ того времени, какъ, оторванный отъ родины, поставленъ былъ онъ на ректуру въ Новгородѣ. Страна былаго вѣча навела на душу Анатолія страшную тоску. „Тысячу разъ принимался за перо, писалъ онъ высокопоставленному іерарху, и не могъ писать: отъ безпрерывныхъ смущеній убитому скорбями и перо кажется свинцовою гирею. Какъ

страждущему одышкою, такъ мнѣ захватываютъ духъ напасти и скорби. А между тѣмъ необходимо трудиться и тружусь, какъ извощичья лошадь, до упаду... Въ Новгородѣ почти нѣтъ ничего новаго; а если и есть, то про это нужно-бы много писать: но не стоитъ того... До того я дошелъ, что завидую состоянію монаховъ моей обители. Какая мирная и беззаботная жизнь: церковь, трапеза и келія—вотъ и вся сфера заботливости, а отвѣтственности никакой. Вотъ пѣснь, которую я съ переселенія моего въ Новгородъ доселѣ пою—и пою хоть визгливымъ, но часъ отъ часу высшимъ голосомъ—потому часъ отъ часу болѣе допекаетъ...“ Но вотъ Анатолія высылаютъ еще дальше, въ предѣлы сибирскихъ стужъ. „Ахъ, далеко мнѣ ѣхать“, жалуется онъ, „далеко! Какъ я доѣду и что со мною будетъ, Богъ вѣсть“. Иные владыки обыкновенно стараются держать подальше отъ себя людей даровитыхъ, опасныхъ на ихъ взглядъ именно своимъ умомъ; но въ пермскомъ краѣ Анатолія поразило иное, болѣе мрачное. „Въ пермской епархіи, какъ мнѣ съ 1840 г. извѣстно, управляющіе оною думаютъ, что всего удобнѣе управлять людьми, если они будутъ чѣмъ-нибудь запятнаны, опорочены. Вслѣдствіе такого мнѣнія тамъ безпрерывныя господствуютъ ябеды, лживые доносы и притомъ по настроенію свыше“.

Скорбное настроеніе души его не только не ослабѣваетъ, но еще болѣе усиливается по переходѣ на службу въ западный край. Католическая іерархія не даетъ ему покою. „Я хотѣлъ было, пишетъ онъ, собрать и написать что-нибудь въ родѣ статейки о преимуществахъ въ Россіи православной церкви предъ другими вѣроисповѣданіями. Съ этою цѣлію принялся за „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“ и нашолъ, что въ 1803 г. декабря 23 дня, по случаю тяжбы митавскаго ксендза, положено защищать церковныя имѣнія, въ томъ числѣ и напихъ церквей, на равнѣ съ казенными (Полн. собр. закон. Р. И. Т. XXIII, стр. 1088); пожалованныя сыновьямъ лютеранскихъ пасторовъ права при поступленіи на службу усвоены и сыновьямъ нашихъ священниковъ въ 1827 г. (тамъ-же, стр. 629). Затѣмъ взялъ въ руки „Сводъ законовъ Росс. Имп., изданія 1857 г. Т. XI. ч. I, Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“ и бросилъ, убѣжденный, что мнѣ на старости лѣтъ не по силамъ выводить подобныя параллели, тѣмъ

паче, что высказываются утомительныя для духа антитезы. Подумавши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ заключенію, что тотъ былъ-бы великимъ благодѣтелемъ русской православной церкви, кто испросилъ бы у престола царева усвоеніе и ея іерархамъ правъ, дарованныхъ иностраннымъ исповѣданіямъ изъ-за толеранціи".— Анатолій, подавленный мыслями о приниженности русской іерархіи, приходитъ къ унывающему взгляду на состояніе русской церкви. „Содержаніе вашего писанія, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному епископу, возбудило во мнѣ такую толщу неотвязчивыхъ мыслей, что голова моя о сю пору не можетъ успокоиться. Сущность тѣхъ мыслей состоитъ въ томъ, что *едвали есть церковь несчастнѣе нашей русской церкви.* Утверждаю это потому, что мнѣ 70 лѣтъ и съ 1812 г. я состоялъ въ училищной службѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ произшествій въ нашей церкви. По своему положенію она теперь точно въ такомъ отношеніи къ свѣтскому правительству, въ какомъ отношеніи такъ называемая церковная область къ папскому правительству. А если поставить ее, съ XI томомъ Свода Законовъ изданія 1857 г. въ рукахъ, въ параллель съ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ Россіи, то едвали наша церковь не болѣе всѣхъ стѣснена, связана, унижена болѣе, чѣмъ всякое общество другихъ вѣроисповѣданій" *).

*) Это крайнее и въ крайне рѣзкой формѣ выраженное мнѣніе ревностнаго архипастыря не будетъ казаться намъ ни странным, ни одинокимъ, если сопоставимъ его съ тѣмъ, что еще въ болѣе рѣзкой формѣ высказано въ »Письмахъ о современномъ состояніи Россіи« (Письмо V, стр. 52, 53 и дал. Изд. 2. Спб. 1881 г.) и во многихъ статьяхъ »Руси« и »Востока« Подобныя мнѣнія, хотя въ спокойныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ намъ приходилось слышать отъ двухъ недавно скончавшихся архипастырей, занимавшихъ высокое положеніе въ нашей іерархіи, именно пр. Арсенія, митрополита кіевскаго, и пр. Іоанникія, архіепископа варшавскаго, волею судебъ окончившаго дни свои въ Одессѣ. Суть дѣла въ томъ, что миніатюрное первоначально оберъ-прокурорство св. синода, придуманное однако Петромъ I съ явною цѣлію парализованія церковной власти, разрослось потомъ въ огромное учрежденіе съ именемъ «Вѣдомства православнаго исповѣданія», заслонило собою дѣйствительное представительство церкви и ея законную власть и притянуло къ своимъ рукамъ всѣ нити церковнаго управленія. Тому, кто близко знакомъ съ положеніемъ этого дѣла въ его прошедшемъ и настоящемъ, до крайности странными кажутся возгласы о недостаткѣ у насъ вліянія церкви на общество и

Писать и печатать — было непреодолимою потребностію души Анатолія съ самыхъ раннихъ годовъ его церковно-общественной дѣятельности. Но здѣсь налегла на него тогдашняя цензура со всею своею тяжестію. Вопли нашего архіепископа противъ цензуры составляютъ содержаніе многихъ его писемъ разнымъ лицамъ. „Въ нашей церкви, пишетъ онъ къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, съ 1812 года по 1822 годъ не явилось и десяти новыхъ назидательныхъ и полезныхъ книгъ ни для народнаго употребленія, ни для пастырей ея; съ того времени нашей духовной цензурѣ даны такія правила для руководства, что каждый цензоръ по произволу могъ одобрить для напечатанія, или нѣтъ, всякое сочиненіе. Даже въ св. синодѣ погибли невозвратно весьма многія преполезныя для церкви сочиненія; многія такія сочиненія не узрѣли свѣта Божія потому только, что разсматривавшіе ихъ дали объ нихъ мнѣніе, что читатели ихъ могутъ о томъ или другомъ подумать то-то и то-то, хотя-бы во вѣки, кромѣ разсматривавшаго, не подумали этого. Многія рукописи, неодобряемыя напримѣръ одною духовною цензурою, были одобряемы другою цензурою или черезъ годъ тою-же самою; многія сочиненія, одобренныя къ напечатанію, не одобрялись тою-же цензурою, безъ всякой причины, для втораго изданія. Въ самомъ синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! взялся сочинять! видно, нечего ему дѣлать!“, а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ,“ — и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви, со всею ревностію и самоотверженіемъ. И вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній оплевываются желчію даже такія сочиненія, въ которыхъ церковь имѣетъ вопіющую нужду... При мысли, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патріаршею властію свѣтскія лица, служащія

отсутствіи инициативы въ представителяхъ нашей церкви. Какая-же тутъ можетъ быть инициатива?.. Въ одномъ изъ трактатовъ по церковн. законовѣдѣнію свящ. Горчакова, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ Государств. Знаній», выяснено юридическое положеніе нашего церковнаго управленія вообще и въ частности такое-же положеніе въ немъ оберъ-прокурора св. синода.— *Ред.*

при св. синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христіанское Чтеніе“; что наше церковное юношество большею частію учится Богъ вѣсть по какимъ запискамъ, хотя многіе преподаваемые имъ предметы могли-бы изучать уже по книгамъ и весьма хорошимъ; что обременены такимъ множествомъ учебныхъ предметовъ, что отъ такого обремененія ни одного предмета не изучаютъ основательно, тогда какъ изучивъ нѣсколько предметовъ въ возможномъ совершенствѣ, другіе предметы и гораздо больше ихъ могли-бы усвоить себѣ впослѣдствіи посредствомъ одного чтенія; что церковные юноши отъ постояннаго списыванія уроковъ и множества учебныхъ предметовъ получаютъ въ училищахъ такое отвращеніе къ чтенію душеполезныхъ книгъ, что не читаютъ книгъ даже раздаваемыхъ имъ даромъ:—*нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едвали враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна!*“

Удрученный скорбями, архіепископъ Анатолій увольняется на покой; но литературные интересы не оставляютъ его и на покоѣ. Онъ оживляется малѣйшимъ признакомъ того, что настали лучшія времена. Такъ онъ изъ Бессарабіи привѣтствуетъ Филарета черниговскаго. „Другой разъ наслаждаясь чтеніемъ „Православнаго Догматическаго Богословія“ вашего высокопреосвященства, сознаю себя обязаннымъ принесть и отъ всего моего сердца и души приношу глубочайшую благодарность за душевное, неизъяснимо-пріятное наслажденіе, которое ощущаю, читая это безцѣнное произведеніе трудовъ вашихъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ ясность изложенія христіанскихъ догматовъ, твердыя, непоколебимыя ихъ доказательства, точное изъясненіе и приложеніе относящихся къ предмету текстовъ свящ. писанія, меткое пораженіе враговъ православнаго вѣроученія, краткость соединенная съ удовлетворительною полнотою его, почти популярный удобопонятный слогъ, не помраченный мнимымъ краснорѣчіемъ, изумительное обиліе литературныхъ свѣдѣній, которыми при чтеніи восхищаюсь на каждой страницѣ. По истинѣ ваше Богословіе безцѣнный даръ для православной церкви. И хотя я дерзнулъ-бы оспаривать нѣкоторыя положенія того Богословія; но пламенно желаю, чтобы оно переведено было на ино-

странные языки, особенно на нѣмецкій или хоть на французскій. Тогда европейскіе гелерты, я увѣренъ, положили-бы на уста свои перстъ изумленія и не дерзали-бы впередъ оскорблять священный авторитетъ православной церкви. Меня восхищаетъ и то, что ваше Богословіе издано просто съ разрѣшенія комитета кіевской духовной цензуры, а не по одобренію святѣйшаго синода. Ибо къ чему это одобреніе, когда были примѣры, что св. синодъ воспрещалъ употребленіе разныхъ книгъ, которыя прежде того дозволилъ напечатать? Кромѣ того извѣстно, что тѣ, коимъ поручаемо было св. синодомъ разсмотрѣть и представить мнѣніе о какомъ-либо сочиненіи, опасаясь попасть въ просакъ или выставить себя не свѣдущими, не умѣющими критиковать, каждое разсмотрѣнное ими сочиненіе обыкновенно не одобряли вполнѣ или судили объ немъ по предзанятымъ несосновательнымъ мнѣніямъ. Но всего горестнѣе, что произведенія трудовъ благонамѣреннѣйшихъ писателей подвергались еще критикѣ самозванныхъ свѣтскихъ богослововъ — чиновниковъ; что часто преполезныя сочиненія запрещались единственно потому, что, по мнѣнію самозванныхъ богослововъ, читатели того сочиненія могутъ подумать то и то, тогда какъ во вѣки никому бы не пришла въ голову мысль, возникшая въ головѣ самозваннаго богослова. И что за бѣда, если въ книгѣ благонамѣреннаго писателя встрѣтится какая-либо обмолвка, непослѣдовательность мысли: умный читатель извинитъ писателя, а глупый не усмотритъ обмолвки... Отъ этого если какія сочиненія писателей нашей церкви выходили на свѣтъ, то были тощія, безжизненныя, какъ бы замороженныя и никого, особенно изъ мірянъ, не привлекали къ чтенію“...

Въ отвѣтъ на это письмо Филаретъ, изложивъ и свою жалобу на цензурную волокиту, высказалъ однако взглядъ на цензуру благосклонный, сочувственный, не въ тонъ Анатолію. „Благодарю васъ за добрый отзывъ вашъ о Догматикѣ“, пишетъ Филаретъ. „Quod potui, feci; faciant meliora alii.—Вы напрасно думаете, что Догматика не проходила сквозь терну цензуры синодальной и академической. Исторія похожденій ея длинна. Согласенъ съ вами, что нынѣшнія облегченія цензуры имѣютъ хорошую сторону. Но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія: но за то книги могутъ являться не безполезныя или вредныя. Видимъ, что нынѣ

печатается? Правда, въ появленіи нынѣшнихъ книгъ главный виновникъ—несчастный духъ времени. Но противъ злаго духа нужны смирительныя мѣры и между ними первая мѣра—цензура. Впрочемъ, этотъ вопросъ часто бывалъ уже подъ цензурою. Думается, онъ рѣшается, согласно съ Вашею мыслію, словами Апостола: *праведнику законъ не лежитъ*, и, согласно съ мосю, его же ученіемъ о всеобщей порчѣ людей, требующей лѣкарствъ.—Скорби времени доводили душу мою до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что ваше высокопреосвященство жалѣете о своемъ избраніи уединенной жизни. Правда-ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ Васъ самихъ извѣстіе о состояніяхъ души вашей. Надобно намъ учиться и учиться.—Всего труднѣе знать себя самого. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую".

Анатолій съ отвѣтомъ не спѣшилъ и о цензурѣ болѣе не поднималъ вопроса. „Старческое разслабленіе и одышка о сю пору не дозволили мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее писаніе ваше", извинялся отшельникъ. „Вотъ отвѣтъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я порывался куда-либо переселиться изъ нея: потому что въ это время перенесъ шесть лихорадокъ самыхъ томительныхъ; преимущественно же я желалъ побывать въ Петербургѣ для того, чтобы подъ своимъ наблюденіемъ издать по моему плану и вкусу хотя нѣкоторыя изъ издѣлій пера моего. Желаніе мое не осуществилось. Затѣмъ съ 1863 года меня не удручала ни малѣйшая болѣзнь, кромѣ одышки и старческаго безсилія. При всемъ томъ, какъ скоро хотя немного прихожу въ силу, тотчасъ занимаюсь какимъ-либо сочиненіемъ, и тогда только скучаю, когда не могу придумать, о чемъ бы писать; а придумать это тѣмъ труднѣе, что моя библіотека скудна, а въ кишиневской семинаріи такая ничтожная, ничтожнѣе которой я не видѣлъ ни въ одной семинаріи. Если-бъ я былъ на Вашемъ мѣстѣ и рѣшился просить объ увольненіи отъ управленія епархіею, то поселился бы вблизи какой-либо духовной академіи и занимался бы изданіемъ еще новыхъ такихъ драгоцѣнныхъ сочиненій, какими ваше высокопреосвященство надѣлили св. церковь". Анатолій не сказалъ Филарету о томъ, что искалъ въ Петербургѣ *мѣста цензора*.

На покоѣ въ Бессарабіи Анатолій постоянно былъ занятъ *мыслію о родинѣ*. И въ Петербургъ онъ стремился, чтобы быть полезнымъ родинѣ. „Въ изданіи моихъ сочиненій, писалъ онъ, не имѣю ни малѣйшей корыстной мысли, хотя намѣренъ издать ихъ на свой счетъ; но вовсе не думаю выручать за нихъ денегъ, какъ не выручалъ и за прежде напечатанныя. Обыкновенно я выдавалъ издателю ихъ денежныя пособія съ условіемъ, чтобы имъ выдано было мнѣ такое количество экземпляровъ напечатанныхъ имъ книгъ, которое по цѣнѣ, имъ самимъ опредѣленной, равнялось бы количеству выданнаго мною ему денежнаго пособія, а полученные мною отъ издателя экземпляры ихъ раздавалъ желающимъ и почти всякому встрѣчному совершенно безмездно, предоставляя издателю выручать за прочіе экземпляры деньги въ свою пользу. Желаю и теперь поступить такимъ образомъ; особенно хотѣлось бы мнѣ напечатать на свой счетъ и отправить въ консисторію моей родины мои проповѣди и бесѣды для безмезднаго надѣленія ими всѣхъ приходскихъ церквей подольской епархіи". Такъ писалъ Анатолій, просясь на цензуру въ Петербургъ. Получивъ отказъ въ этомъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ умереть на родинѣ и для того просилъ о переводѣ въ подольскій пиргородскій монастырь; но ему предложили проситься въ какой-либо монастырь среднихъ епархій.

Огорченный неудачею, Анатолій искалъ утѣшенія въ общеніи съ такими же, какъ онъ, неудачниками: то были два образа печальнаго рыцаря, слишкомъ извѣстные В. И. Аскоченскій и К. Говорскій [1]). Мы не знаемъ, что послужило поводомъ къ сношенію съ ними Анатолія, но сохранившіяся ихъ письма къ нему показываютъ, что и Аскоченскій, и Говорскій, рисуясь своимъ якобы героизмомъ и навязываясь въ дружбу къ Анатолію, разсчитывали на поддержку изъ тощаго анатоліевскаго кармана. Въ этомъ отношеніи очень интересны и характерны для литературныхъ нравовъ ихъ письма къ Анатолію, которыя кстати мы и выпишемъ здѣсь. „Четырнадцать лѣтъ,—писалъ Викторъ Ипатичъ, воюю я одинъ, безъ пособниковъ, безъ средствъ, съ лаптатями современнаго

[1]) Первый какъ издатель »Домашней Бесѣды«, второй—»Вѣстника« сперва »Юго-западной и Западной«, а потомъ, съ переходомъ въ Вильно, только »Западной Россіи«.

прогресса и съ врагами правды евангельской; состарила меня эта тяжкая, безъисходная борьба, и если не помогутъ мнѣ наши святители, то я неизбѣжно паду, лишенный всякой возможности продолжать ее.

„Ваше высокопреосвященство! Я знаю, что вы вашими сочиненіями не собрали столько сокровищъ, сколько собралъ ихъ Макарій литовскій; но знаю и то, что вы не расточаете того, что Богъ послалъ вамъ, на созиданіе себѣ кумира, а творите добро десною, не позволяя вѣдать про то шуйцѣ. Вотъ что и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ усерднѣйшею моею просьбою о помощи, безъ которой опускаются мои руки и прекратится дѣло и дѣланіе мое. Поспѣшите, поспѣшите поддержать труженика, состарѣвшагося въ нескончаемой борьбѣ! Я обращаюсь ко всѣмъ святителямъ земли русской, какъ единственнымъ соучастникамъ и сочувственникамъ моего посильнаго труда.

„Если вашему высокопреосвященству случится увидѣться съ преосвящ. Петромъ [1]), то передайте ему мой старинный, дружескій поклонъ. Онъ знаетъ меня лучше, чѣмъ кто-либо, ибо мы съ нимъ дѣлили когда-то и горе, и радости, которыхъ впрочемъ было у насъ очень—очень мало.

„Въ ожиданіи скорой помощи отъ васъ испрашиваю вашего благословенія на семейство мое и на себя". *4 апрѣля 1841 г.*

Не лучше малограмотное письмо Говорскаго. „Не нахожу словъ, писалъ онъ, достойно возблагодарить вашему высокопреосвященству за оказанное вами *лѣ*стное вниманіе къ моему „Вѣстнику" чрезъ присылку, для помѣщенія въ немъ, въ высшей степени интересной статьи трудовъ вашего высокопреосвященства. Она будетъ напечатана въ двухъ книжкахъ: 8-й и 9-й и велю отпечатать нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ оттисковъ.

„Кромѣ поляковъ, „Вѣстнику" пришлось еще вести борьбу съ пагубными для цѣлости и блага Россіи тенденціями внутреннихъ ея враговъ: хохломановъ, стремящихся къ *обо*собленію Малороссіи и съ нигилистами, усиливающихся лишить вліянія *нашего*

[1]) Епископъ аккерманскій, викарій кишиневской епархіи, въ мірѣ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій, воспитанникъ VII курса кіевской академіи, курсомъ выше Аскоченскаго.

духовенства на народъ, вырвавъ изъ рукъ его естественно ему принадлежащее право и обязанность народнаго образованія.

„Вѣстникъ“ цѣлымъ рядомъ статей обличительныхъ неутомимо наносилъ смертельные удары стремленіямъ тѣхъ и другихъ и успѣлъ парализовать почти всѣ ихъ зловредныя затѣи. За то издатель его и ближайшіе дѣятели навлекли на себя ихъ ненависть и непримиримую вражду, а такъ какъ партіи ихъ въ Петербургѣ могущественны и имѣютъ покровителей въ лицѣ даже нѣкоторыхъ министровъ (Головнинъ), то мнѣ приходится много терпѣть разныхъ непріятностей и стѣсненій по изданію журнала. Было время, и очень недавно, что намѣревались его даже запретить. Партіи эти главнымъ образомъ вредятъ изданію, что всѣми мѣрами препятствуетъ его распространенію: по министерству напримѣръ народнаго просвѣщенія, давшему мнѣ въ прошломъ году до 400 подписчиковъ, въ настоящемъ году нѣтъ ихъ и 10-ти. И вообще малочисленность подписчиковъ въ настоящемъ году (не свыше 600) поставляетъ меня въ невозможность продолжать изданіе, такъ что если число ихъ значительно не возрастетъ, то оно прекратится на 10 книжкѣ неминуемо. Наше правительство, часто сыплющее деньги цѣлыми тысячами понапрасну, безъ малѣйшей пользы для общественнаго блага, не оказало никакой поддержки „Вѣстнику“, такъ самоотверженно и храбро ратующему, въ *видахъ интересовъ* Россіи, съ ея врагами. Даже наше православное духовенство, честь котораго и права такъ смѣло и небезплодно отстаивалъ этотъ журналъ, оказалось совершенно равнодушнымъ къ поддержанію его существованія и совершенно отвернулось отъ него, не смотря на указы св. синода, рекомендующіе духовенству выписывать этотъ полезный органъ и для православія, и для русской народности, не изъ собственнаго кармана, а изъ церковныхъ суммъ. Изъ всей напримѣръ кишиневской епархіи выписываетъ „Вѣстникъ“ только одинъ преосвященный. А вѣдь собственно-то за защиту духовенства „Вѣстникъ“ лишился нѣсколько сотъ подписчиковъ и нажилъ сильныхъ враговъ!

„По неимѣнію средствъ сгруппировать вокругъ себя дѣльныхъ помощниковъ и сотрудниковъ, журналъ мой не можетъ отличаться внутреннимъ совершенствомъ, котораго при энергіи и патріотизмѣ его издателя могъ-бы онъ достигнуть, если-бы издатель обладалъ этими средствами.

„Кромѣ того, что подъ бременемъ труда, падающаго на меня одного всѣмъ тяжелымъ гнетомъ, я изнемогаю душевно и тѣлесно, я впалъ въ неоплатимые долги и семейство мое лишилъ маленькаго достоянія, которое успѣлъ было въ продолженіи долголѣтней моей службы скопить, отказывая себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ, часто даже въ необходимыхъ потребностяхъ житейскихъ, такъ что, если Господь Богъ не ниспошлетъ неожиданно какой-либо помощи, то въ перспективѣ быть можетъ и близкаго будущаго видится мнѣ долговое отдѣленіе, обыкновенная награда у насъ въ Россіи самоотверженныхъ дѣятелей". 9 апрѣля 1864 года.

Совсѣмъ чужды подобной эксплоатаціи и дышатъ глубокою и безкорыстною симпатіею письма къ Анатолію бывшихъ его подчиненныхъ по могилевской епархіи. Особенно сердечны были посланія къ Анатолію отъ воспитанницъ основаннаго имъ въ Могилевѣ училища. Вотъ одно изъ нихъ.

Отецъ нашъ, пастырь несравненный!
Какъ можемъ мы тебя забыть?
Преосвященный Анатолій,
Твои къ тебѣ птенцы сласятъ.
Какъ голубица подъ крылами
Ты грѣлъ, питалъ своихъ дѣтей;
Ни бѣдъ, ни горестей не знали
Подъ кровомъ мудрости твоей.
Тобой обитель процвѣтала,
Тобою славился пріютъ;
И мы надеждою питались,
Что не оставишь насъ отнюдь.
Тебя мы ждемъ, но тщетно это;
Ты навсегда оставилъ насъ,
Какъ солнце красное сокрылся
Въ странѣ далекой и чужой.
Не грѣетъ насъ твой взоръ отрадный,
Не ластитъ насъ твоя рука.

Стихи совсѣмъ плохи; но они свидѣтельствуютъ объ искренности и теплотѣ дѣтскихъ чувствъ, равно о томъ, что преосв. Анатолій не чуждался женскаго общества, хотя взглядъ его на женщину

не высокаго сорта. Въ стихотворномъ посланіи изъ мѣста своего заточенія онъ такъ предостерегалъ одного изъ своихъ кліентовъ отъ „*коварныхъ дщерей Евы*“.

„Онѣ во плѣнъ мужей себѣ берутъ
„И терзаютъ будто кнутъ.
„Ихъ кисеи, кринолины—
„Настоящія машины
„Для ловленія людей
„Холостыхъ да и мужей;
„Ихъ булавки, коафюры—
„Цѣпи мужеской натуры“...

Въ послѣдніе дни жизни преосв. Анатолій вообще на все сталъ смотрѣть зловѣщими глазами и высказывать опасенія за будущее. „Велика вамъ, паночку, дяка за вашу память о такимъ, якъ я, грішныку“, писалъ онъ между прочимъ въ отвѣтъ одному изъ своихъ друзей. „Ваше превосходительство скучаете въ Москвѣ многолюдной; щожъ-бы вы сказали, якъ-бы довелось житы въ такій, якъ я, пустыни... Не дивно, що вы все чогось жахаитесь и боитесь. Теперь въ цілымъ світі неспокійно и треба чекати якоись велыкои біды. Въ Могилевѣ и во всякому другому западному краі польскій бунтъ и сваволя; а на Руси недобри люде и пишуть, и печатаютъ, и всими мірами тягнутъ юношей къ разврату. Да въ самій Москві на масляныці въ императорскомъ театрі пистьнадцатилітні юноши и дѣвицы открыто танцювали развратнѣйшій танецъ, именуемый канканъ, въ которомъ всѣ движенія ихъ представляли любодѣяніе. Чого-жъ писля сіого дочекатись, якъ не страшного гніва Божія и пагубы?“...

Къ концу жизни Анатолій почти лишился слуха и зрѣнія. Ежедневно онъ бывалъ на всѣхъ богослуженіяхъ въ своей домовой церкви, гдѣ всѣ иконы были его собственной художественной работы. Отходилъ онъ ко сну въ девять часовъ вечера; но и во снѣ лежа произносилъ молитвы почти всю ночь. Это обстоятельство часто привлекало къ его постели любопытныхъ иноковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдавшихъ сонное моленіе архіепископа и дивившихся знанію имъ наизустъ всѣхъ службъ церковныхъ.

Не имѣя подъ руками достаточнаго матеріала, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ, для составленія біографіи замѣчательной во всякомъ случаѣ личности преосв. Анатолія, мы вынуждены ограничиться настоящимъ указаніемъ на нѣкоторыя его мысли и чувства. Онѣ, если и не отличаются оригинальностію и не запечатлѣны высокимъ творчествомъ, за то въ своей совокупности представляютъ типичныя черты архіерея-*печальника* весьма недавняго времени. Въ связи съ этимъ нѣкоторыя посмертныя записки Анатолія, которыя мы надѣемся вскорѣ помѣстить на страницахъ „Кіевской Старины“, дадутъ читателю матеріалъ, основываясь на которомъ, онъ можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о мірѣ идей современнаго намъ православнаго западно-русскаго епископа.

К. Береза.

6 марта 1882.

Поѣздка въ Бѣлую-Церковь.

Бѣлая-Церковь—одна изъ замѣчательныхъ историческихъ мѣстностей, игравшихъ важную роль въ исторіи южнорусскаго козачества. Занимаясь этою исторіею, я уже осматривалъ многія историческія мѣстности кіевской губерніи; но Бѣлую-Церковь мнѣ до сихъ поръ удалось видѣть два раза мелькомъ—съ высоты почтовой тележки, да съ крыльца почтовой станціи. Только въ августѣ 1881 года, случайно пріѣхавши по своимъ домашнимъ дѣламъ въ Кіевъ, я сговорился съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ (нынѣ почтеннымъ редакторомъ Кіевской Старины) и мы вмѣстѣ отправились туда по желѣзной дорогѣ.

Приходится сознаться, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ жившія прежде насъ поколѣнія такъ мало цѣнили памятники старины, что намъ, потомкамъ, нерѣдко по неволѣ, пріѣхавши для осмотра какой нибудь исторической мѣстности, остается довольствоваться припоминаніемъ того, что уже ранѣе было нами читано или могло быть читано въ книгахъ или въ рукописяхъ, намъ извѣстныхъ. Почти то-же случилось и съ нами въ Бѣлой-Церкви. Это богатое и многолюдное мѣстечко, принадлежащее роду графовъ Браницкихъ, представляетъ мало возможности изучать его прежнюю судьбу по вещественнымъ памятникамъ. Изустныхъ преданій, касающихся мѣстной старины, еще менѣе тамъ найти можно: населеніе здѣсь все пришлое и не прямо потомственное тому, которое было здѣсь лѣтъ за двѣсти, притомъ-же оно въ значительномъ большинствѣ состоитъ изъ іудеевъ, которые, живя, какъ извѣстно, совсѣмъ иною духовною жизнію, не могутъ интересоваться преданіями русскаго народа. Самый важный остатокъ старины въ мѣстечкѣ Бѣлой-Церкви—это слѣды вала, указывающія на существованіе тамъ замка, составлявшаго и здѣсь, какъ вездѣ бывало, ядро

и охрану поселенія, что принято на ученомъ языкѣ называть греческимъ терминомъ: *акрополисъ*. Нынѣ остатки земляной насыпи, окружавшей когда-то замокъ, во многихъ мѣстахъ осыпались, а кое-гдѣ и вовсе сгладились. Замокъ былъ расположенъ на берегу рѣки Роси и слѣды его теперь замѣтнѣе со стороны рѣки, чѣмъ со стороны противоположной—отъ мѣстечка.

Существуетъ предположеніе, что Бѣлая-Церковь построена на томъ мѣстѣ, гдѣ находился въ удѣльныя времена до монголовъ городъ Юрьевъ на рѣкѣ Роси, имѣвшій своихъ епископовъ. Но это одно предположеніе, еще менѣе имѣющее за собою точныхъ указаній, чѣмъ предположеніе г. Похилевича (Сказ. о населен. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 490), что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Бѣлая-Церковь, происходила битва князя Изяслава Мстиславича съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, подробно описанная въ лѣтописи (*лѣтоп.* по игнатьевск. списку годъ 1151, стр. 301—303, изд. арх. комм. 1871 года). Г. Похилевичъ дѣлаетъ такое предположеніе на томъ основаніи, что въ лѣтописи при описаніи этой битвы упоминаются рѣки, называемыя Великій Рутъ и Малый Рутъ, а въ Бѣлой-Церкви есть ручей Ротокъ, впадающій въ Рось.

Подъ настоящимъ нынѣшнимъ своимъ названіемъ Бѣлая-Церковь впервые упоминается у Стрыйковскаго при описаніи событій, совершавшихся въ XIV вѣкѣ, при великомъ князѣ литовскомъ Ольгердѣ. Стрыйковскій говоритъ, что при Ольгердѣ литовцы учинили свободными отъ татаръ Торговицу, Бѣлую-Церковь, Звенигородъ и всѣ поля отъ Очакова до Кіева и отъ Путивля до устья Дона. Старинное преданіе, сохраняющееся въ народѣ до сихъ поръ, говоритъ, будто названіе Бѣлой-Церкви пошло отъ наружнаго вида первой церкви, построенной тамъ въ новоосновавшемся поселеніи: церковь эта была сложена изъ березовыхъ бревенъ, на которыхъ оставалась неободранною бѣлая березовая древесная кора. Но Бѣлая-Церковь дѣлается извѣстнымъ и значительнымъ пунктомъ только со времени основанія въ ней замка. Это произошло въ 1550 году. Основателемъ его былъ кіевскій воевода Пронскій. Этотъ первоначальный замокъ былъ скроенъ, какъ говорится, на живую нитку, такъ что черезъ двадцать лѣтъ новый кіевскій воевода, кн. Василій Острожскій, въ 1570 году, сдѣлалъ королю Сигизмунду-Августу донесеніе, что въ случаѣ непріятельскаго вторженія, котораго

всегда можно было ожидать при татарскихъ набѣгахъ, часто повторявшихся, бѣло-церковскій замокъ не въ силахъ будетъ защищаться: его валъ уже тогда въ нѣсколькихъ мѣстахъ осыпался; его четыре башни и сто пятьдесятъ городень стояли непокрытыми и во многихъ мѣстахъ подгнили, пушекъ было всего три, а другихъ орудій меньшаго размѣра хотя и было въ замкѣ до шестидесяти, но все находилось не въ должномъ порядкѣ. Донесеніе это, которое мы читали въ собраніи автографовъ императорской публичной библіотеки, не осталось, какъ видно, безъ послѣдствій. Въ дѣлахъ Литовской Метрики, хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, есть люстрація украинскихъ замковъ, учиненная въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII вѣка.*) Въ этой люстраціи уже нѣтъ жалобъ на худое состояніе бѣло-церковскаго замка. Изъ тогдашняго сообщенія мы узнаемъ, что замокъ этотъ, стоя на высокомъ городищѣ и обращенный одною стороною къ рѣкѣ Роси, а другою къ мѣстечку былъ опоясанъ кругомъ земляным валомъ, по гребню котораго былъ проведенъ частоколъ; въ замокъ вело четверо воротъ съ башнями надъ ними. Двое изъ этихъ воротъ обозначены особыми названіями: однѣ звались въѣздными, другіе—потайными. Внутри замка находились постройки: каплица (часовня), цейкгаузъ, пороховня, мѣйская комора (городское казначейство), старостинскій дворъ, девять жидовскихъ домовъ. Къ замку прилегалъ „пригородокъ“, также опоясанный валомъ съ частоколомъ по гребню его и со рвомъ; по валу поставлено было пять деревянныхъ башенъ. Внутри этого пригородка было тридцать домовъ, которыхъ обитатели съ-общa держали караулы. Въ башняхъ замка и пригородка помѣщались орудія.

За замкомъ и пригородкомъ расположено было „місто“, т. е. городъ въ нашемъ смыслѣ: тамъ помѣщались мѣщанскіе дворы, торговыя и промысловыя заведенія. „Місто“ было также все окружено валомъ и на наружной сторонѣ вала рвомъ, по гребню вала шелъ частоколъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на извѣстномъ разстояніи воздвигнуты были башенки. Въ „місто“ вело четверо въѣздныхъ воротъ, покрытыхъ сверху гонтомъ. За чертою „міста“ находилось

*) Извлеченіе изъ этой люстраціи, судя по сходству извѣстій, сдѣлано въ

пять мельницъ и десять поташныхъ заводовъ (будъ) въ лѣсахъ прилегавшихъ къ Бѣлой-Церкви. Вотъ какой образъ Бѣлой-Церкви рисуетъ намъ эта люстрація.

Обыватели Бѣлой-Церкви были главнымъ образомъ мѣщане и козаки.

По инвентарю, составленному въ 1570 году для всѣхъ вообще городовъ украинскихъ, мѣщане бѣло-церковскіе, какъ новопоселенцы, пользовались льготами на двадцать лѣтъ. Они обязаны были держать караулы на башняхъ и на свой счетъ починять какъ острогъ, такъ и башни, расположенныя вокругъ „міста". Король Сигизмундъ III подтвердилъ всѣ прежнія привиллегіи своихъ предшественниковъ и въ 1616 году бѣло-церковскіе мѣщане получили отъ сейма навсегда льготу отъ всякихъ податей какъ посполитыхъ (т. е. общихъ для всѣхъ), такъ и особыхъ, слѣдовавшихъ къ королевскому столу: они освобождались отъ чоповыхъ поборовъ (съ винной продажи), отъ сухопутныхъ и водяныхъ мытъ. Ревизоры, производившіе въ тотъ годъ люстрацію, приводили въ доводъ необходимости дать привиллегію Бѣлой-Церкви на вѣчныя времена то обстоятельство, что этотъ городъ былъ пограничнымъ и служилъ оплотомъ противъ татарскихъ набѣговъ; его обывателямъ было много труда: кромѣ карауловъ, которыя надобно было постоянно содержать въ городѣ, они должны были высылать разъѣзды и ставить караулы въ „поляхъ дикихъ". Во время такихъ разъѣздовъ и при отправленіи карауловъ многіе погибали, застигнутые нежданно непріятелемъ.

Въ 1620 году Бѣлой-Церкви дано было магдебургское право и съ тѣхъ поръ мѣщане имѣли свою собственную сословную юрисдикцію, которая отправлялась въ замкѣ: тамъ засѣдали ихъ выборныя должностныя лица: войтъ, бурмистры и лавники.

У козаковъ было свое собственное устройство. Въ 1572 году король Сигизмундъ-Августъ указалъ пребывать въ Бѣлой-Церкви старшему надъ всѣми украинскими козаками. Старшимъ такимъ былъ тогда нѣкій Бадовскій, человѣкъ шляхетскаго происхожденія. Онъ имѣлъ пожалованный ему отъ короля дворъ въ Бѣлой-Церкви. Изъ грамоты, данной королемъ Бадовскому видно, что всѣ низовые козаки должны были одному ему подчиняться, какъ власти, назначенной самимъ королемъ, а замковыя начальства не мѣшались въ ихъ расправу; поэтому-то въ люстраціи 1616 года дворы ихъ на-

зывались непослушными, т. е. неподчиненными старостамъ и ихъ подстаростамъ, въ отличіе отъ другихъ, называемыхъ послушными. Въ тотъ годъ въ Бѣлой-Церкви послушныхъ дворовъ было триста, а непослушныхъ или козацкихъ болѣе трехсотъ. Козаки, составляя спеціально воинское сословіе, всегда охотнѣе брались за оружіе, чѣмъ за мирные промыслы. Походы въ степи и безпрестанныя драки съ татарами были ихъ обычнымъ занятіемъ, такъ какъ и татары почти каждогодно дѣлали вторженія въ жилыя мѣстности и уводили изъ нихъ въ плѣнъ толпами людей. Но какъ татары крымскіе считались данниками Турціи, то воинственные подвиги козаковъ противъ татаръ раздражали турецкаго императора: къ польскому правительству обращались требованія усмирить козаковъ и угрозы войны противъ Польши. Это вынуждало польское правительство еще со временъ Сигизмунда-Августа посылать строгія подтвердительныя грамоты, запрещавшія вообще всѣмъ украинскимъ обывателямъ заводить ссоры съ татарами. Такія королевскія грамоты [1]) посылались старостамъ, на которыхъ возлагалась обязанность удерживать обывателей отъ такихъ ссоръ и потому козаки хотя и были освобождены вообще отъ старостинской юрисдикціи, но въ то-же время въ этомъ отношеніи понуждались ей подчиняться. Отъ этого возникали пререканія между старостами и козаками, а потомъ мало по-малу непріязненное отношеніе козаковъ распространялось вообще на шляхетство по мѣрѣ того, какъ сословіе козацкое расширялось не только въ королевскихъ, но и въ шляхетскихъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, гдѣ по имущественнымъ и личнымъ отношеніямъ возникали столкновенія однихъ съ другими.

Бѣлая-Церковь съ своею территоріею, которая, какъ вездѣ въ малолюдныхъ и пустынныхъ краяхъ, не была точно опредѣлена въ границахъ, составляла коронное владѣніе, а какъ въ Польшѣ коронныя земли съ живущими на нихъ поселянами давались въ пожизненное владѣніе панамъ подъ титуломъ староствъ, то и Бѣлая-Церковь всегда считалась староствомъ и переходила отъ одного

[1]) Всѣ документы относящіеся къ козакамъ и къ Украинѣ XVI вѣка хранятся въ дѣлахъ литовской метрики при правительствующемъ сенатѣ. Нѣкоторые были напечатаны въ I томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи, издаваемыхъ археографическою коммисіею.

старосты къ другому. Первымъ изъ бѣло-церковскихъ старостъ, извѣстныхъ по документамъ, былъ князь Янушъ Острожскій. Его замѣнилъ въ 1620 году Станиславъ Любомирскій, воевода краковскій. Но уже съ послѣднихъ годовъ XVI столѣтія сильно возрастаетъ и распирается козачество, а наконецъ въ половинѣ XVII вѣка переворачиваетъ все вверхъ дномъ и создаетъ, хотя не на долго, новый общественный порядокъ. Періодомъ, подготовлявшимъ эпоху Хмельницкаго, можно считать пятьдесятъ пять лѣтъ съ 1593 по 1648 г. Ведется crescendo борьба козачества со шляхетствомъ, переходящая въ борьбу Руси съ Польшею, въ борьбу православія съ латинствомъ, всенароднаго равенства и всеобщей свободы съ привиллегіею и порабощеніемъ низшихъ высшими.

Въ этомъ періодѣ Бѣлая-Церковь была не разъ мѣстомъ совершенія достопамятныхъ историческихъ событій. Такъ въ 1592 году козацкій предводитель Косинскій, открывшій своимъ возстаніемъ рядъ кровопролитныхъ столкновеній козаковъ съ Рѣчью Посполитою, овладѣлъ Бѣлою-Церковью, ограбилъ дворъ подстаросты князя Булыги-Курцевича и забралъ оттуда привиллегію, данную отъ короля князю Янушу Острожскому на бѣло-церковское староство. Это было въ то время еще первое заявленіе домогательства козаковъ властвовать въ Украинѣ вмѣсто польскаго шляхетства и съ тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ козачества со шляхетствомъ не разъ встрѣчается подобная черта: овладѣвши обиталищемъ пана, козаки считаютъ первымъ дѣломъ захватить въ свои руки тѣ документы, по которымъ панъ владѣлъ тѣмъ мѣстомъ, откуда его тогда выгоняли козаки. Въ 1595 году другой козацкій вождь Семенъ Наливайко продолжалъ начатое Косинскимъ и неоконченное дѣло. И онъ, такъ-же какъ его предшественникъ, какъ и всѣ его товарищи, воевалъ не только съ панами, но и съ ихъ бумажными документами. И въ эпоху этого козацкаго возстанія Бѣлая-Церковь играетъ немаловажную роль. Наливайко, преслѣдуемый изъ Волыни коронным гетманомъ Жолкѣвскимъ, 2 апрѣля 1596 года, ночью, при содѣйствіи расположенныхъ къ нему бѣло-церковскихъ мѣщанъ, вступилъ въ Бѣлую-Церковь; князь Рожинскій, прежде него посланный туда Жолкѣвскимъ, заперся въ замкѣ, но тутъ настигалъ Наливайка Жолкѣвскій и Наливайко не могъ оставаться долѣе на одномъ мѣстѣ и добывать Рожинскаго въ замкѣ. Онъ ушелъ къ Триполью,

а оттуда перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ рѣшилась печально судьба его.

За тѣмъ въ послѣдующія столкновенія козаковъ съ поляками не разъ является Бѣлая-Церковь на сценѣ историческихъ событій. Обыватели ея постоянно сочувствовали козакамъ, но при козацкихъ неудачахъ, которыя въ первой половинѣ XVII столѣтія были часты, притворно показывали повиновеніе польскимъ властямъ. Такъ въ 1637 году коронный гетманъ Николай Потоцкій, ѣхавши усмирять возстаніе Павлюка, былъ встрѣчаемъ въ Бѣлой-Церкви съ видимыми знаками покорности не только мѣщанами, но даже и бѣлоцерковскими козаками. Иначе и быть не могло. Жители были слабы противъ польскихъ военныхъ силъ; козакамъ въ войнахъ противъ послѣднихъ не было успѣха; а всякія проявленія нерасположенія къ польской власти наказывались безжалостными и свирѣпыми способами. Спасительный страхъ сдерживалъ волненіе до времени.

Но вотъ наступила Хмельницина, и тутъ Бѣлой-Церкви выпадаетъ жребій быть одной изъ самыхъ видныхъ историческихъ мѣстностей. Въ 1648 году послѣ пораженія Хмельницкимъ польскаго войска подъ Корсуномъ и плѣна обоихъ польскихъ гетмановъ, побѣдитель заложилъ свой станъ подъ Бѣлою-Церковью, отсюда сносился съ панами, толкуя о возможности примиренія, отсюда разсылалъ народу возбудительные свои универсалы, отсюда отправлялъ въ разныя мѣста отряды козацкіе для очищенія южной Руси отъ поляковъ и іудеевъ, сюда приходили каждый день отовсюду громады народа, который хотѣлъ тогда весь окозачиться (то есть освободиться, а свобода ему представлялась не иначе, какъ въ образѣ всеобщаго козачества); здѣсь Богданъ Хмельницкій организовалъ ихъ въ полки, назначалъ полковниковъ и прочихъ козацкихъ старшинъ. Здѣсь, такимъ образомъ, устанавливался тотъ порядокъ гетманщины, съ которымъ впослѣдствіи, поступивши подъ власть московскаго государя, Малороссія, хотя уже обрѣзанная въ границахъ, существовала еще болѣе столѣтія автономнымъ политическимъ тѣломъ, какъ членъ русской державы. Стоянка Хмельницкаго подъ Бѣлою-Церковью продолжалась болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Тогда-то явилось двадцать козацкихъ полковъ въ значеніи территорій съ городами; они покрывали и правую и лѣвую сторону Днѣпра. Однимъ изъ этихъ полковъ былъ полкъ бѣло-

церковскій. На послѣдовавшей въ 1649 году битвѣ противъ поляковъ подъ Зборовомъ этотъ полкъ оказался и многолюднымъ и сильнымъ. Съ этихъ поръ Бѣлая-Церковь съ ея территоріею становится подъ управленіе козацкаго полковника вмѣсто прежнихъ старостъ, какъ было подъ польскою властію. Первымъ бѣло-церковскимъ полковникомъ былъ Гиря, но онъ былъ не долго. Уже въ 1651 г. является тамъ полковникомъ Михайло Громыка.

Послѣ второй войны Хмельницкаго съ поляками на долю Бѣлой-Церкви опять выпала роль не менѣе прежняго видная и важная, хотя и не такъ славная для козаковъ. Двуличное поведеніе союзника Хмельницкаго, крымскаго хана Исламъ-Гирея, который въ критическую минуту битвы съ поляками, покинулъ съ своею ордою козаковъ, а также крайнее напряженіе всѣхъ силъ Рѣчи Посполитой — привели козаковъ къ пораженію подъ Берестечкомъ и къ опустошительному вступленію польскаго и литовскаго войскъ въ средину Украины. Послѣ сего приходилось совершиться развязкѣ всей козацкой драмы инымъ способомъ. Этой развязкѣ суждено было произойти въ Бѣлой-Церкви. Украина, наводняемая шляхетскими силами съ двухъ концевъ—отъ Волыни и отъ Литвы, энергически отбивалась, собирая послѣднія усилія, но ея гетманъ все-таки долженъ былъ подвергнуть свое дѣло уступкамъ, какъ ни противился этому народъ, вкусившій уже свободы и ни за что не хотѣвшій класть своей шеи вновь подъ шляхетское ярмо. Хмельницкій, видя невозможность не только докончить то, что оставалось недоконченнымъ по зборовскому договору, но и вполнѣ сохранить то, что пріобрѣтено было по этому договору, согласился на новый договоръ, составленный и подписанный въ бѣло-церковскомъ замкѣ. По этому новому договору онъ лишался двухъ воеводствъ, входившихъ въ гетманщину по зборовскому договору, и ограничивался только однимъ кіевскимъ воеводствомъ, кромѣ того онъ допускалъ и въ этомъ послѣднемъ располагаться польскимъ войскамъ съ цѣлію охраненія правъ тѣхъ владѣльцевъ маетностей, которымъ народъ не хотѣлъ повиноваться. Заключая этотъ договоръ, Хмельницкій находился истинно въ трагическомъ положеніи. Раздраженная толпа народная порывалась истребить и польскихъ коммисаровъ, заключавшихъ договоръ, и самого своего гетмана. Хмельницкій принужденъ былъ въ угоду панамъ разгонять булавою вторгавшуюся

въ бѣло-церковскій замокъ толпу и нѣсколькихъ положить на мѣстѣ собственноручно. Описывая это печальное событіе, малорусскіе лѣтописатели какъ-бы въ утѣшеніе представляютъ, что въ битвахъ, продолжавшихся во все то время, когда шли сношенія о мирѣ, козаки такъ храбро и стойко отстаивали себя, что задали врагамъ своимъ порядочный ущербъ. И въ самомъ дѣлѣ изъ польскихъ дневниковъ того времени видно, что полякамъ приходилось тогда очень тѣсно, и если-бы Хмельницкій еще подержался, то можетъ быть развязка окончилась бы легче для козацкаго дѣла.

Вся борьба южнорусскаго народа съ Польшею, послѣ многихъ склоненій то въ ту, то въ другую сторону, привела къ подданству московскому государю. Въ 1654 году Бѣлая-Церковь юридически и фактически стала достояніемъ царя Алексѣя Михайловича и московской державы. Леонтій Лопухинъ приводилъ ея жителей къ присягѣ. Внутреннія усобицы, возникшія въ Украинѣ послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, довели дѣла страны до того, что на правой сторонѣ Днѣпра поляки опять стали пріобрѣтать господство; они уже помышляли также возвратить его себѣ и на лѣвой. Въ 1663 году въ Бѣлую-Церковь прибылъ польскій король Янъ Казимиръ, слѣдуя съ польскимъ войскомъ за Днѣпръ и намѣреваясь покорить лѣвобережную Украину. Въ Бѣлой-Церкви король отдыхалъ цѣлую недѣлю и въ это время по его желанію епископъ луцкій Пражмовскій устроилъ пиръ для своихъ и для русскихъ духовныхъ, и тогда происходило богословское состязаніе между іезуитомъ Некарскимъ и православнымъ ректоромъ кіевской коллегіи Іоанникіемъ Галятовскимъ по поводу различія вѣроисповѣдныхъ догматовъ и обрядовъ. Диспутъ этотъ внесенъ цѣликомъ въ Лѣтопись Самуила Величка. Полякамъ не удалось не только покорить лѣвой стороны Украины, но и удержать правобережной, гдѣ поднялось народное возстаніе противъ нихъ, почти такое-же, какъ при Хмельницкомъ, съ тою разницею, что въ Украинѣ не достало головы, которая бы могла сплотить разрозненныя народныя силы, а московская держава не могла такъ кстати, какъ прежде, подать въ пору помощь козачеству. Тѣмъ не менѣе долго не могли поляки овладѣть правобережною Украиною и истребить тамъ враждебные себѣ козацкіе элементы.

Бѣло-церковскій замокъ, которымъ поляки овладѣли, долѣе оставался въ ихъ рукахъ, хотя бѣло-церковскій козацкій полкъ имъ

не подчинялся. Въ бѣло-церковскомъ замкѣ пребывалъ польскій комендантъ съ гарнизономъ изъ польскихъ жолнѣровъ. Такими комендантами были почти все нѣмцы (Лобель съ 1662 по 1671 г. и снова 1672—1678 г., Фитингофъ 1671—1672 г., двое Раппе 1678—1693 г. и Людвигъ де Оргеваль 1694 г.) и самый бѣло-церковскій гарнизонъ состоялъ изъ разноплеменнаго сброда, въ которомъ большинство составляли нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ. Власть коменданта не простиралась далѣе крѣпости и то надъ своимъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе Бѣлая-Церковь въ рукахъ поляковъ стояла козакамъ, такъ сказать, костью въ глоткѣ. По силѣ бучачскаго договора Польши съ Турціею поляки обязались передать ее гетману козацкому Дорошенку, признавшему надъ собою покровительство Турціи, но не думали исполнять подписаннаго ими обязательства и Дорошенко нѣсколько разъ покушался овладѣть Бѣлою-Церковью, принадлежавшею ему по праву; но всѣ его покушенія остались напрасными и Дорошенко палъ, отдавшись на милость московскаго государя, а бѣло-церковская крѣпость продолжала оставаться въ рукахъ поляковъ. За паденіемъ Дорошенка и за неудачнымъ покушеніемъ Юрія Хмельницкаго утвердиться въ Украинѣ, послѣдовало окончательное запустѣніе правобережной Украины и выводъ остававшихся тамъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ бѣло-церковскихъ полковниковъ второй половины XVII вѣка нѣкоторыхъ имена стали извѣстными: Тарасенко, вѣрный польскому правительству (1664—1665), Кравченко (1666), Макуха (1676), Буженко, убитый бѣло-церковскимъ комендантомъ (1673 г), Коровченко... во время опустѣнія правобережной Украины. Въ какой степени это опустѣніе постигло бѣло-церковскую территорію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Но въ концѣ XVII вѣка опустѣлая Украина стала снова заселяться, возстановлялось козачество, а вмѣстѣ съ нимъ воскресала прежняя вражда съ польскимъ шляхетствомъ. Въ 1702 году эта вражда, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ прорывавшаяся спорадическими вспышками, разразилась народнымъ возстаніемъ, которое, по тогдашнему малолюдству, хотя было слабѣе тѣхъ, которыя поднимались при Богданѣ Хмельницкомъ и при Брюховецкомъ, но не уступало имъ въ свирѣпости враговъ другъ къ другу. Душою этого возстанія сталъ тогда Семенъ Палій: онъ былъ козацкимъ полковникомъ, собственно охотницкимъ, то есть

безъ постоянной территоріи, но утвердившись въ Хвастовѣ и призывая подъ свое знамя охотниковъ, онъ назначалъ имъ селитьбы и такимъ образомъ овладѣвалъ пространствомъ территоріи бѣло-церковскаго полка и сталъ фактически бѣло-церковскимъ полковникомъ. Будучи главнымъ руководителемъ народнаго подъема, неустаннымъ борцомъ за свободу противъ польско-шляхетскаго деспотизма, Палій нѣсколько разъ обращался къ московскому царю съ просьбою принять его со всѣмъ его полкомъ (котораго селитьбы раскинулись и на Полѣсье) подъ высокую руку православнаго государя, подобно тому, какъ принялъ царь Алексѣй Михайловичъ Богдана Хмельницкаго со всею Малою Россіею. Все было напрасно. Петръ Алексѣевичъ, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, дорожилъ союзомъ съ Рѣчью Посполитою, а Палій, вмѣсто помощи отъ Россіи, могъ встрѣтить съ ея стороны скорѣе содѣйствіе полякамъ къ укрощенію и подчиненію правобережнаго козачества. Палій, вмѣстѣ съ возставшимъ противъ польскаго господства южнорусскимъ народомъ, организовавшимся въ козацкій укладъ, овладѣлъ бѣло-церковскимъ замкомъ и снова предлагалъ царю Петру взять подъ свою власть всю правобережную Украину. Царь въ отвѣтъ приказывалъ Палію сдать полякамъ взятую бѣло-церковскую „фортецу“ и пребывать въ послушаніи королю польскому и Рѣчи Посполитой. Палій не слушался. Тогда по царскому указу гетманъ Мазепа арестовалъ Палія. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь на житье въ Томскѣ (1707 г.). Вмѣсто него назначенъ былъ бѣло-церковскимъ козацкимъ полковникомъ Омельченко. Послѣ измѣны гетмана Мазепы Палій былъ возвращенъ изъ Сибири, Омельченко отставленъ, но Палій отъ старости и недуговъ не могъ уже управлять полкомъ и скоро скончался. Полковникомъ бѣло-церковскимъ назначенъ былъ Танскій, зять Палія. Пока въ Польшѣ происходили междоусобія и вмѣсто короля Августа, союзника Петрова, былъ еще другой король Станиславъ Лещинскій, избранный по волѣ шведскаго короля, Бѣлая-Церковь никакъ не могла быть возвращена полякамъ, какъ послѣдніе того домогались; но когда король Августъ снова утвердился, царь Петръ считалъ возможнымъ исполнить прежде данное обѣщаніе относительно Бѣлой-Церкви. Нѣсколько времени задержали передачу ея полякамъ попытки соумышленниковъ Мазепы. Въ 1711 году Орликъ, бывшій при Мазепѣ генеральнымъ писаремъ, а

по смерти Мазепы избранный его преемникомъ козаками, убѣжавшими въ турецкія владѣнія, послѣ полтавскаго разгрома, покупался овладѣть Бѣлою-Церковью, но не имѣлъ успѣха. Отразивши попытки мазепинцевъ отстоять проигранное Мазепою дѣло и успокоивши правобережную Украину, царь Петръ Алексѣевичъ въ 1712 году приказалъ гетману Скоропадскому сдать Бѣлую-Церковь коммисарамъ Рѣчи Посполитой.

Съ этихъ поръ изчезаетъ тамъ козацкое управленіе. Полковниковъ бѣло-церковскихъ болѣе не стало. Край, поступившій въ составъ польской державы, сталъ управляться старостами, какъ коронная маетность. Въ слѣдующемъ 1713 году обыватели кіевскаго воеводства, съѣхавшись на сеймикъ въ Житомирѣ (то былъ главный городъ воеводства послѣ перехода Кіева въ царскую державу), постановили содержать въ бѣло-церковскомъ замкѣ немногочисленный, но постоянный гарнизонъ. Бѣло-церковскія укрѣпленія были реставрированы Свидзинскимъ, региментаремъ (командиромъ) украинской партіи польскаго войска.

Во весь періодъ отъ 1648 года до возвращенія Бѣлой-Церкви подъ польскую державу существовали номинальные старосты, разумѣется, безвластные. По отдачѣ Бѣлой-Церкви старосты бѣло-церковскіе вступаютъ въ прежнія права. Старостами были въ этотъ періодъ: Станиславъ Яблоновскій, воевода русскій († 1731), Станиславъ-Винцентій Яблоновскій, воевода равскій († 1754), Юрій-Вандалинъ Мнишекъ, крайчій коронный. Такъ какъ старосты были знатные вельможи, то фактически управляли бѣло-церковскимъ староствомъ ихъ намѣстники, носившіе поэтому титулъ подстаростъ. Бѣло-церковскими подстаростами были: Шумскій († 1719), Хмелевскій († 1729), Журавскій († 1737), Боровскій († 1750), Козмянъ († 1765), Шимонъ Рыльскій († 1775 г.).

Намъ осталось описаніе Бѣлой-Церкви отъ 1765 года въ польскихъ рукописяхъ импер. публичной библіотеки, извѣстное, какъ видно, составителю польскаго географическаго словаря, издаваемаго въ наше время и еще неоконченнаго.

Крѣпость опоясывалась высокимъ земляннымъ валомъ съ четырьмя выступами, называемыми ронделями; по валу шелъ частоколъ, мѣстами въ два, а мѣстами въ три ряда; въ крѣпость вело трое воротъ: одни съ плягментомъ (шлагбаумомъ), другіе со взво-

домъ (ze zwodem), третьи—потайныя въ валу, закрытыя и какъ бы подземныя. Съ трехъ сторонъ около вала на наружной сторонѣ прорытъ былъ ровъ и чрезъ него мостъ, въ то время испорченный, съ четвертой стороны текла рѣка. Внутри крѣпости былъ комендантскій домъ, помѣщеніе для офицеровъ, казарма для солдатъ: строенія эти находились въ полуразрушенномъ состояніи, съ проломанными крышами, въ которыхъ проломы были прикрыты соломою, часовня, цейкгаузъ въ землѣ. Пушекъ на ронделяхъ находилось числомъ 24, а желѣзныхъ мортиръ 2, но лафеты и колеса подъ ними подгнили. Потайной ходъ, шедшій подъ валъ, требовалъ исправленія, колодезь завалился, валъ мѣстами осыпался и въ частоколѣ было не мало подгнилыхъ кольевъ. Комендантъ Карбовскій добивался, чтобы отпущена была сумма на исправленіе этой крѣпости, которая все еще могла служить оплотомъ порубежному краю, особенно отъ украинскихъ гайдамаковъ, которые въ 1750 году пытались было овладѣть этою крѣпостью, а впослѣдствіи въ 1768 году повторили свое покушеніе, но оба раза безуспѣшно, впрочемъ болѣе по причинѣ собственной неподготовки къ такому предпріятію, чѣмъ по причинѣ силы самого укрѣпленія.

По люстраціи того же 1765 года обокъ крѣпости Рѣчи Посполитой значится замокъ старостинскій (nie daleko fortecy); въ немъ были ворота дубовыя со стрѣльницами. Огороженъ былъ онъ частоколомъ; внутри—казарма для надворной пѣхоты и двѣ коморки для арештантовъ, цейкгаузъ крытый дерномъ, деревянный домъ для старосты съ конюшнею, экипажнымъ сараемъ, магазиномъ и помѣщеніемъ для писаря, который велъ дѣла о поступленіи доходовъ.

„Місто“ было опоясано валомъ съ частоколомъ по верху вала; въ него вело двое воротъ, въ которыхъ держали караулъ солдаты надворной команды. Въ „містѣ“ находилось каменное помѣщеніе для іезуитской миссіи, при немъ деревянный костёлъ. Святыни римскокатолическаго вѣроисповѣданія стали воздвигаться въ Бѣлой-Церкви послѣ отдачи ее изъ-подъ русскаго владѣнія въ польское. Іезуитская миссія основалась тамъ въ 1753 году стараніемъ старосты Яблоновскаго. Черезъ три года, въ 1746 году, она уже пріобрѣла славу. Ученые братья Залусскіе, которые оба были епископами, покровительствовали бѣло-церковскимъ іезуитамъ, а одинъ изъ братьевъ—Іосифъ такъ любилъ іезуитовъ, что и по уничтоже-

ніи ихъ ордена домогался, чтобы имъ дозволено было оставаться въ Бѣлой-Церкви хоть бы и простыми свѣтскими людьми. Уніатскихъ церквей, по изслѣдованію Похилевича (Сказаніе о населенн. мѣстностяхъ кіевск. губ. стр. 500) было въ Бѣлой-Церкви въ XVIII столѣтіи семь, число прихожанъ при каждой было не велико. Эти церкви были деревянныя: троицкая (70 домовъ, исповѣдниковъ 300), покровская (50 домовъ, исповѣдниковъ 140), преображенская (35 домовъ, исповѣдниковъ 125), Богородичная (дом. 40, исповѣдниковъ 160), успенская (домовъ 60, изъ нихъ половина въ деревняхъ, исповѣдниковъ 450), петропавловская (дом. 30, изъ нихъ треть въ деревнѣ, исповѣдниковъ 150) и каменная никольская, построенная при Мазепѣ въ 1706 году полковникомъ Мокіевскимъ, а по преданію ранѣе Паліемъ (домовъ 20, исповѣдниковъ 100). По люстраціи 1765 года въ Бѣлой-Церкви въ „містѣ“ значилось хатъ (chałup) 475, кромѣ ихъ 38 хатъ, гдѣ помѣщались солдаты крѣпости и старостинской надворной команды, 283 хаты іудеевъ, осѣдлыхъ въ Бѣлой-Церкви. За исключеніемъ хатъ солдатскихъ, съ которыхъ не бралось никакихъ поборовъ, Бѣлая-Церковь, какъ староство, доставляла ежегоднаго дохода злотыхъ 266,166 и грошей 12. Изъ этой суммы платилось жалованья губернатору злотыхъ 1100, на содержаніе писаря и намѣстниковъ: лѣсничаго и ставничаго 2426 злотыхъ. За мостомъ были принадлежавшія староству три мельницы и кромѣ нихъ еще другія двѣ на прудахъ (na stawach). Къ жителямъ бѣло-церковскимъ причислялись еще городовые козаки, которыхъ было 156; они отправляли службу въ обозахъ украинской партіи польскаго войска.

Въ 1774 году Бѣлую-Церковь постигла важная перемѣна. Сеймъ отдалъ ее во владѣніе королю Станиславу Понятовскому, а тотъ подарилъ ее въ вѣчное владѣніе коронному гетману Браницкому со всѣмъ краемъ, принадлежавшимъ къ бѣло-церковскому старосту. Въ привиллегіи, по которой получилъ ее Браницкій, значатся 134 села и два города: Бѣлая-Церковь и Ставище. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени она остается собственностію фамиліи Браницкихъ.

На мѣстѣ, гдѣ былъ замокъ, на существованіе котораго указываютъ слѣды полуосыпавшагося вала, стоитъ теперь красиво-построенный

вославныхъ церквей въ Бѣлой-Церкви двѣ, обѣ каменныя. Одна преображенская, другая магдалининская: обѣ построены супругою Браницкаго, племянницею славнаго Потемкина, Александрою Васильевною, урожденною Энгельгардтъ, умершею въ глубокой старости въ 1838 году. Ея прахъ покоится въ первой церкви подъ великолѣпнымъ мраморнымъ памятникомъ. Въ первой церкви достопочтенный священникъ о. Ѳедоръ Ганькевичъ показывалъ намъ икону, которою благословила при выходѣ въ замужество графиню Александру Васильевну императрица Екатерина II. Въ той же церкви хранится часть животворящаго крестнаго древа, которую подарилъ іерусалимскій патріархъ Потемкину, а тотъ передалъ своей племянницѣ. Въ углу ея обширной ограды остатки церкви Паліевой,—одинъ изъ ея придѣловъ, очень малый, спасенный отъ разрушенія въ 50-хъ годахъ священствовавшимъ тогда здѣсь о. протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ. Онъ имѣетъ видъ отдѣльной церкви; въ немъ есть замѣчательная икона, на которой повѣшено оригинальное золотое украшеніе, осыпанное камнями, чрезвычайно изящной работы. Говорятъ, что это было ожерелье Домны Розанды, молдавской княжны, дочери господаря Василія Лупула, жены сына Богдана Хмельницкаго Тимоѳея, знаменитой трагическою судьбою и своей семьи, и своего супруга, и собственною своею. Говорятъ, эта вещь какъ-то досталась Палію, а послѣ его паденія была отдана въ церковь. Мы слышали это отъ того-же о. Ѳедора, гостепріимно насъ пріютившаго и показывавшаго намъ достопримѣчательности Бѣлой-Церкви. Онъ руководствовался преданіемъ, переходившимъ издавна изъ устъ въ уста. Конечно, какъ преданіе, оно не можетъ имѣть за собою ничѣмъ неопровержимой достовѣрности, но вѣдь, чтобы и опровергнуть его, едва-ли найдутся доказательства.

Посѣщая Бѣлую-Церковь, нельзя было не повидать Александріи, сада гр. Браницкихъ, пріобрѣвшаго славу во всемъ южно-русскомъ краѣ. Это паркъ, очень обширный, прилегающій къ извилистой Роси; онъ расположенъ верстахъ въ двухъ отъ мѣстечка. Въ немъ съ перваго раза бросается въ глаза то, что если вы спросите: гдѣ же домъ или палацъ Браницкихъ—вамъ укажутъ на рядъ небольшихъ двухъ-этажныхъ домовъ, однообразной, хотя не лишенной изящества архитектуры, стоящихъ одинъ не подалеку отъ другого пря-

мою линіею въ срединѣ сада или парка. Вамъ укажутъ какъ на достопримѣчательность, что въ такомъ-то или другомъ домѣ помѣщалась та или иная высокая особа августѣйшаго дома, посѣщавшая когда-нибудь имѣніе Браницкихъ. Въ разныхъ мѣстахъ парка можно встрѣтить деревья, при которыхъ находится досточка съ надписью, что дерево это было посажено такого-то дня и года такою-то высокою особою. О паркѣ можно сказать мало, кромѣ того, что этотъ паркъ хоронъ, красивъ, какъ подобаетъ быть парку, созданному богатыми аристократами. Встрѣчаете цвѣточныя клумбы, бесѣдки, статуи; изъ послѣднихъ достоинъ замѣчанія мраморный бюстъ Потемкина-Таврическаго изящной работы, къ сожалѣнію, значительно попорченный. Но что особенно понравилось собственно мнѣ въ этомъ паркѣ—это превосходныя деревья, красиво растущія, тѣнистыя; вездѣ какъ будто нескончаемая весна, все свѣжо, молодо!... Хотя время, когда мы посѣщали этотъ паркъ, было половина августа, но, вступивши въ этотъ паркъ, чувствуется какъ будто еще—май. Это въ значительной степени слѣдуетъ приписать заботливому и просвѣщенному уходу за деревьями опытныхъ и знающихъ свое дѣло садовниковъ, но еще болѣе—прекрасной украинской природѣ, производящей такія натуральныя рощи, которыя легко поддаются человѣческому старанію приложить къ нимъ искусство и науку. Паркъ въ Александріи заложенъ былъ тою же графинею Александрою Висильевною Браницкою, которая построила въ мѣстечкѣ каменную церковь, гдѣ почиваетъ прахъ ея. Первымъ садовникомъ у ней былъ французъ Мюффо и ему-то принадлежитъ планъ и первоначальное устройство парка. Въ память имени основательницы паркъ и называется Александріею.

Н. Костомаровъ.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(в ъ и з в л е ч е н і и).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Мая 7. Польный гетманъ, рѣшился наконецъ двинуться изъ лагеря подъ Каменцемъ для соединенія съ главными силами. Выступивъ въ походъ, онъ остановился въ двухъ миляхъ у села Жердь. Сюда явился въ лагерь панъ Шумлянскій съ небольшимъ отрядомъ отборной конницы, отправленный королемъ, до котораго дошелъ ложный слухъ о томъ, будто войско польнаго гетмана осаждено врагами; онъ сообщилъ приказъ — немедленно идти въ королевскій лагерь. Между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ уже свои силы на урочищѣ Гончарихѣ [1]) и, сознавая, насколько выгодно было-бы для него, еслибы удалось не допустить польнаго гетмана соединиться съ королемъ, отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы и нѣсколько тысячъ орды, съ приказаніемъ стараться захватить у польскаго войска лошади и такимъ образомъ остановить оное на мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальнымъ войскомъ, съ которымъ онъ немедленно и двинулся вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

Такъ какъ онъ опасался движенія литовскаго войска, которое собиралось также выступить изъ своихъ предѣловъ и могло за-

---

*) См. январь, 126—151 стр. и февраль, 366—386 стр. „К. Ст.“

[1]) Гончарихою называется обширная открытая мѣстность, лежащая на большой плоской возвышенности, раздѣляющей бассейны Случи и Южнаго Буга, на границѣ нынѣшнихъ губерній: подольской и волынской, между Межибожемъ и Старымъ-Константиновымъ.

нять области, лежавшія за Днѣпромъ, остававшіяся безъ охраны, и такимъ образомъ появиться въ тылу его войска, то, для обезпеченія себя и для охраненія заднѣпровской страны, онъ отправилъ три полка: полтавскій, черниговскій и переяславскій, составлявшіе отрядъ въ 20,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Небабы, опытнаго и хорошаго воина, которому поручилъ не допускать литовскаго войска переправиться черезъ Днѣпръ и зорко слѣдить за его движеніями.

Между тѣмъ полки, отправленные къ Каменцу, исполняя ревностно порученіе Хмельницкаго, двинулись съ такою поспѣшностью, что въ теченіи одного дня, пробѣжавъ 12 миль, изъ подъ Межибожья явились подъ Каменцемъ, но войска здѣсь уже не застали; они частью въ плѣнъ захватили, частью перебили шляхтичей, безпечно остававшихся въ той мѣстности, и немедленно двинулись въ погоню за войскомъ, получивъ новый, настоятельный приказъ отъ Хмельницкаго, чтобы захватить отступавшихъ на любой переправѣ и истребить ихъ или, по меньшей мѣрѣ, задержать. Самъ Хмельницкій со всѣми своими силами поспѣшно слѣдовалъ за ними.

Мая 9. Когда наше войско переправлялось у мѣстечка Пробужной [1]), непріятельскій разъѣздъ напалъ на нашъ аріергардъ; все войско немедленно выстроилось въ боевой порядокъ, развернувшись на пространной равнинѣ, и въ полной готовности ожидало боя, но дѣло кончилось стычками герцовниковъ; нѣсколько человѣкъ съ нашей и съ ихъ стороны было ранено выстрѣлами, одного изъ козаковъ поймали наши живьемъ, другихъ не могли настигнуть, потому что лошади ихъ были отличны. Наканунѣ одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ доставилъ гетману нѣсколько человѣкъ татаръ. Въ тотъ-же день, видя, что непріятельское войско не наступаетъ, наши двинулись дальше къ Копычинцамъ [2]).

Мая 10. Войско наше, совершая весьма трудную переправу черезъ рѣку Серетъ у Янова [3]), постоянно ожидало появленія враговъ. Дѣйствительно они имѣли намѣреніе напасть на нашихъ, но этого не случилось, потому что полковники ихъ были отуманены водкою, какъ о томъ впослѣдствіи показали плѣнные.

---

[1]) Пробужная—мѣстечко въ чортковскомъ округѣ Галиціи, на небольшой рѣчкѣ, впадающей въ р. Сиклаву.

[2]) Копычинцы—мѣстечко въ томъ-же округѣ, на рѣкѣ Сиклавѣ.

[3]) Янов—мѣстечко въ тарнопольскомъ округѣ Галиціи, на р. Серетѣ.

12 мая. Не менѣе трудную переправу встрѣтило войско наше у Купчинецъ [1]). Когда все войско уже переправилось и гетманъ наблюдалъ за переходомъ обоза, оставивъ на томъ берегу для прикрытія лишь одинъ полкъ пана обознаго короннаго, татаре и козаки напали на него внезапно, такъ что оно едва успѣло построиться; отбиваясь, наши стали отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту, которой нѣсколько десятковъ, въ томъ числѣ и начальникъ Бутлеръ, погибли по причинѣ своей нераспорядительности, ибо, слабо отстрѣливаясь, они сейчасъ-же стали отступать, конница-же не могла имъ подать помощи, по причинѣ весьма вязкой плотины. Воодушевившись этимъ успѣхомъ, непріятель сталъ отважно переправляться,—орда и козаки развернулись въ тылу нашего войска и стали налегать безпрепятственно на нашъ аріергардъ и на обозъ. Гетманъ приказалъ не вступать съ ними въ сраженіе, пока они не будутъ замануты подальше отъ переправы и лѣса, а тѣмъ временемъ ихъ забавляли герцовниками. Вскорѣ однако, когда они стали налегать густою массою, нѣкоторыя хоругви, вопреки запрету гетмана, бросились на нихъ въ стремительную атаку, другія-же отрѣзали ихъ отъ лѣса; они были прижаты къ пруду, гдѣ наши много ихъ убили и потопили. Нѣсколькихъ татаръ и козаковъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ Нетычай-мурзу, изъ знатной фамиліи мурзовъ даерскихъ, и каневскаго сотника Шабельниченка [2]), который занималъ прежде должность полковника. Согнавши ихъ такимъ образомъ съ поля, войско наше простояло всю ночь въ строю подъ весьма сильнымъ, холоднымъ дождемъ, не подвергаясь новому нападенію.

Того-же дня пріѣхалъ на-легкѣ панъ подканцлеръ коронный (Іеронимъ Радзеевскій) съ посланіемъ отъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана, Николая Потоцкаго), который между тѣмъ передвинулъ свое войско изъ подъ Владиміра къ Сокалю [3]), гдѣ и расположился лагеремъ, въ сторонѣ отъ города, на берегу рѣки. Подканцлеръ, вѣроятно, посланъ былъ королемъ съ порученіемъ подготовить заблаговременно примиреніе гетмановъ—ве-

---

[1]) Купчинцы—село въ бережанскомъ округѣ Галиціи на р. Стрипѣ.

[2]) Богданъ Шебельниченко, бывшій въ 1649 году асаудомъ каневской сотни; вѣроятно во время одного изъ военныхъ походовъ онъ занималъ должность наказного, т. е. исправляющаго должность полковника.

[3]) Сокаль—городъ въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на р. Западномъ Бугѣ. Поморяны и Зборовъ—мѣстечка въ томъ-же округѣ.

ликаго и польнаго, успокоить ихъ пререканія и раздоры и склонить ихъ къ единодушію, безъ котораго не мыслимо хорошее управленіе войскомъ; порученіе это онъ исполнилъ уже раньше по отношенію къ великому гетману.

13 мая наши переправились въ Поморяны; непріятели показывались на пути маленькими отрядами въ 10—20 человѣкъ конницы, но не осмѣливались атаковать. Получивъ точныя свѣдѣнія о томъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, желая перерѣзать путь къ Сокалю, наши сожгли въ Поморянахъ всѣ возы, которыхъ оставалось по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ бросили въ замкѣ поморянскомъ и поспѣшили соединиться съ королемъ, проходя по двѣ и по три мили ежедневно. Враги ожидали ихъ на пути у Зборова, но они бросились въ другую сторону и, по милости Божіей, избѣжавъ этой засады съ посрамленіемъ враговъ, невредимо достигли королевскаго лагеря.

Того-же дня и мы съ паномъ конюшимъ короннымъ (Александромъ Любомирскимъ), собравшись какъ можно приличнѣе, отправились въ лагерь изъ Кульбушевой.

17 мая мы ночевали въ Ланцутѣ у маршала великаго коронаго (Юрія Любомирскаго), который также собрался отправиться въ лагерь.

Того-же дня король прибылъ въ лагерь у Сокаля, куда передвинулъ войско кастелянъ краковскій изъ Владиміра, какъ о томъ было выше сказано, желая воспользоваться болѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ, защищеннымъ и рѣкою Бугомъ, и городскими укрѣпленіями. Король приказалъ немедленно возводить валы и укрѣпленія вокругъ лагеря, для большей безопасности войска, въ случаѣ еслибы непріятель аттаковалъ насъ раньше, чѣмъ соберутся всѣ ожидаемые отряды. Опасаясь, чтобы отрядъ, отступавшій отъ Каменца, не подвергся на пути большой опасности отъ преслѣдующаго его непріятеля, король отправилъ на встрѣчу ему коронаго хоружія, Александра Конецпольскаго, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Послѣдній впрочемъ, получивъ извѣстіе отъ отступавшихъ, что они находятся уже внѣ всякой опасности, остановился на пути, не желая напрасно утомлять своихъ солдатъ; онъ отправилъ только разъѣздъ подъ начальствомъ Забускаго для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, такъ какъ получено было точное извѣстіе, что онъ занялъ уже Тарнополь.

18 мая, т. е. въ день Вознесенія Господня, Забускій въ полумили отъ Тарнополя наткнулся на разъѣздъ, состоявшій изъ 27 старинныхъ козаковъ, которые очень стойко отбивались и храбро и продолжительно защищались; наконецъ онъ разгромилъ ихъ и 9 человѣкъ захватилъ въ плѣнъ. Всѣ они единогласно утверждали, что замыселъ Хмельницкаго состоитъ въ томъ, чтобы всею массою ударить на королевскія силы и, какъ можно скорѣе, съ ними раздѣлаться.

19 мая всѣ мы: ихъ милости, панъ маршалъ и панъ конюшій коронные собрались вмѣстѣ въ путь изъ Ланцута, обѣдали въ Преворскѣ и ночевали въ Ярославѣ.

20 мая мы ночевали въ Любачевѣ, гдѣ промѣшкали и слѣдующій день.

22 мая панъ маршалъ выѣхалъ впередъ и ночевалъ въ Потыличѣ, мы-же, по причинѣ различныхъ дѣлъ, тронулись только вечеромъ. Этого-же дня польный гетманъ съ своимъ войскомъ, трудившимся въ теченіи всей зимы, прибылъ въ Сокаль. Король произвелъ ему общій смотръ, а потомъ всѣ полки и хоругви, каждая порознь, по обычаю, представлялись королю, передъ его палаткою. Войско это прежде достигало числа 12,000, теперь-же оно не превышаетъ 6,000; оно очень утомлено: люди измучены продолжительными трудами и лошади изморены. Хоругви какъ польскія, такъ и иностранныя очень малочисленны; многіе товарищи и большая часть челяди потеряли лошадей и явились пѣшкомъ.

23 мая. Мы соединились опять съ паномъ маршаломъ и совмѣстно ночевали въ городѣ Равѣ.

24 мая мы ночевали въ селѣ Тушковѣ вблизи Белза.

25 мая ночевали въ селѣ Боратынѣ, въ одной только мили отъ Сокаля. Отсюда я послѣ обѣда отправился въ лагерь для того, чтобы переговорить съ панами обозными объ опредѣленіи мѣста стоянки для пана конюшаго и его отряда, и того-же дня на ночь возвратился въ Боратынъ. Въ эту ночь въ лагерѣ замѣчены были различныя видѣнія: ротмистръ канцлерской хоругви, находясь на часахъ съ пѣхотинцами, видѣлъ съ одной стороны въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ между двумя ангелами, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой мечь надъ головою короля. Съ другой стороны венгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, очень красивый, въ срединѣ котораго они прочли латинскую надпись: „Imperator mundi“, изобра-

женную большими золотыми буквами. Они подтвердили присягою, что дѣйствительно читали эту надпись.

26 мая передъ выѣздомъ въ лагерь мы слушали мессу въ сокальскомъ костелѣ. Сюда на встрѣчу намъ выѣхали многіе полковники, сенаторы, паны и офицеры, а также болѣе 1000 товарищей изъ различныхъ хоругвей, которые привѣтствовали ихъ милостей Любомирскихъ и съ большою торжественностію провожали ихъ до королевской палатки. Ихъ милости и всѣ мы привѣтствовали короля, а потомъ ему представлялись отряды войска пана конюшаго, т. е. двѣ хоругви драгунъ и четыре хоругви отличной польской пѣхоты. Король весьма милостиво принялъ это войско.

27 мая король производилъ общій смотръ всего состоящаго на жалованьѣ войска какъ старой, такъ и новой вербовки. Чтобы избѣжать безпорядка отъ смѣшенія конницы и пѣхоты, а также потому, что трудно осмотрѣть все войско въ одинъ день, его раздѣлили на три части: польскую конницу, конницу и пѣхоту иностранную и польскую пѣхоту. По установленіи этого дѣленія, въ первый день произведенъ былъ смотръ польской конницы. Но опасаясь, чтобы непріятель не произвелъ нападенія во время смотра, приняли слѣдующія мѣры: на валахъ, которыми весьма тщательно и сильно укрѣпленъ былъ лагерь со всѣхъ сторонъ, расположена была вся пѣхота какъ польская, такъ и иностранная; въ полѣ, со стороны враговъ, поставлена была иностранная конница, числомъ 2000, также отрядъ пана Сапѣги, подканцлера литовскаго, и надворная королевская гусарская хоругвь, въ составъ которой входило до 400 человѣкъ пановъ и разныхъ урядниковъ.—Обезопасивъ такимъ образомъ лагерь отъ непріятельскаго нападенія, всю польскую конницу вывели изъ лагеря чрезъ мостъ на другую сторону Буга: она построилась въ полѣ и король долго ее осматривалъ, объѣзжая всѣ полки и хоругви. Затѣмъ онъ сталъ у моста въ сопровожденіи военачальниковъ и множества другихъ лицъ, а полки и хоругви, каждая порознь, возвращаясь въ лагерь по мосту, дефилировали передъ нимъ. При этомъ писарь польный коронный, Сигизмундъ Пржыемскій, записывалъ каждую хоругвь и получалъ отъ ея ротмистра или поручика регистръ входившихъ въ ея составъ солдатъ. Всѣ мы пересчитывали при этомъ количество людей и лошадей въ каждой хоругви, по мѣрѣ того, какъ она проходила

по мосту. Полки и хоругви слѣдовали другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Полкъ кастеляна краковскаго (великаго гетмана Николая Потоцкаго),—4 хоругви гусарскія: самаго гетмана, маркграфа Владислава Мышковскаго, воеводы сандомирскаго, Марка Собѣскаго, старосты красноставскаго, и Юрія Любомирскаго, маршала великаго короннаго; 17 хоругвей козацкихъ: Владислава Лещинскаго, подкоморія познанскаго, Адама Киселя, воеводы кіевскаго, Казановскаго, старосты галицкаго, Юрія Оссолинскаго, старосты любельскаго, князя Чарторыйскаго, старосты кременецкаго, Марка Собѣскаго, старосты красноставскаго, Яна Собѣскаго (будущаго короля), старосты яворовскаго, Андрея Потоцкаго, Яна Даниловича, старосты ольштинскаго, стражника войсковаго Ясскульскаго, Ѳомы Улинскаго, Станиславскаго, хоружнаго галицкаго, Чурила, Стефана Нѣмцевича, Стрыйковскаго и 2 гетманскія надворныя, подъ начальствомъ ротмистровъ: Чаплинскаго и Горневскаго; 3 хоругви аркебузьеровъ: Груздинскаго, кастеляна вабѣльскаго, Колодзинскаго и Станислава Метельскаго.

Полкъ воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго),—4 хоругви гусарскія: самого Калиновскаго, Александра Любомирскаго, конюшія коронnаго, Самуила Калиновскаго, обознаго коронnаго и Сигизмунда Денгофа, старосты быдгосскаго; 13 хоругвей козацкихъ: двѣ гетмана Калиновскаго, одна Самуила Калиновскаго, Цетнера, хоружія подольскаго, Улинскаго, двѣ Аксака, Загорскаго, Криштофа Корицкаго, Горскаго, Бенедикта Уйейскаго, Самуила Линевскаго и Пясечинскаго.

Полкъ Симона Щавинскаго, воеводы брестскаго, одна его-же хоругвь гусарская и 9 хоругвей козацкихъ: 2 самаго Щавинскаго, Закржевскаго, Петроконскаго, Черніевскаго, Могильницкаго, Рокитницкаго, Сливинскаго и Феодора Белзецкаго.

Полкъ князя Еремія Вишневецкаго, воеводы русскаго: 3 хоругви гусарскія: князя Еремія, князя Димитрія Вишневецкаго и Яна Барановскаго, стольника брацлавскаго; 6 хоругвей козацкихъ: князя Еремія, 2 князя Димитрія, князя Константина Вишневецкаго, Косаковскаго, подсудка брацлавскаго и Яна Сокола.

Полкъ Станислава Потоцкаго, воеводы подольскаго: 2 хоругви гусарскія: самаго воеводы и Одржывольскаго, кастеляна черниговскаго; 11 хоругвей козацкихъ: 3 воеводы подольскаго, Потоцкаго, старосты галицкаго, Крыштофа Тышкевича, старосты

житомирскаго, Павла Потоцкаго, Карла Потоцкаго, Андрея Рѣчицкаго, Жабецкаго, Вельогорскаго и Хлѣбовскаго.

Полкъ Станислава Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго: 2 хоругви гусарскія: Лянцкоронскаго и Тобіи Минора; 7 хоругвей козацкихъ: Лянцкоронскаго, Северина Пясечинскаго, подкоморія новогродскаго, Владислава Нѣмцевича, старосты овруцкаго, Сигизмунда Лянцкоронскаго, Яна Минора, Сѣменскаго и Бутлера; одна хоругвь рейтарская Тобіи Минора.

Полкъ князя Корецкаго: одна хоругвь гусарская кн. Корецкаго, 2 хоругви аркебузъеровъ Пигловскаго; 8 хоругвей козацкихъ: Казимира Мазовецкаго, старосты теребовельскаго, Казимира Пясечинскаго, старосты новогродскаго, Ермолая Гордона, Стефана Дембинскаго, Александра Бржуханскаго, Андрея Гноинскаго и Яна Бѣльскаго.

Полкъ Павла Сапѣги, воеводы витебскаго: гусарская хоругвь самаго воеводы и 4 козацкихъ: Яна Сапѣги, Крыштофа Сапѣги, Ѳомы Сапѣги, обознаго литовскаго, и Сапѣги, старосты криницкаго.

Полкъ Александра Конецпольскаго, хорунжія коронnаго: его-же гусарская хоругвь и 11 хоругвей козацкихъ: Николая Зацвилиховскаго, Северина Калинскаго, Проскуры, Стрыжовскаго, Стрыбеля, Чоповскаго, Ѳомы Стржалковскаго, Чаплицкаго, Грушецкаго, Войны и Дзѣдушицкаго.

28 мая вошла въ лагерь сотня хорошихъ рейтаръ подскарбія великаго коронnаго, Богуслава Лещинскаго.

30 мая. Въ лагерѣ произошло большое замѣшательство, причиною котораго была драка, случившаяся въ полѣ между слугами, поспорившими за украденнаго вола. Вскорѣ смятеніе это улеглось, но вечеромъ возникла еще большая тревога, вслѣдствіе неизвѣстно кѣмъ распространенной вѣсти, будто непріятель приближается и находится уже у Стоянова. Извѣстіе это было совершенно ложно, но неудивительно, что оно встревожило всѣхъ: у насъ скупились на расходы для посылки лазутчиковъ, полагаясь исключительно на захваченныхъ языковъ, поимкою которыхъ безпрестанно утомляли войско, они-же никогда не показывали правды.

31 мая. Ночью съ середы на четвергъ хоругвь воеводы подольскаго, Станислава Потоцкаго, находясь въ полѣ на часахъ, имѣла видѣніе: имъ предстала на воздухѣ женщина, осѣнившая плащемъ своимъ нашъ лагерь. Полагая, что видятъ Богородицу, они немедленно преклонили колѣна и весьма набожно пропѣли

лоретанскій акаѳистъ. Видѣніе это мы приняли, какъ знакъ высшаго покровительства нашему войску и предзнаменованіе будущей побѣды. И не удивительно; ибо въ нашемъ лагерѣ набожность была весьма усердная; баракъ у королевской палатки, въ которомъ помѣщалась походная церковь и гдѣ на алтарѣ стояла чудотворная икона Богородицы, былъ постоянно, днемъ и ночью, полонъ товарищей, солдатъ и другихъ лицъ, предававшихся молитвамъ съ большимъ благочестіемъ.

1 іюня. Вступилъ въ лагерь князь Еремія Вишневецкій, воевода русскій, съ многочисленнымъ новымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: три хоругви козацкія, одну татарскую, одну волошскую, эскадронъ драгунъ и прибавочную хоругвь князя Дмитрія Вишневецкаго. Нѣсколько сотъ однихъ товарищей и много пановъ вышли на встрѣчу этому отряду и провожали его до королевской палатки; обозъ и пѣхоту князь еще раньше прислалъ въ лагерь.

2 іюня. Ротмистры Мыслишовскій и Янджулъ привели десять добрыхъ реестровыхъ козаковъ полтавскаго Пушкаренковаго полка, Мишановой сотни, которыхъ они захватили въ среду у Почаева; козаки эти вышли въ минувшее воскресеніе изъ своего лагеря, находившагося тогда у Тарнополя, для собранія борошна, т. е. провіанта. На допросѣ они сказали, что въ минувшую субботу къ нимъ пришло нѣсколько тысячъ бѣлгородской орды, вслѣдъ за которою въ 12 миляхъ находился будто самъ ханъ. Все это была чистая ложь. Затѣмъ они сказали, что въ Литву отправился старшій сынъ Хмельницкаго съ отрядомъ до 20,000 козаковъ, начальство надъ которыми поручено было Джеджалому и другимъ полковникамъ, и что послѣ сего, получивъ письмо отъ сына съ требованіемъ подкрѣпленій, Хмельницкій отправилъ туда тотчасъ Крысу, который долженъ былъ еще по селамъ созывать охотниковъ. Наконецъ, они сказали, что козацкое войско очень многочисленно, но состоитъ преимущественно изъ конницы; пѣхоты весьма мало, и кто является пѣшій, того отсылаютъ обратно домой. Это показаніе подало нашимъ поводъ къ продолжительнымъ преніямъ и къ различныхъ предположеніямъ: одни утверждали, что наборъ исключительно конницы свидѣтельствуетъ о томъ, что козаки думаютъ лишь объ удобномъ бѣгствѣ въ случаѣ, если на нихъ серьезно ударятъ; другіе, зная о томъ, что Хмельницкій состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ракоціемъ, собирающимъ войска для нападенія на наше государство, и что они часто обмѣниваются посольствами, предполагали, что Хмельницкій

намѣренъ заманить короля и все наше войско на ту сторону лѣсовъ, рѣкъ и неудобныхъ переправъ, а потомъ, когда Рокачій двинется къ Кракову, онъ съ конницею и пѣхотою, захваченною на лошадей по татарскому обычаю, быстро пойдетъ къ Кракову на помощь ему, и пока наше войско, обремененное общими и другими тяжестями, будетъ медленно тянуться, они успѣютъ многое подчинить себѣ и овладѣютъ Краковомъ. Иные высказывали, смотря по личнымъ соображеніямъ, другія догадки, но все это были лишь пустые разговоры, основанные на сомнительныхъ показаніяхъ плѣнниковъ.

3 іюня. Произведенъ былъ за мостомъ смотръ второй части войска, т. е. иностранной конницы и пѣхоты,—такимъ-же образомъ, какъ и первой части. На валахъ разставлена была польская пѣхота, а въ полѣ, на всякій случай, польская конница. Счетъ произведенъ, какъ прежде, при обратномъ переходѣ войска въ лагерь черезъ мостъ. При этомъ оказались слѣдующіе регименты рейтаръ:

Региментъ князя Богуслава Радзивилла, конюшія короннаго; впереди его вели 4 верховыя лошади, за ними слѣдовали 6 трубачей и затѣмъ семь компаній рейтаръ, числомъ 587, подъ начальствомъ капитановъ: Бутлера, Тервтаузена, Рамбера, Бокама, Дембинскаго и маіора Пербанта. Затѣмъ 88 рейтаръ князя курфюрста бранденбургскаго и 87 рейтаръ Сигизмунда Денгофа, старосты быдгоскаго.

Региментъ полковника Майдля, сильно потерпѣвшій во время зимняго похода; въ немъ 4 компаніи (227 человѣкъ) подъ начальствомъ капитановъ Сакена, Остона и Меца; затѣмъ 191 рейтаръ Станислава Денгофа, старосты вѣлюнскаго, и 107 (капитанъ Шлихтингъ) Богуслава Лещинскаго, подскарбія короннаго.

Региментъ воеводы мальборкскаго Валера: 435 рейтаръ, въ пяти компаніяхъ, подъ начальствомъ капитановъ: Шафгоца, Фуля, Завадскаго, Жерница и полковника Героля.

Затѣмъ слѣдовали регименты иностранной пѣхоты:

Региментъ королевскій — 1259 человѣкъ, въ восьми компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Вольфа, подполковника Бутлера, маіора Гизы и капитановъ: Ратке, Циммермана, Кельбруэля, Валля 1-го и Валля 2-го.

Региментъ князя Богуслава Радзивилла—1152 человѣка, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ маіора Валля, капитановъ: Френтака, Гульдена, Штрауса, Госа, Берга, Лося и поручика

Берга младшаго. У этого регимента былъ также эскадронъ драгунъ ротмистра Фалькерсана.

Региментъ кастелляна навельскаго; его личная стража: 14 гайдуковъ съ мушкетами въ серебристой одеждѣ. Затѣмъ 801 человѣкъ въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Курдвановскаго, маіора Любовицкаго, капитановъ: Влостовскаго, Гульца, Пржыбыльскаго, Герберга, Бальцера и Мейера.

Региментъ королевича Карла—530 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ: полковника Крейца, маіора Крейца, капитановъ: Тоница, Геннера, Гильфельда и Олтаржевскаго.

Региментъ Гонвальда—704 человѣкъ, въ 8 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника Шенка, маіора Трембока, капитановъ: Саскаго, Костки, Саскаго 2-го, Остофа, Глюкспана и поручика Вѣленскаго.

Региментъ Яцка Розважевскаго—619 человѣкъ въ 6 компаніяхъ, подъ начальствомъ подполковника N и капитановъ: Фляума, Ляпки, Моравца, Шульца и Бояновскаго.

Эскадронъ Яна Конецпольскаго 165 человѣкъ, въ двухъ компаніяхъ; капитаны: Конецпольскій и Витау. Третій капитанъ съ компаніею оставленъ въ Бродахъ въ качествѣ гарнизона.

Затѣмъ слѣдовали регименты конныхъ драгунъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Региментъ короля—150 человѣкъ—полковникъ Молль.

Региментъ воеводы мальборкскаго—197 человѣкъ—маіоръ Мольтранъ. Этотъ региментъ сильно пострадалъ во время зимняго похода; 51 человѣкъ лишились лошадей и шли пѣшкомъ.

Региментъ Сигизмунда Пржыемскаго, писаря польнаго—291 человѣкъ; капитаны: Вольтъ и Глогбицъ. Онъ также пострадалъ отъ зимняго похода—17 человѣкъ шли пѣшкомъ.

Региментъ Генриха Денгофа, тоже пострадавшій—291 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣшкомъ 79; начальники: полковникъ Фликъ и капитанъ Копіусъ.

Региментъ Корфа, также пострадавшій—235 человѣкъ; капитаны: Перпезе, Яковъ Базель и Бутлеръ.

4 іюня вступилъ въ лагерь Константинъ Любомирскій, староста сандецкій, съ отрядомъ хорошихъ солдатъ, собранныхъ на его счетъ; съ нимъ было двѣ козацкія хоругви и 100 человѣкъ пѣхоты. На встрѣчу ему выѣхали также многіе товарищи. Тогоже дня пріѣхалъ татаринъ, подъ предлогомъ будто навѣстить Нетычай-мурзу, который сидѣлъ въ заперти въ отдѣльной постройкѣ

около королевской палатки, дѣйствительно-же это былъ лазутчикъ, пріѣхавшій высмотрѣть количество нашего войска, его состояніе и принятыя нами мѣры предосторожности; его постоянно не спускали изъ глазъ. Пришелъ также войтъ изъ Стоянова, заявившій, что онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста отъ козаковъ, и сообщилъ многое о тайныхъ намѣреніяхъ козаковъ; все это была ложь, но ему сразу повѣрили и наградили его. Между тѣмъ одинъ крещеный еврей изъ Бродъ прислалъ письмо съ предостереженіемъ, что войта этого, прежде чѣмъ онъ бѣжалъ отъ козаковъ, Хмельницкій призывалъ въ свою палатку и далъ ему наставленіе, какъ онъ долженъ поступать въ нашемъ лагерѣ. Письму этому не повѣрили, пока войтъ, высмотрѣвши въ лагерѣ все, что ему было поручено, не убѣжалъ, опасаясь, чтобы наконецъ его не разгадали. Тогда только, хотя слишкомъ поздно, повѣрили предостереженію еврея. Того-же дня при звукѣ трубъ отданъ былъ приказъ, чтобы все войско было готово къ походу.

5 іюня утромъ прибылъ Пясецкій съ двумя хоругвями: конною и пѣшею; послѣ полудня произведенъ смотръ польской пѣхотѣ, которой оказалось 34 хоругви.

7 іюня вступилъ въ лагерь Янъ Замойскій, староста калусскій, съ хорошимъ отрядомъ войска, нанятымъ на его счетъ. У него было 11 хоругвей: 4 пѣхоты, 1 рейтаръ, 1 гусаръ, 3 козацкихъ и 2 драгунъ. Того-же дня пришло 6 хоругвей иностранной пѣхоты, подъ начальствомъ Дюплесси.

8 іюня. Панъ Ончковскій возвратился изъ разъѣзда, съ отрядомъ въ 30 человѣкъ изъ полка пана хоружія коронаго. Во время разъѣзда онъ встрѣтилъ гдѣ-то у мельницы отрядъ въ 200 козаковъ, которые, увидѣвъ нашихъ, немедленно бѣжали; захватили мы только одного изъ нихъ, старинаго козака бѣлоцерковскаго полка—Григорія Ресьневецкаго. Въ минувшій вторникъ онъ вышелъ изъ табора и съ шестью товарищами находился въ упомянутой мельницѣ. На допросѣ онъ показалъ слѣдующее: козацкое войско значительно менѣе числомъ, чѣмъ было въ походѣ подъ Збаражъ, но оно имѣетъ болѣе лошадей и лучше вооружено; орда забрала у нихъ почти всѣ *домашнія* ихъ лошади; войско ихъ стоитъ на колодынскомъ полѣ [1]) въ одной съ поло-

---

[1]) Колодно—село въ кременецкомъ уѣздѣ, волынской губерніи, на австрійской границѣ, на дорогѣ изъ Тарнополя въ Вишневецъ. Стояновъ—мѣстечко въ злочевскомъ округѣ Галиціи, на русской границѣ.

вивою мили отъ Вишневца и въ одной мили отъ Збаража; онъ слышалъ отъ своего сотника, будто Хмельницкій собирается выступить съ частью войска въ Стояновъ, но самъ предполагаетъ, что движеніе это скорѣе можетъ направиться къ Дубну. Хана съ ордою они ожидаютъ уже въ теченіи четырехъ недѣль, такъ какъ Хмельницкій и полковники обѣщали его приходъ, но по нынѣ онъ еще не явился; козаки сильно скучаютъ и ропщутъ на то, что ханъ такъ долго не исполняетъ своего обѣщанія. Хмельницкій, опасаясь, чтобы хлопы, собравшіеся въ его лагерѣ, не соскучились отъ долгаго бездѣйствія и не разбѣжались по домамъ вслѣдствіе голода, который начинается чувствоваться въ лагерѣ, созвалъ раду сначала по полкамъ, а потомъ генеральную. На радѣ, желая еще болѣе раздражить чернь противъ насъ и возбудить ея энергію, онъ объявилъ козакамъ, будто король вошелъ въ соглашеніе съ султаномъ и уступилъ ему всѣ украинскія области: кіевскую, бѣлоцерковскую, чигиринскую, черкасскую и другія, что турки ограбятъ всѣ эти области и угонятъ все населеніе въ ясыръ. Чернь, повѣривъ вполнѣ этой выдумкѣ, хотя и совершенно ложной, сильно взволновалась; на радѣ стали кричать: „если король мирится съ султаномъ *на лихо намъ*, то пойдемъ сражаться съ *ляхами*“! Тогда Хмельницкій и полковники стали держать рѣчи: „теперь когда вступимъ въ сраженіе, говорили они, не полагайтесь исключительно на ваши заступы и на ямы, которые вы себѣ роете; теперь нужно будетъ крѣпко постоять, чтобы не потерять славы козацкой и душъ нашихъ не погубить, и т. п.“ Показалъ онъ также, что *борошна* (провіянта) у старшинъ хватаетъ еще на двѣ недѣли, но у черни его уже не достаетъ. На базарѣ въ ихъ лагерѣ съѣстнаго вовсе не продаютъ и можно купить лишь водку и табакъ. Пѣхота козацкая можетъ хорошо сражаться, но конница, или, какъ они говорятъ, *кальонникъ*[1]), очень слаба: одинъ хорошій *юнакъ* одолѣетъ десятокъ конныхъ козаковъ. Татаръ у Хмельницкаго не болѣе 10,000 и потому онъ не посылаетъ ихъ въ разъѣзды, чтобы наши не захватили татарскихъ языковъ.

9 іюня. Получая постоянныя, подтверждающія другъ друга извѣстія о движеніи непріятелей по направленію къ нашему лагерю,

---

[1]) Въ показаніяхъ Ресьпевецкаго всѣ слова и обороты, напечатанные курсивомъ, въ подлинникѣ Освѣцима написаны по русски.

король нашелъ, что у Сокаля мѣсто для будущей битвы не удобно, такъ какъ войску негдѣ было развернуться въ полѣ, потому онъ рѣшилъ перевести войско къ Берестечку, намѣреваясь, въ случаѣ надобности, двинуться и дальше на встрѣчу врагамъ и попробовать счастія въ битвѣ съ нимъ, раньше прихода хана съ татарскою ордою. Опасаясь однако, чтобы непріятель, о котораго движеніяхъ доходили лишь не точныя свѣдѣнія, не предупредилъ насъ и не занялъ переправы (чрезъ Стырь) у Берестечка, король отправилъ хоружія коронnаго (Александра Конецпольскаго) съ значительнымъ отрядомъ войска, поручивъ ему быстро двинуться въ Берестечко, овладѣть городомъ и переправою и удержать ихъ до прихода всего войска.

Въ это время получено было весьма забавное извѣстіе о Хмельницкомъ и о его женѣ: послѣдняя влюбилась въ какого-то часовщика, котораго мужъ ея оставилъ дома въ качествѣ дворецкаго; она вступила съ нимъ въ тѣсную связь и стала вредить мужу, въ чемъ только могла. Долго все это сохранялось въ тайнѣ, пока Хмельницкому не понадобилось прибѣгнуть къ своей денежной казнѣ, храненіе которой онъ поручилъ тому-же часовщику. Вынимая изъ своего хранилища деньги для уплаты татарамъ, онъ не досчитался одного боченка съ червонцами; сразу онъ подумалъ, что боченокъ этотъ могъ взять его сынъ, отправляясь въ походъ въ Литву; но на вопросъ объ этомъ, сынъ заявилъ ему въ письмѣ, что не только не бралъ боченка, но даже и не зналъ о его существованіи; тогда онъ приказалъ подвергнуть пыткѣ своего излюбленнаго казначея и такимъ образомъ вынудилъ у него признаніе не только въ покражѣ боченка, но и въ незаконной связи съ женою. Услышавъ это признаніе, Хмельницкій, не долго думая, перемѣнилъ страстную любовь къ женѣ на гнѣвъ, не столько за покражу золота, сколько за измѣну супружеской вѣрности, и приказалъ обоихъ виновныхъ, раздѣвъ до-нага, связать вмѣстѣ, sicut erant in actione adulterii, и въ такомъ видѣ повѣсить. Все сіе разсказывалъ намъ за ужиномъ самъ король, весьма потѣшаясь этимъ произшествіемъ.

10 іюня. Вступилъ въ лагерь коронный мечникъ, Михаилъ Зебржыдовскій съ прекраснымъ отрядомъ войска; онъ привелъ: хорошую хоругвь польской пѣхоты, хоругвь драгунъ, хоругвь козацкую и прекрасную хоругвь гусаръ. Затѣмъ чашникъ саноцкій, Козловскій, представилъ королю козацкую хоругвь и нѣсколько десятковъ драгунъ, собранныхъ имъ на собственный счетъ. Того-

же дня Андрей Фредро доставилъ хорошую козацкую хоругвь, также на свой счетъ набранную.

Въ это время среди той части войска, которая была давно навербована, начались смуты и безпорядки; войско это во время зимняго похода сильно пострадало отъ усиленной и безпрерывной дѣятельности (какъ это обнаружилось во время смотра); товарищи лишились коней какъ боевыхъ, такъ и ломовыхъ, потеряли челядь и боевые припасы; вслѣдствіе этого они заявили, что не имѣя средствъ для прокормленія и притомъ, лишившись всего, что необходимо исправному воину, они не будутъ въ состояніи тронуться въ походъ съ королемъ противъ непріятеля, если не получатъ значительной денежной суммы, на которую имъ нужно пріобрѣсти все необходимое для похода. Заявленіе это затормозило королевскіе планы и было весьма тягостно какъ для короля, такъ и для всей Рѣчи Посполитой, особенно потому, что случилось въ то именно время, когда рѣшено было двинуться на врага; сладить съ этимъ обстоятельствомъ было трудно, потому что не только не было готовыхъ денегъ для уплаты солдатамъ, но и не предвидѣлась возможность добыть ихъ. Король съ гетманами и сенаторами, находившимися въ лагерѣ, сталъ совѣтоваться о томъ, какія-бы придумать средства для того, чтобы успокоить солдатъ, очевидно сильно нуждавшихся въ поддержкѣ, и уговорить ихъ прекратить пререканія, хотя и справедливыя, и возвратиться къ должному повиновенію власти. Очевидно этого нельзя было достичь безъ денегъ, а послѣднихъ добыть было весьма трудно. Пришлось въ крайности прибѣгнуть къ тому средству, которое недавно Рѣчь Посполитая порицала, называя публично разбоемъ, когда нѣкоторыя лица, точно въ такихъ-же обстоятельствахъ, прибѣгли къ нему во Львовѣ послѣ бѣгства изъ-подъ Пилявы. Необходимость однако, какъ утверждали, заставила обратиться къ тому, что такъ недавно охуждалось. Средство это состояло въ слѣдующемъ: всѣ шляхтичи той мѣстности, полагаясь на укрѣпленія Сокаля, свезли въ этотъ городъ болѣе цѣнное свое имущество и помѣстили его на храненіе въ сокальскомъ монастырѣ, какъ въ мѣстѣ болѣе безопасномъ. Въ совѣтѣ королевскомъ рѣшено было: оповѣстивъ шляхтичей, пересмотрѣть ихъ имущество, а въ случаѣ, если бы они воспротивились, насильно вскрыть ихъ сундуки и хранящіяся въ нихъ деньги взять, въ качествѣ принудительнаго займа, выдавъ владѣльцамъ квитанціи въ обезпеченіе возврата взятыхъ денегъ, и такимъ образомъ удовлетворить сол-

дать. Средство это было ужасно и необычно и вызвало сильное волненіе среди дворянъ той мѣстности; лица высокопоставленныя, сенаторы, по опредѣленію короля и его совѣта, были отправлены для приведенія въ исполненіе столь гнуснаго дѣла, и должны были ломать чужіе сундуки. Это позорное дѣйствіе не принесло впрочемъ желанной пользы, вслѣдствіе-ли сопротивленія шляхтичей, или можетъ быть потому, что большихъ суммъ денежныхъ у нихъ не было. Оказалось необходимымъ обратиться къ другимъ источникамъ; но какъ ихъ не было подъ рукою, то пришлось прибѣгнуть къ подаянію. Стали собирать, будто милостыню, у сенаторовъ, пановъ, офицеровъ и вообще у всѣхъ болѣе зажиточныхъ лицъ. Каждый давалъ въ займы по возможности: нѣсколько тысячъ, нѣсколько сотъ или даже нѣсколько десятковъ злотыхъ, и такимъ образомъ старались сколотить нужную сумму. Но какъ никто не бралъ въ лагерь лишнихъ денегъ и запасался лишь количествомъ необходимымъ для своего содержанія, то собранная сумма оказалась далеко недостаточною; возможно было выдать на каждую хоругвь только по 1,000 злотыхъ. Долго солдаты не желали удовлетвориться столь малою платою, утверждая, что она окажетъ имъ слишкомъ мало помощи; но наконецъ, принявъ во вниманіе невозможность добыть болѣе денегъ и уступая настойчивымъ просьбамъ короля, они рѣшили оставить свое упорство, удовлетвориться пока и незначительною суммою и подождать присылки денегъ, обѣщанныхъ имъ въ скоромъ времени коронным подскарбіемъ.

Іюня 10. Хорунжій коронный прислалъ увѣдомленіе, что, благодаря поспѣшности его движенія, онъ успѣлъ занять раньше прихода непріятелей Берестечко и переправу черезъ Стырь, расположилъ войско для охраны занятой позиціи и отправилъ разъѣзды въ окрестности, въ которыхъ кругомъ дѣйствительно виднѣются въ разныхъ мѣстахъ большіе огни; извѣщаетъ онъ также и о томъ, что козаки опустошаютъ Волынь и Подляхію и угоняютъ весь скотъ, желая подготовить для насъ голодъ.

Іюня 11. Когда вслѣдствіе вышеприведеннаго увѣдомленія, мы собирались уже тронуться, получено было утромъ извѣстіе, хотя и не вполнѣ достовѣрное, что во вторникъ, т. е. 7-го іюня, видѣли хана съ ордою у Винницы. Соображая время, легко было разсчитать, что онъ или соединился уже съ Хмельницкимъ, или подошелъ весьма близко къ его лагерю. Извѣтіе это оказало большое вліяніе на прежнія распоряженія и планы: король вновь рѣ-

шилъ оставаться у Сокаля и ожидать здѣсь прихода враговъ, о которомъ постоянно приходили вѣсти: показалось выгоднымъ не оставлять лагеря, хорошо укрѣпленнаго, кругомъ обнесеннаго валами и сзади обезпеченнаго теченіемъ Буга, судоходнаго въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній король отправилъ приказъ коронному хоружію, чтобы онъ возвращался въ лагерь изъ Берестечка. При звукѣ трубъ объявленъ былъ солдатамъ приказъ запасаться провіантомъ, прячемъ опубликовано было разрѣшеніе безпрепятственно брать вездѣ съѣстное. Разрѣшеніе такое никогда прежде не давалось сколько нибудь порядочными военачальниками и оно было поводомъ разоренія всей Волыни, ибо немедленно солдаты, слуги и иностранцы разсѣялись отрядами во всѣ стороны и не только стали грабить скотъ, провіантъ и всякое имущество въ домахъ бѣдныхъ крестьянъ, но и дворы и замки, въ которыхъ затворились въ ожиданіи непріятелей шляхтичи съ своими подданными, по-непріятельски брали приступомъ и своихъ-же, подъ предлогомъ, что они русской вѣры, истребляли огнемъ и мечемъ, какъ будто находясь въ непріятельской землѣ.

Въ тотъ-же день пришли дворяне сандомирскаго воеводства и, раздѣлившись на повѣты, расположились за мостомъ, на горахъ, прилегавшихъ къ лагерю. Такъ какъ приближалось поголовное ополченіе дворянъ и другихъ воеводствъ, то для облегченія имъ, въ случаѣ нужды, переправы на нашу сторону, рѣшено было построить другой мостъ на Бугѣ. Писарь польный и съ нимъ нѣсколько человѣкъ ѣздили для выбора удобнаго мѣста; впрочемъ предпріятіе это не осуществилось по причинѣ безурядицы, господствовавшей тогда въ нашемъ лагерѣ.

Въ это время король разсердился на Іеронима Радзеевскаго, подканцлера коронаго. Давно уже разные наушники, которыхъ всегда много при дворѣ, сообщали ему сплетни и подозрѣнія о томъ, что подканцлеръ ведетъ частную переписку съ королевою; желая провѣрить эти слухи, король приказалъ перехватить письмо подканцлера, адресованное королевѣ. Все письмо было наполнено разсужденіями о ничтожествѣ и неспособности короля, о неумѣніи его управлять войскомъ, о его легкомысленности и непостоянствѣ и вообще заключало многое, позорящее славу и репутацію короля. Не мало досталось и на долю любимцевъ королевскихъ Тизенгаузена и королевскаго духовника Цѣцишовскаго, издавна враждовавшихъ съ подканцлеромъ. Наконецъ послѣдній упомянулъ съ большимъ раздраженіемъ и о

своей женѣ и жаловался на то, что она состоитъ въ тайной связи съ королемъ. Прочитавъ это письмо, король сильно вспылилъ и немедленно отправилъ придворныхъ коронныхъ чиновниковъ къ подканцлеру съ порученіемъ прочитать ему выговоръ за его вѣроломство и интриги и сообщить запретъ появляться впередъ не только въ палатѣ королевской, но и на засѣданіяхъ совѣта. Тяжелъ былъ этотъ ударъ для подканцлера, когда онъ узналъ, что перехвачена его частная переписка съ королевою и что онъ навлекъ на себя справедливый гнѣвъ монарха; однако онъ повиновался полученному приказанію не столько по обязанности, сколько изъ уваженія къ королю. По прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе вліянія сенаторовъ, король разрѣшилъ подканцлеру, какъ важному сановнику, присутствовать на засѣданіяхъ совѣта, но грамоть и привиллегій, исходившихъ изъ его канцеляріи, не хотѣлъ подписывать. Когда королева узнала объ этомъ происшествіи, то до того разгнѣвалась на жену подканцлера, что не только воспретила ей показываться у двора, но и всѣмъ дамамъ, женамъ сенаторовъ, жившимъ въ Варшавѣ, подъ опасеніемъ своей немилости, запретила навѣщать ее и имѣть съ нею общеніе.

Іюня 12. Обычное непостоянство и перемѣнчивость въ рѣшеніяхъ опять проявились. Король постановилъ было оставаться въ укрѣпленномъ лагерѣ и ожидать въ немъ врага, но теперь вдругъ перемѣнилъ это рѣшеніе и хотѣлъ передвинуть лагерь на другое мѣсто, основываясь на слѣдующихъ побужденіяхъ: 1) что въ лагерѣ накопилось много нечистотъ, воздухъ испортился, и это служитъ причиною болѣзней, которыя начали свирѣпствовать въ войскѣ, особенно среди пѣхоты; 2) что мѣсто неудобно и тѣсно для того, чтобы развернуться столь большому войску, которое еще должно было умножиться послѣ прихода дворянскаго поголовнаго ополченія; 3) что небольшое поле, прилегавшее къ лагерю, неудобно для сраженія и по тѣснотѣ его, и потому, что къ нему прилегаетъ лѣсъ, который намъ будетъ служить препятствіемъ, а врагамъ пособіемъ; 4) что, наконецъ, близость города неудобна, потому что во время битвы трусливые будутъ скорѣе бѣжать съ поля сраженія, надѣясь на городскія укрѣпленія. Руководясь этими соображеніями, король отправилъ польнаго писаря для выбора лучшей мѣстности для лагеря, но тотъ, проѣздивъ цѣлый день, не могъ найти не только лучшаго, но и столько же удобнаго мѣстоположенія, и потому пришлось оста-

ваться на мѣстѣ. Король отправился осматривать валы, старые и осыпавшіеся приказалъ поправить, а новые, гдѣ было нужно, возвести. Замѣтивъ, что князь Вишневецкій, староста калусскій, и другіе расположились лагеремъ внѣ укрѣпленій въ полѣ, онъ приказалъ имъ перейти внутрь вала, затѣмъ кварцяному войску, стоявшему въ полѣ безъ всякихъ ретраншаментовъ, онъ повелѣлъ придвинуться къ городу и укрѣпиться прибавочнымъваломъ.

Въ тотъ же день панъ Денгофъ привелъ 5 взводовъ отличныхъ драгунъ и съ его приходомъ пополнился весь комплектъ наемнаго войска Того-же дня пришла еще хоругвь польской пѣхоты, нанятая для услуги Рѣчи Посполитой на счетъ жены подскарбія коронаго.

Мы получили извѣстіе о разгромѣ отряда, состоявшаго изъ хоругвей подканцлера литовскаго и воеводича сандомирскаго. Отрядъ этотъ въ 150 человѣкъ конницы отправился въ разъѣздъ, но не зная мѣстности въ этомъ краѣ, онъ былъ измѣнически преданъ козакамъ какимъ-то хлопомъ; десятка два погибло, остальные разсѣялись.

Іюня 13. Въ лагерь пришла татарская хоругвь князя Корецкаго и представилась королю. Дворяне сандомирскаго воеводства, расположившіеся было повѣтами на горахъ, соединились въ одну дивизію подъ начальствомъ своего воеводы и всѣ вмѣстѣ расположились лагеремъ у самаго берега Буга, между мостомъ и стоянкою дворянъ белзскаго воеводства, которые давно уже пришли и стояли также надъ рѣкою, нѣсколько въ сторонѣ отъ моста. Вечеромъ возвратился въ лагерь изъ Берестечка, вслѣдствіе королевскаго приказанія, хоружій коронный (Алекс. Конецпольскій) съ своимъ отрядомъ.

(Продолженіе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОВРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

РАПОРТЪ[1])

Пресвѣтлой Коммисіи Просвѣщенія о генеральномъ осмотрѣ въ 1789 г. школъ:

1) Состоящихъ при главной краковской школѣ;

въ округѣ малопольскомъ:

2) окружныхъ люблинскихъ, академическихъ;

3) подъокружныхъ сандомірскихъ, академическихъ;

въ округѣ волынскомъ:

4) окружныхъ кременецкихъ, академическихъ;

5) подъокружныхъ каменецкихъ, „ „

6) „ „ луцкихъ, „ „

7) „ „ олыцкихъ, „ „

8) „ „ владимірскихъ, базиліанскихъ;

9) „ „ острогскихъ. „ „

10) „ „ шаргородскихъ, „ „

11) „ „ барскихъ, „ „

въ округѣ украинскомъ:

12) окружныхъ винницкихъ, академическихъ;

---

[1]) Заимствованъ изъ книги, хранящейся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ подъ № 222: „Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793.“ Мы избрали этотъ рапортъ потому, что а) онъ относится къ тому времени, которымъ оканчивался полный курсъ обученія, устроеннаго на основаніи устава 1783 года; б) онъ полнѣе и во многомъ обстоятельнѣе другихъ визитаторскихъ рапортовъ; в) относясь ко времени народныхъ волненій на Волыни и Украйнѣ, онъ даетъ намъ возможность тѣмъ живѣе представить себѣ глубокое противорѣчіе школы мѣстнымъ народнымъ потребностямъ.

13) подъокружныхъ житомірскихъ, академическихъ;
14) „ „ любарскихъ, базиліанскихъ;
15) „ „ овручскихъ, „ „
16) „ „ каневскихъ, „ „
17) „ „ уманскихъ. „ „

въ округѣ пінскомъ:

18) подъокружныхъ межирѣчскихъ;
19) „ „ холмскихъ.

Составленъ ксендзомъ Мушинскимъ, докторомъ двухъ правъ (т. е. церковнаго и гражданскаго) и философіи, вице-профессоромъ наукъ коллегіи моральной, генеральнымъ визитаторомъ, и представленъ въ генварѣ 1790 года".

„Получивъ 25 апрѣля отъ ксендза-секретаря визитаторскія полномочія, выписку нѣкоторыхъ пунктовъ изъ инструкціи пресвѣтлой коммиссіи, инструкцію главной школы, рапортъ о прошлогоднемъ генеральномъ осмотрѣ школъ и три рапорта объ осмотрахъ, произведенныхъ ректорами округовъ: малопольскаго, волынскаго и украинскаго, я на другой-же день, не имѣя даже времени осмотрѣться въ обязанностяхъ, возложенныхъ на меня, началъ осмотръ школъ, состоящихъ при главной краковской школѣ, каковой осмотръ продолжался полторы недѣли. Послѣ сего я выѣхалъ въ Сандомиръ, а оттуда въ Люблинъ. Далѣе я не могъ ѣхать, по причинѣ всеобщей тревоги, въ виду распространившихся на Волыни и Украйнѣ волненій[1]), и потому я вынужденъ былъ (на основаніи разрѣшенія, положеннаго въ уставѣ гл. 4, п. 8 въ концѣ) уполномочить къ тому ректоровъ, проректоровъ и префектовъ,

---

[1]) Сущность и характеръ волненій 1789 года, точнѣе польскаго террора этого времени на Волыни и Украйнѣ, достаточно раскрыты въ запискахъ современника, грекоуніатскаго архипресвитера Ѳеодосія Бродовича (напеч. въ *Чтеніяхъ имтер. общества ист. и древностей россійскихъ* за 1869 г. кн. I и II). Такія мѣры, какъ закрытіе всѣхъ русскихъ церковныхъ школъ, исключеніе русскаго языка изъ программы среднихъ школъ, принужденіе базиліанскихъ монаховъ устранить въ своихъ школахъ восточные праздники, стѣсненіе восточнаго богослуженія, проэктъ полнаго уничтоженія восточнаго, славянскаго богослуженія въ предѣлахъ Волыни, появившійся на сеймахъ въ 1787 году, могли и сами по себѣ вызвать въ русскомъ насе ленія глубокій ропотъ. Поляки отвѣчали на этотъ ропотъ жестокими казнями священниковъ и крестьянъ, арестомъ православнаго епископа, поголовнымъ преслѣдованіемъ уніатовъ и православныхъ жителей.

извѣстныхъ пресвѣтлой коммисіи своими способностями и заслугами. Эти лица исполнили за меня мои обязанности. Одно лицо не могло бы выручить меня, не подвергшись той опасности, которая принудила меня вернуться изъ Люблина въ Краковъ; поэтому я раздѣлилъ мои обязанности между нѣсколькими лицами, которыя, визитуя сосѣднія, ближайшія къ нимъ школы, могли-бы быть спокойными въ дорогѣ за свою жизнь и болѣе соотвѣтственно удовлетворить интересамъ обученія".

Лица, которымъ поручен осмотръ.

I. Я самъ осмотрѣлъ школы: краковскія, люблинскія и сандомірскія.

II. Ксендзъ Вжещъ, каѳедральный каноникъ кіевскій и каменецкій, ректоръ украинскаго округа, осмотрѣлъ школы: кременецкія, винницкія, каменецкія, шарогродскія и барскія.

III. Ксендзъ Трефлеръ, холмскій каѳедральный каноникъ (каѳедры римско-католической), ректоръ малопольскаго округа, осмотрѣлъ только школы холмскія.

IV. Ксендзъ Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій, ректоръ волынскаго округа, осмотрѣлъ школы межирѣчскія и острожскія.

V. Ксендзъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный каноникъ, депутатъ въ коронномъ трибуналѣ, проректоръ житомірскій, осмотрѣлъ школы: житомірскія, любарскія и каневскія.

VI. Ксендзъ Брошнёвскій, луцкій проректоръ, осматривалъ школы: луцкія, олыцкія и владимірскія.

VII. Ксендзъ Соболевскій, кіевскій каѳедральный каноникъ, эмеритъ, осматривалъ только школы овручскія.

VIII. Г. Кубешевскій, префектъ винницкій, нынѣ проректоръ сандомірскій, осматривалъ только школы уманскія".

„Каждому изъ этихъ избранныхъ (subdelegowanych) мною визитаторовъ я послалъ инструкцію, составленную приспособительно къ общимъ для всѣхъ школъ и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ этой инструкціи я помѣстилъ рѣшенія пресвѣтлой коммисіи и порученія главной школы. Возникавшія въ разныхъ школахъ затрудненія я устранялъ посредствомъ постоянной корреспонденціи".

„Здѣсь надлежало-бы описать способъ осмотра школъ; но такъ какъ каждый изъ визитаторовъ употреблялъ такой способъ, который признавалъ найлучшимъ, то я дамъ о немъ отчетъ послѣ изложенія самаго осмотра".

ИЗЛОЖЕНІЕ ОСМОТРА[1])

Округъ сольнецкій.

Школы кременецкія[2]), академическія, о шести учителяхъ.

Ректоръ окружной ксендзъ Лука Свѣбоцкій, пробощъ кременецкій.
Префектъ г. Каспаръ Лучевскій, докторъ философіи.
Учителя: I класса—ксендзъ Францишекъ Мысловскій,
II „ ксендзъ Венедиктъ Кшемъ,
Краснорѣчія—г. Іосафатъ Висѣкерскій,
Математики—г. Карлъ Мировскій,
Физики—г. Матвѣй Оцѣвскій,
Права—г. Антоній Ярковскій.
Преподаватели (metrowie): нѣмецкаго языка—г. Гентцъ и французскаго языка—начинающихъ—г. Антоній Ярковскій, профессоръ права, и успѣвающихъ (postępujących)—г. Карлъ Мировскій, профессоръ математики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, начатъ 20, оконченъ 29 іюля.

Сущность рапорта его.

Школьныя записи (xięgi rządowe) Всѣ найдены мною въ порядкѣ. Я поручилъ завести книгу протоколовъ съ изложеніемъ въ нихъ учительскихъ (мѣсячныхъ) рапортовъ объ ученикахъ.

---

[1]) Опускаемъ осмотръ школъ краковскихъ, сандомірскихъ и люблинскихъ и ограничиваемся школами, находившимися среди сплошнаго русскаго населенія.

[2]) Въ Кременцѣ первоначально существовала іезуитская коллегія, устроенная около 1720 года, на пожертвованія князя Яруша Антонія Вишневецкаго. По закрытіи іезуитскаго ордена, комиссія просвѣщенія преобразовала эту коллегію въ подъокружныя школы, оставивъ въ нихъ часть профессоровъ—іезуитовъ, а съ 1783 г. въ окружныя. Іезуиты содержали при своей коллегіи два конвикта, одинъ для дѣтей убогой шляхты, другой для новокрещенныхъ или ихъ дѣтей. Оба эти конвикта помѣщались въ двухъ различныхъ зданіяхъ. Комиссія просвѣщенія соединила эти два конвикта въ одинъ, назначивъ въ немъ всѣ вакансіи для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей. Зданіе коллегіи отведено подъ квартиры учителей. Послѣ присоединенія Волыни къ Россіи (1792), кременецкія школы поступаютъ подъ покровительство извѣстнаго Одлдея Чацкаго и, по преобразованіи ихъ въ лицей, служатъ образцомъ и руководителемъ обученія во всѣхъ школахъ Волыни и Украйны до 1830 года (Historya szkół—Лукашевича, т. 4. Здѣсь собраны историческія свѣдѣнія о всѣхъ школахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Эти свѣдѣнія во многомъ расходятся съ указаніями, разсѣянными въ извѣстной: *Starożytna Polska*—Балинскаго и Липинскаго. Но Лукашевичъ безпристрастнѣе послѣднихъ авторовъ и располагалъ большимъ количествомъ матеріаловъ).

Личныя бесѣды (rozmowe osobiste т. е. съ каждымъ изъ служащихъ наединѣ). Изъ нихъ я узналъ: 1) что ректоръ непріятенъ учителямъ, а еще болѣе нѣкоторые учители ректору. (Заявляли) будто ректоръ, будучи вмѣстѣ и пробощемъ, не заботился о благѣ и цѣлости учебнаго заведенія (zgromadzenia), исходатайствовалъ, во вредъ ему, разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи на отдачу финансовымъ чиновникамъ нѣкоторой части дома и флигелей, особенноже каменныхъ конюшенъ, въ чемъ я вижу большую со стороны ректора ошибку и небрежность (и—нетолько какъ ректора, но и какъ пробоща), такъ какъ онъ не взвѣсилъ, какія изъ этихъ частей дома и флигелей могли быть уступлены, а какія необходимо было оставить въ пользованіи учебнаго заведенія; 2) желанія служащихъ лицъ, о которыхъ скажу въ особой главѣ.

Богослуженіе исполняется по уставу (учебному) въ присутствіи префекта и учителей. О проповѣдникѣ свидѣтельствуютъ, что онъ лучше того, который былъ избранъ въ прошломъ году.

Домъ, училищныя комнаты. Найбольшей починки требуютъ: 1) двѣ башенки—одна надъ училищными воротами, другая надъ коллегіей; 2) значительная часть покрышки надъ помѣщеніемъ ректора и библіотеки; 3) покрышка на башняхъ костела, на зданіяхъ коллегіи и школъ; 4) необходимо исправить крышу на всѣхъ этихъ зданіяхъ, замѣнивъ мѣстами старый матеріалъ новымъ; 5) необходимо снять штукатурку со сводовъ двухъ верхнихъ корридоровъ, въ которыхъ образовались такія трещины, что изъ нихъ выпадаютъ кирпичи,—необходимо затѣмъ положить на нихъ новую штукатурку съ гипсомъ и побѣлить, для того чтобы убѣдиться (a to dla doświadczenia), не будутъ-ли своды еще больше расходиться (!). Если бы это оказалось, въ такомъ случаѣ необходимо будетъ разобрать всѣ своды въ корридорахъ коллегіи верхнихъ и нижнихъ. На всѣ починки, показанныя въ пяти пунктахъ, тщательныя и неотложныя, я призналъ необходимою сумму 4000 (злотыхъ). Въ коллегіи я лично осмотрѣлъ всѣ мѣста подъ крышей, а о зданіи школъ я совѣщался съ ректоромъ и всѣми служащими. Относительно производства этихъ починокъ я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) дабы онѣ, какъ неотложныя, немедленно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начаты были и окончены къ ноябрю и чтобы донесено было главной кассѣ[1]) или объ исполненіи

[1]) Финансовая часть вѣдомства просвѣщенія организована была по уставу 1783 года такимъ образомъ:

починки, или о причинахъ неисполненія нѣкоторыхъ частей ея; 2) дабы нанятъ былъ способный человѣкъ, съ платой 100 злотыхъ за эти три мѣсяца, для попеченія о починкахъ, т. е. для пріисканія матеріаловъ и мастеровыхъ, если бы оныхъ на мѣстѣ не оказалось, и для присмотра за ними во время работъ; 3) упросилъ г. префекта Лучевскаго принять на себя трудъ выдавать плату мастеровымъ и вести вѣдомость о расходахъ какъ на нихъ, такъ и на матеріалы, и 4) дабы отчетъ въ суммахъ, которыя для этой цѣли будутъ отпускаемы по частямъ ксендзомъ-ректоромъ, по окончаніи починокъ и по заключеніи всѣхъ расходовъ отосланъ былъ при рапортѣ въ главную кассу.

Sarta tecta[1]). Эти обширныя и видныя зданія школъ и коллегіи стоятъ самаго заботливаго храненія и поддержки. Осмотрѣвъ всѣ классы, корридоры, квартиры учителей, склады и флигеля, освидѣтельствовъ въ нихъ печи, окна, рамы, двери, замки, скамьи, полы, лѣстницы и крыши, я нашелъ, что на ежегодную починку всѣхъ этихъ предметовъ необходимо до 1000 злотыхъ, и призналъ эту сумму за *sarta tecta*. Кромѣ того, необходимо назначить 200 злотыхъ на содержаніе сторожа для присмотра за состояніемъ воротъ, дверей, оконъ, крышъ, дымовыхъ трубъ и цѣлаго зданія, равно какъ для своевременнаго пріисканія мастера, который тотчасъ поправилъ-бы, что окажется испорченнымъ, дабы предупредить большіе расходы на поправку, какіе доселѣ вызывались.

---

1) „Кромѣ общей (главной) кассы комиссіи просвѣщенія въ Варшавѣ, учреждаются кассы провинціальныя подъ надзоромъ ректоровъ или проректоровъ".

2) „Каждому ректору или проректору назначенъ будетъ особый округъ, въ предѣлахъ котораго всѣ владѣльцы и арендаторы имѣній или суммъ фундушевыхъ обязаны вносить на ихъ руки, дважды въ годъ, т. е. въ день Трехъ Царей (6 генв.) и въ день св. Іоанна Крестителя (24 іюня), проценты, назначенные въ эдукаціонный фундушъ. Складъ этихъ доходовъ составляетъ провинціальную кассу, а ректоръ или проректоръ поэтому будетъ провинціальнымъ кассиромъ".

3) „Послѣ каждаго взноса, ректоръ долженъ донести главной кассѣ, всѣ-ли проценты получены имъ или нѣтъ".

4) „Неисправныхъ плательщиковъ онъ будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ".

5) „Долженъ содержать кассу въ самомъ безопасномъ мѣстѣ. При ней должны быть два замка, отъ которыхъ ключи будутъ храниться одинъ у ректора, другой у префекта" и т. д. (глава X).

[1]) *Sarta tecta*, — *починенныя*, или *исправленныя зданія*. На юридическомъ средневѣковомъ языкѣ это выраженіе относилось къ суммѣ, признанной необходимою для того, чтобы зданія находились всегда въ исправности.

Провинціальная касса и жалованье служащихъ. Жалованье выдано служащимъ своевременно[1]). Касса находится подъ двумя замками. Наличность ея я посчиталъ, книги сверилъ со счетами главной кассы; всѣ суммы имѣются сполна, недостаетъ только 101 зл. къ суммѣ, значащейся по счетамъ въ остаткѣ.

Число учениковъ 463[2]).

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ по всѣмъ предметамъ продолжалось два дня по 4 часа, утромъ и пополудни. Кромѣ того, публичное испытаніе, совпавшее съ пріѣздомъ моимъ и удостоенное присутствіемъ всѣхъ пріѣзжихъ (время сеймиковъ) и живущихъ въ Кременцѣ господъ и дамъ, продолжалось 4 часа. Я и всѣ присутствующіе остались совершенно довольны охотою, живостью и находчивостью учениковъ, показанными на этомъ испытаніи.

Награды для наиболѣе успѣвающихъ. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія учителей, подтвержденнаго ректоромъ, удостоены патентовъ, о которыхъ будетъ сказано въ концѣ рапорта (такъ какъ медали[3]) еще не получены), на золотую медаль благородный панъ Іосифъ Джевицкій, кременецкій подкоморичъ, ученикъ VI класса, на серебряныя медали: Евсевій Словацкій, ученикъ V класса, и Іосифъ Лагановскій, кременецкій честниковичъ, ученикъ IV класса.

---

[1]) Жалованье служащимъ до 1790 года отпускалось по полугодіямъ, а не помѣсячно, что повсюду возбуждало большой ропотъ.

[2]) Кременецкіе іезуиты пользовались такою привязанностью со стороны мѣстной шляхты, что, послѣ закрытія іезуитскаго ордена и передачи кременецкой коллегіи въ вѣдомство комиссіи просвѣщенія, долгое время шляхта не хотѣла отдавать своихъ дѣтей въ новыя школы и въ Кременцѣ бывало незначительное число учащихся. Еще въ 1783 году ихъ было всего 119. Лукашевичъ, не имѣвшій въ своихъ рукахъ визитъ и рапортовъ послѣ этого года, поторопился признать, что во весь этотъ періодъ въ кременецкихъ школахъ не бывало значительнаго числа учениковъ (Historja szkół, т. IV, стр. 103).

[3]) Король Станиславъ Понятовскій, для поощренія учениковъ и возбужденія въ шляхтѣ, любившей внѣшнія отличія, расположенія къ новой системѣ обученія и воспитанія, установилъ награды лучшихъ учениковъ медалями. На каждое окружное училище положены были одна золотая и двѣ серебряныя медали, на каждое подъокружное—только двѣ серебряныя медали. Медали изготовляемы и разсылаемы были на личныя суммы короля и потому назывались всегда въ оффиціальныхъ актахъ *королевскими подаркомъ* или *королевскою наградою.*

Иностранные языки преподаваемы были съ значительною пользою для учащихся. Въ видахъ увеличенія пользы отъ уроковъ этихъ языковъ, я сдѣлалъ особое распоряженіе, о которомъ будетъ сказано въ главѣ: „распоряженія".

Мѣсячные экзамены. Производимы были, какъ установлено, причемъ фамиліи болѣе старательныхъ учениковъ вносимы были въ книгу [1]).

Физическое воспитаніе. Квартиры были посѣщаемы, объ опрятности, общихъ играхъ и упражненіяхъ во время ихъ занятій сообразно съ предписаніями устава. Я назначилъ по шести злотыхъ на уплату унтеръ-офицеру, который будетъ ежегодно въ маѣ приглашаемъ изъ Дубна для обученія учениковъ военной выправкѣ (w mustrze żołnierskiej).

Приходскія школы. Всѣ эти школы посѣщалъ въ этомъ году ксендзъ-ректоръ (Свѣбоцкій [2]).

Общій столъ содержится въ этомъ учебномъ заведеніи; завѣдываетъ столомъ провизоръ, избранный на годъ. По недостаточности (суммы на пріобрѣтеніе) хозяйственныхъ принадлежностей собраніе учителей рѣшило принять на общій свой столъ учениковъ, живущихъ въ коллегіи.

Фундушевые ученики. Таковыхъ имѣется 18. Они живутъ въ двухъ особыхъ домикахъ, которые я осмотрѣлъ. Нуждами ихъ и всѣми порядками завѣдываетъ ксендзъ-ректоръ Свѣбоцкій, точно сообразуясь съ постановленіями пресвѣтлой коммисіи. Я провѣрялъ расходы на содержаніе ихъ; счеты посылаются въ главную кассу. Распрашивая въ педагогическомъ совѣтѣ о прилежаніи и успѣхахъ этихъ учениковъ, я узналъ, что Станиславъ Залѣскій, ученикъ II класса, пользуясь фундушевымъ содержаніемъ уже четыре года, не оказываетъ ни успѣховъ въ наукахъ, ни способ-

---

[1]) Особая книга, заведенная на этотъ предметъ. Выписки изъ этой книги развѣшиваемы были по классамъ и корридорамъ. Внесенный въ эту книгу получалъ право цѣлый мѣсяцъ носить на своей шляпѣ голубую кокарду. Кто изъ учениковъ получалъ это отличіе цѣлый годъ, тотъ получалъ право носить на шляпѣ своей въ теченіе всего слѣдующаго года кокарду пунковую (Уставъ 1783 г. гл. XIV, о наградахъ).

[2]) Ректоръ вѣроятно въ этомъ случаѣ обманулъ визитатора. Въ визитѣ 1793 г., произведенной визитаторомъ Треффлеромъ и находящейся въ той-же книгѣ, изъ которой мы заимствовали настоящую визиту, при описаніи кременецкихъ школъ, въ главѣ о приходскихъ школахъ сказано только: „z tych żadnej ani w samym Krzemieńcu, ani w bliskiej okolicy niemasz". Въ прежнихъ сохранившихся визитахъ вовсе не упоминается о приходскихъ школахъ въ районѣ кременецкихъ школъ.

ностей, ни охоты къ ученію, а потому по справедливости долженъ быть лишенъ содержанія. На мѣсто его слѣдовало-бы назначить ученика V класса Филиппа Нѣцѣцкаго, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и способностямъ и состоящаго нынѣ директоромъ фундушевыхъ учениковъ. Если-бы Залѣскій, не смотря на распоряженіе высшей власти, упорно отказывался (?) подчиниться такому распоряженію, то за это самое долженъ быть лишенъ фундуша и уступить свое мѣсто болѣе способному и цѣнимому товарищу. Между кандидатами на фундушевыя вакансіи находятся слѣдующіе ученики: Валентинъ Канскій, Павелъ Ярковскій, Антоній Малиновскій, Іосифъ Гршецкій, Иванъ Крушковскій; послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ о нихъ и о всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, я просилъ ксендза-ректора, дабы на открывающіяся вакансіи представлялъ коммисіи просвѣщенія болѣе способныхъ и достойныхъ изъ нихъ.

Распоряженія. 1) Не предоставлять обученіе иностраннымъ языкамъ усмотрѣнію учениковъ. Всѣ ученики (т. е. желающіе обучаться иностраннымъ языкамъ) трехъ низшихъ классовъ (исключая начинающихъ) обязаны учиться нѣмецкому языку, а ученики трехъ высшихъ классовъ—французскому, причемъ уроки обоихъ языковъ должны быть расположены такимъ образомъ, дабы способные и желающіе могли бы (одновременно) учиться обоимъ языкамъ. 2) Подтверждены прежнія распоряженія о томъ, дабы ученики не были принимаемы въ коллегію на квартиры и общій (съ учителями) столъ. 3) Наемъ флигелей, допущеніе постороннихъ жильцовъ, передѣлки, разборка (какихъ либо частей въ помѣщеніи), починки, постройки, или важныя перемѣны въ нихъ, все это не должно быть производимо безъ вѣдома и согласія ректора. 4) Если-бы по израсходованіи всей суммы, назначенной на *sarta tecta*, потребовались настоятельныя починки, напр. исправленіе въ учительскихъ квартирахъ печей, дверей, оконъ, замковъ, въ такомъ случаѣ расходъ произвести изъ экстраординарной суммы неотложно. 5) Кромѣ префекта, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ наблюденіе за исполненіемъ ректорскихъ распоряженій относительно фундушевыхъ учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ учениковъ и директоровъ. 6) Если ко дню св. Михаила [1]) не будетъ готово такъ необходимое для

[1]) 29 сент., по католическому календарю, день архангела Михаила.

погребенія умершихъ кладбище, устройство котораго предписано пресвѣтлою коммисіей, то ксендзъ-ректоръ обязанъ донести ей о причинахъ и препятствіяхъ къ исполненію этого предписанія.

Засвидѣтельствованіе объ исполненіи распоряженій, сдѣланныхъ по прошлогодней ревизіи. Всѣ исполнены, кромѣ пункта втораго—относительно недопущенія учениковъ къ общему столу (учительскому) и пункта десятаго—относительно записыванія лицъ, жертвующихъ опредѣленныя суммы на поминовеніе благодѣтелей (школъ). Что касается перваго пункта относительно ношенія установленной формы, то онъ какъ нигдѣ, такъ и здѣсь не исполняется. Не понятно, почему учители, которые здѣсь почти всѣ свѣтскіе люди, должны носить длинную черную одежду. Что касается причудливой прически (wymyślnych fryzur)[1]), о которой говоритъ инструкція настоящаго года, то здѣсь даже нѣтъ такихъ парикмахеровъ, которые съумѣли бы сдѣлать ее.

Я нашелъ, что фундушевые ученики порядочно и заботливо содержатся, но есть жалобы на распорядителя за опаздываніе въ снабженіи обувью, отчего ученики опускали уроки. Я потребовалъ большей исправности въ этомъ дѣлѣ.

Присовокупляю къ этому донесенію коротко, что нашедши все въ цѣлости и въ надежномъ состояніи (?), въ школахъ спокойствіе, въ составѣ учительскомъ доброе поведеніе, въ обученіи старательность и надлежащую постановку, не встрѣтивъ никакого новаго въ этомъ году случая или факта недоразумѣній между служащими, я рѣшился ограничиться тѣми предостереженіями и напоминаніями, которыя заключались въ моей рѣчи, произнесенной при заключеніи осмотра, и въ которыхъ я видѣлъ необходимую нужду. Пускай эта рѣчь (о возможномъ согласіи и единомысліи между служащими) замѣнитъ собою изложеніе разладицы и внутренняго управленія этого собранія учащихъ. Не осуждая окончательно ректора, нельзя и извинять его. Пресвѣтлая коммисія показа бы найлучшую заботу объ учителяхъ и о немъ самомъ, если бы, по окончаніи послѣдняго года его службы, давши ему награду, замѣстила эту ректорскую должность болѣе исправнымъ и болѣе способнымъ лицомъ.

Желанія. 1) Служащіе усиленно просятъ—и просьба ихъ справедлива,—дабы отобраны были отъ скарбоваго кассира ка-

---

[1]) Разумѣется парикъ, который коммисія просвѣщенія старалась пріобщить къ атрибутамъ академической формы.

менныя конюшни, находящіяся въ концѣ усадьбы и которыхъ нельзя отдѣлить (отъ усадьбы), и чтобы этотъ же кассиръ очистилъ комнату во второмъ этажѣ, доселѣ занимаемую имъ. Послѣдній отказался исполнить это, не смотря на предъявленныя ему, во время ревизіи, постановленіе пресвѣтлой коммиссіи и данную мнѣ инструкцію,—отказался освободить крыльцо, которое онъ превратилъ изъ прекрасной галлереи въ сѣни жидовской школы, обрушивъ на немъ всѣ прекрасныя архитектурныя украшенія, наконецъ (отказался прекратить) всякое сообщеніе съ домомъ и съ дворомъ учебнаго заведенія. Кассиръ г. Барбевскій —человѣкъ вспыльчивый, невѣжливый, дикій, съ которымъ, какъ я самъ это видѣлъ, нельзя и трехъ словъ сказать безъ потасовки (trzech słów mówić nie można bez pięści i czubów) [1].

2) Г. Карлъ Мировскій, учитель математики, хорошо зарекомендовавшій себя и преподаваніемъ, и стараніемъ, и поведеніемъ, обучающій также и французскому языку, окончивъ уже пятилѣтній срокъ обязательной учительской службы, проситъ, чтобы главная школа ходатайствовала о зачисленіи ему одного года службы при секретарѣ главной школы, въ качествѣ его помощника, такъ какъ это было обѣщано ему въ то время.

3) Ксендзъ Францишекъ Мысловскій, учитель 1 класса, бывшій эмеритъ, а въ прошломъ году вновь принявшій должность учителя, чтобы пріобрѣсти большее благорасположеніе со стороны пресвѣтлой коммиссіи, такъ какъ онъ содержитъ при себѣ престарѣлаго отца, снова проситъ назначить ему эмеритальную пенсію.

Окончаніе осмотра. Я отдалъ справедливую честь труду учителей, которую я признавалъ за каждымъ изъ нихъ, внимательно наблюдая на урокахъ и на экзаменахъ учениковъ, видѣлъ должное (nienaganne) поведеніе ихъ, — они не дали мнѣ никакого повода отнять у нихъ эту честь.

Перемѣны. На мѣсто ксендза Францишка Мысловскаго, который проситъ для себя эмеритальной пенсіи, поступилъ г. Фран-

---

[1]) Это далеко не единственный примѣръ самоуправства и самоуртства шляхтичей и чиновниковъ въ дѣлахъ школьныхъ. При отобраніи отъ іезуитовъ зданій, принадлежавшихъ ордену ихъ, повсюду явились охотники пожаловаться какимъ-либо зданіемъ или квартирою въ нихъ, подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ. Многихъ изъ такихъ непрошенныхъ жильцовъ нельзя было выжить до послѣдняго раздѣла Польши.

цишевъ Тецлавъ, кандидатъ [1]), на мѣсто г. Сѣрковскаго—г. Старновскій изъ Житомира.

Добавленіе отъ лица визитатора, уполномоченнаго главною школой. Предостереженія, данныя ксендзомъ Вжещомъ, принесли плоды. По донесенію его, теперь это учебное заведеніе наслаждается спокойствіемъ. Будущая визитація найлучше увѣдомитъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

Каменецкія [2]) подъокружныя школы, академическія, о шести учителяхъ.

Проректоръ г. Непомукъ Тылковскій, докторъ философіи.
Учитель I класса г. Матвѣй Звіончковскій.
„ II „ ксендзъ Андрей Кобылинскій.
„ краснорѣчія ксендзъ Николай Барановскій, каменецкій каѳедральный каноникъ.
„ математики г. Каетанъ Цилевскій.
„ физики г. Матвѣй Каспровичъ.
„ права ксендзъ Янъ Полячкевичъ, докторъ философіи.
Проповѣдникъ—ксендзъ Андрей Богдановичъ.
Преподаватели: французскаго языка—ксендзъ Николай Барановичъ, учитель краснорѣчія.
„ нѣмецкаго языка—ксендзъ Я. Полячкевичъ, учитель права, безплатно.

Осмотръ производилъ ксендзъ Вжещъ, ректоръ украинскихъ школъ. Осмотръ начатъ 11, оконченъ 17 іюля. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ рапортѣ.

---

[1]) Кандидатъ т. е. рѣшившійся посвятить себя учительской службѣ и назначенный къ поступленію въ педагогическую семинарію. Весьма часты примѣры, что, по недостатку учителей — *академиковъ*, назначаемы были на учительскія должности кандидаты и затѣмъ, въ силу своей учительской практики, утверждаемы были въ должностяхъ.

[2]) Въ Каменцѣ школы основаны іезуитами, въ началѣ XVII вѣка, по приглашенію каменецкаго римско-каѳолическаго епископа Яна-Андрея Прохницкаго. Зданія построены были на иждивеніи: старосты снятинскаго Николая Язловецкаго, старосты скальскаго Станислава Лянцкоронскаго и старосты каменецкаго Валентина-Александра Калиновскаго. Въ содержаніи іезуитскихъ школъ приняла участіе вся шляхта каменецкаго повѣта, о чемъ постановила на сеймикѣ 1611 года. Скоро іезуиты преобразовали эти школы въ коллегію, съ преподаваніемъ въ ней философіи и богословія. По завоеваніи Каменца турками въ 1672 г., іезуитскій костелъ обращенъ въ мечеть фаворитки султана. При Августѣ II, послѣ возвращенія Каменца Польшѣ, іезуиты снова вернулись въ свои зданія и снова открыли въ нихъ коллегію. Коммисія просвѣщенія преобразовала коллегію въ подъокружныя школы, но въ уваженіе многочисленности учениковъ и къ значенію бывшей коллегіи, назначила для нихъ штатъ окружныхъ школъ

Школьныя записи. Всѣ ведутся и хранятся въ порядкѣ; какихъ прежде не было, тѣ теперь заведены.

Богослуженіе во всемъ надлежаще исполняется.

Домъ, костелъ, училищныя комнаты. Весь домъ разваливается и не годенъ къ починкѣ. Въ костелѣ только стѣны прочны, своды ненадежны, съ течью, крыши и всѣ связи потребовали-бы большихъ, но напрасныхъ расходовъ на поправку. Въ зданіи школъ все разваливается; крыша, печи, лавки, особенно потолки, уже обваливающіеся; въ сѣверной стѣнѣ образовалась трещина въ полторы чѣтверти (локти); камины разваливаются. Домъ этотъ, совершенно негодный для жилья и нестоющій починки, долженъ еще послужить нѣкоторое время; для того, чтобы онъ могъ еще просуществовать, я призналъ необходимымъ возвысить *sarta tecta* съ 400 на 1000 злотыхъ.

Касса провинціальная. Жалованье всѣми получено своевременно. Остаточная сумма въ цѣлости. Касса хранится за двумя замками.

Число учениковъ 312.

Посѣщеніе классовъ. Лекціи идутъ точно, по планамъ учебниковъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіе двухъ дней по 4 и по 5 часовъ, утромъ и послѣ полудня. Кромѣ того, я присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ, произведенномъ во время моего пребыванія здѣсь и продолжавшемся 4 часа. На этомъ экзаменѣ присутствовали два епископа, капитулъ и духовенство обоихъ обрядовъ [1]), весь гарнизонъ и всѣ дамы высшаго круга. Я и всѣ присутствовавшіе остались вполнѣ довольны живостью, стараніемъ и сознательностью учениковъ, показанной въ отвѣтахъ ихъ.

Награды. На основаніи тщательнаго испытанія и единогласнаго мнѣнія гг. учителей, одобреннаго г. проректоромъ, удостоены патентовъ на награды: золотою медалью—г. Іосифъ Протасевичъ, ученикъ VI класса, серебряными медалями—г. Матвѣй Шиманскій, ученикъ V класса и г. Ѳаддей Каменскій, сынъ камергера его королевской милости, ученикъ IV класса.

Директоры. Ихъ было 30, изъ нихъ старательнѣйшихъ 12. Совѣщанія съ ними бываютъ, надзоръ за ними бдительный.

Иностранные языки. Французскому языку учитъ, съ большою пользою, ксендзъ Барановичъ, учитель краснорѣчія. Обучается

[1]) Т. е. римско-католическаго и греко-уніатскаго.

этому языку 50 учениковъ. Нѣмецкому языку началъ обучать въ этомъ году, по просьбѣ обывателей и г. проректора, ксендзъ Янъ Поляшкевичъ, учитель права, безъ всякой платы; обучается этому языку 70 учениковъ, которые весьма успѣваютъ въ немъ. Я предоставилъ г. проректору Тылковскому рѣшить дѣло о назначеніи въ слѣдующемъ году вознагражденія за этотъ трудъ, сообразно положенію о преподавателяхъ иностранныхъ языковъ[1]).

Мѣсячные экзамены производимы были, какъ предписано; фамиліи учениковъ, наиболѣе успѣвающихъ, вносимы были въ книгу.

Физическое воспитаніе. Г. проректоръ тщательно осматриваетъ квартиры, заботится объ опрятности учениковъ, посѣщаетъ больныхъ. Изъ тѣлесныхъ упражненій главными служатъ теперь военныя экзерциціи; хорошо обученныхъ имѣется до 50. Руководитъ этими играми унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка. Этотъ унтеръ-офицеръ долженъ нанимать за себя въ полку (на время его отсутствія), а потому нельзя платить ему меньше 6 злотыхъ, тѣмъ болѣе, что число учениковъ, участвующихъ въ этихъ играхъ, постоянно увеличивается.

Приходскія школы. Есть одна школа въ Купинѣ, въ пяти миляхъ отъ Каменца, состоящая въ вѣдѣніи о. о. кармелитовъ. Элементарныхъ книгъ (т. е. изданныхъ коммисіей просвѣщенія) не употребляютъ въ ней, рапортовъ объ ученикахъ и обученіи не представляютъ. Я просилъ г. проректора, чтобы онъ настоятельно требовалъ всего этого.

Фундушевые ученики. Имѣется ихъ 11. На мѣсто выбывшаго т. Іосифа Бжескаго, о чемъ г. проректоръ своевременно донесъ пресвѣтлой коммисіи, по мнѣнію моему и г. проректора, никто болѣе не отвѣчаетъ требованіямъ устава пресвѣтлой коммисіи о кандидатахъ на фундушевое содержаніе, чѣмъ ученикъ I класса Каетанъ Каменскій, имѣющій 10 лѣтъ отъ роду. Квартируютъ въ трехъ комнатахъ, нанятыхъ въ городѣ; имѣютъ двухъ директоровъ: Матвѣя Шиманскаго и Василія Гроновича, весьма старательныхъ. Всѣ обучаются языкамъ французскому и нѣмецкому, всѣ хорошаго поведенія и способностей. Всѣ нужды ихъ удовлетворены. Вѣдомости о расходахъ, произведенныхъ на содержаніе

[1]) Уставъ 1783 г. допускалъ назначеніе жалованья преподавателямъ (metram) иностр. языковъ изъ учебныхъ суммъ только въ важнѣйшихъ городахъ (po samych tylko principalnych prowincyi miastach), въ остальныхъ ученики оплачивали этихъ преподавателей по таксѣ, составленной проректоромъ.

ихъ, мною разсмотрѣны и отосланы въ главную кассу. За старательный и надлежащій надзоръ за этими учениками, соображаясь съ состояніемъ отпущенныхъ на содержаніе ихъ суммъ, я опредѣлилъ выдать изъ этихъ суммъ г. проректору въ награду 400 злотыхъ и конвикторамъ 500 злотыхъ.

Общій столъ въ этомъ году содержится. Мною объявлено распоряженіе пресвѣтлой коммисіи объ отпускѣ 300 злотыхъ изъ экстраординарныхъ суммъ на хозяйственныя принадлежности (стола).

Распоряженія. 1) Если ксендзъ Ижицкій откажется исполнить рѣшеніе пресвѣтлой коммисіи объ очищеніи имъ квартиры предъ первымъ числомъ сентября текущаго года, въ такомъ случаѣ онъ лишается эмеритальной пенсіи. 2) Кто изъ учителей выѣдетъ на продолжительное время самовольно, безъ позволенія г. проректора, что случалось, о томъ донести главной школѣ съ первой почтой, а классъ его соединить съ сосѣднимъ; затѣмъ, если-бы онъ даже во время явился, не долженъ быть допускаемъ къ своей должности до полученія распоряженія главной школы, какъ не повинующійся ясно выраженному опредѣленію своей обязанности [1]) и своему мѣстному начальству. 3) На основаніи разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, г. проректоръ долженъ уплатить г. Касперовичу, учителю физики, стоимость электрической машины, полученной для кременецкаго (школьнаго) кабинета. 4) Такъ какъ по-іезуитская аптека въ Каменцѣ, отъ которой отказался аптекарь, не приноситъ никакой пользы едукаціонному фундушу, то пресвѣтлая коммисія назначитъ аптечныя принадлежности въ продажу съ торговъ. Помѣщенія аптеки, въ случаѣ собраніе (служащихъ въ школахъ) признаетъ не нужными (для школъ), должны быть отданы въ наемъ, съ обязанностію починки, и наемная плата должна быть причислена къ фундушевому капиталу. 5) Не воспрещается фундушевымъ ученикамъ имѣть какое-либо платье и другіе предметы отъ родителей, но ни они, ни родители не могутъ требовать за это вознагражденія (изъ фундушевыхъ суммъ), кромѣ того, что дается всѣмъ ученикамъ.

Желанія. Учитель 1 класса г. Заіончковскій проситъ объ увольненіи его отъ обязательной учительской службы, обязываясь

---

[1]) Уставъ 1783 года, глава XIV, п. 7.

возвратить двухлѣтнее жалованье свое 700 злотыхъ [1]). Такъ какъ онъ отличался всѣми достоинствами усерднаго учителя и заслуживаетъ уваженія, то я полагалъ бы справедливымъ (исполнить просьбу его) и этой милостью поощрить добрыя начинанія его.

Окончаніе осмотра. Прежде всего я отдалъ справедливую честь и выразилъ благодарность г. проректору Тылковскому за самое тщательное и всестороннее исполненіе всѣхъ обязанностей по своей должности, потомъ — гг. учителямъ за значительные успѣхи учениковъ, показанные ими какъ на визитаторскихъ, такъ и на публичномъ экзаменахъ.

Перемѣнъ въ составѣ учителей не было.

Луцкія [2]) *подгокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.*

Проректоръ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи.

Учители: 1 класса г. Матвѣй Трушинскій,
„ математики и физики г. Войцѣхъ Ярковскій,
„ краснорѣчія и права г. Янъ Навроцкій,
проповѣдникъ—доминиканинъ.

---

[1]) Т. е. получаемое сверхъ 650 злотыхъ въ годъ, уплачиваемыхъ или высчитываемыхъ на общій столъ. Заіончковскій очевидно былъ стипендіатомъ учебнаго заведенія въ главной школѣ, за что, по уставу, долженъ былъ обязательно прослужить въ должности учителя шесть лѣтъ. Въ средѣ шляхтичей, гордившихся своею вольностію и независимостью, эти молодые учители преслѣдовались остротами и насмѣшками и чувствовали себя точно крѣпостными, продавшими свою свободу, а не „вольными шляхтичами". Отсюда стремленіе поскорѣе освободиться отъ этого состоянія.

[2]) Луцкія школы преобразованы изъ іезуитской коллегіи, учрежденной въ началѣ XVII вѣка и утвержденной Сигизмундомъ III въ 1609 г. Коллегія щедро одарена была мѣстною шляхтою, недавними русскими православными фамиліями: Четвертинскимъ Андреемъ, Чарторыйскимъ Николаемъ, Вишневецкимъ Георгіемъ и др., и іезуиты скоро могли открыть въ ней преподаваніе высшихъ наукъ—философіи и богословія. По закрытіи іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, ради первенствующаго въ то время значенія Луцка на Волыни, намѣревалась открыть, вмѣсто коллегіи, окружныя школы, но въ 1780 г. пожаръ истребилъ всѣ іезуитскія зданія, а предложенное мѣстнымъ капитуломъ зданіе представляло удобство только для помѣщенія трехклассной школы. Мѣстная шляхта постоянно ропталa на приниженіе Луцка по школамъ предъ Кременцомъ, даже предъ Каменцомъ и Владиміромъ, и постоянно хлопотала о возведеніи луцкихъ школъ въ окружныя и шестиклассныя, но не успѣла въ томъ. Но что въ луцкихъ школахъ не былъ преподаваемъ французскій языкъ, въ этомъ очевидно всего болѣе виновата сама мѣстная шляхта.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Брошніовскій [1]), мѣстный проректоръ, который началъ его 1-го, окончилъ 4-го іюля. Выписывается изъ рапорта его слѣдующее.

Число учениковъ. Въ этомъ году было ихъ 165, но, вслѣдствіе замѣшательствъ и поступленія нѣкоторыхъ въ военную службу, это число уменьшилось до 144.

Посѣщеніе классовъ. Послѣ (обычной) рѣчи къ учителямъ, я началъ осмотръ съ 1 класса, продолжавшійся три съ половиною часа. Вопросы предлагаемы были мною и учителями высшихъ классовъ прежде всего по закону Божію, потомъ по священной исторіи, географіи, грамматикѣ, ариѳметикѣ. Ученики показывали тетради чистописанія, значительное число ихъ довольно хорошо начинаютъ писать. Испытаніе втораго класса продолжалось 4 часа. Въ теченіе этого времени, ученики рѣшали задачи ариѳметическія и алгебрическія, доказывали геометрическія положенія и практическія примѣненія ихъ, для чего излагали способы измѣренія мѣстностей, съ помощью столбиковъ, веревокъ, циркула, астролябіи и геометрическаго столика. По исторіи огородничества (естественной?) излагали способы разведенія растеній, различные способы устройства огородовъ, полезныя свойства нѣкоторыхъ мѣстныхъ травъ. По латинской прозѣ и поэзіи приводили примѣры (на правила), дѣлали переводы. По наукѣ нравственности, исторіи Персіи, Ассиріи и Греціи излагали преподан-

---

[1]) Въ наше время страннымъ казалось-бы поручать начальнику какого-либо учрежденія ревизію этого учрежденія, т. е. ревизовать и самого себя. Не то было время, когда поляки, устрашенные послѣдствіями шляхетской вольницы и неуваженія къ закону и соблазнившись примѣромъ Пруссіи, обязанной будто-бы своимъ благополучіемъ точности и аккуратности въ исполненіи закона, бросились во всѣхъ учрежденіяхъ подражать прусакамъ и, по неопытности въ этомъ дѣлѣ, попали въ крайность, заботясь главнымъ образомъ о формѣ и буквѣ закона,—зло, развитое въ особенности, послѣ одиннадцатилѣтняго подчиненія Пруссіи (1796—1806 г.), администраціей варшавскаго герцогства (Dzieje xięstwa warszawskiego, przez Fryderyka hr. Skarbka. Poznań, 1860). Въ настоящемъ случаѣ поводъ къ назначенію луцкаго проректора ревизоромъ луцкихъ-же школъ представляли тогдашнія народныя волненія на Волыни, точнѣе страхъ ожидаемаго народнаго возстанія, учрежденіе въ Луцкѣ слѣдственной коммисіи надъ заговорщиками (мнимыми), множество казней и истязаній, сосредоточеніе въ Луцкѣ войскъ, терроризація сосѣднихъ мѣстностей, по которой казалось небезопаснымъ постороннему лицу пробираться въ Луцкъ. По установленная ежегодная „генеральная визита“ должна же быть исполнена... Благо, ксендзъ Попель-Брошніовскій удачно воспользовался своею нежданною ролью и его *визита* луцкихъ школъ обстоятельнѣе и полнѣе всѣхъ другихъ, находящихся въ томъ-же рапортѣ генеральнаго визитатора.

ныя имъ свѣдѣнія. Испытаніе III класса продолжалось 4½ часа. Причиною этой продолжительности его были: обширность учебнаго матеріала и уменьшеніе охоты къ ученію въ значительной части учениковъ старшаго класса, какъ это стало обыкновеннымъ во всѣхъ школахъ. Отвѣты по краснорѣчію, римской исторіи, праву, изъ математическихъ наукъ по солидометріи, практической геометріи, физикѣ, домашнія упражненія и образцы рисованія дали доказательства пользы, полученной учениками отъ этихъ наукъ.

Иностранные языки. Въ этихъ трехклассныхъ школахъ преподается одинъ только нѣмецкій языкъ. Испытаніе въ немъ учениковъ продолжалось полтора часа. Всѣ ученики обязываются научиться хотя сколько-нибудь этому языку; кто изъ нихъ представитъ справедливыя причины, напр. неспособность, нежеланіе родителей, тотъ увольняется отъ изученія его.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ, предписанномъ уставомъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Сверхъ этихъ записей заведены: 1) особая книга, въ которую вписываются всѣ входящія и исходящія бумаги по кассовымъ и школьнымъ дѣламъ, по которымъ каждый разъ росписывается въ ней почтмейстеръ его королевской милости: 2) книга, въ которую вписываются всѣ ассигновки и росписки въ полученіи денегъ, отсылаемыя при описи въ главную кассу; принято имѣть копіи съ этихъ документовъ, посвидѣтельствованныя цѣлымъ собраніемъ служащихъ, дабы, въ случаѣ пропажи бумаги на почтѣ, или почты съ бумагами (?), можно было возстановить доказательства расхода; 3) книга о состояніи всѣхъ фундушевыхъ имѣній, равно и тѣхъ, на которыхъ числятся фундушевыя суммы, уплачивающихъ аренду и проценты въ луцкую кассу, именно—какія дѣла возникали между ними и фундушемъ, какія изъ нихъ покончены, а какія только начаты, что облегчитъ трудъ преемниковъ, освободивъ ихъ отъ необходимости рыться въ бумагахъ.

Книга, въ которой вписывались бы открытія и важные опыты, [1]) въ луцкихъ школахъ еще не заведена—частію потому, что учитель не имѣетъ (для опытовъ) времени, занимаясь съ учениками въ рекреаціонные дни то практической геометріей, то рисованіемъ и, служа въ школахъ, имѣющихъ только трехъ учителей, требуетъ больше времени для приготовленія,—частію

[1]) Рекомендуемая уставомъ и нигдѣ почти не встрѣчаемая нами по визитамъ.

же по недостатку физическихъ приборовъ и инструментовъ, изъ которыхъ въ здѣшнихъ школахъ нѣтъ ни одного.

Домъ, библіотека. Школьный домъ былъ довольно удобнымъ. Но постройка г. Гулевичемъ, луцкимъ хорунжимъ, собственнаго дома, всего въ разстояніи менѣе трехъ локтей отъ него, причинила ему неудобства: корридоры стали темными, снѣгъ падаетъ съ крыши этого дома на окна въ корридорѣ школьномъ и производитъ въ нихъ значительныя поврежденія; стокъ воды съ крышъ обоихъ домовъ въ узкое пространство между ними дѣлаетъ (школьный) домъ невыгоднымъ (по сырости?); постройка дымовыхъ трубъ между крышами его и школьнаго дома причиняетъ ему опасность отъ огня. Перемѣны въ школьной собственности (w inwentarzu) описаны въ особой вѣдомости, которая посылается при этомъ рапортѣ.

Что касается давней, по-іезуитской библіотеки, то собраніе служащихъ заявляло свое мнѣніе о ней, особенно во время генеральнаго осмотра въ 1786 году, о чемъ отмѣчено въ актѣ осмотра (визиты) подъ рубрикою: „домъ", именно, чтобы разрѣшено было разобрать оставшіяся въ ней книги[1]) и полезныя передать школамъ, а остальныя хотя бы кому-нибудь подарить, подъ какимъ-либо условіемъ. Но на это доселѣ нѣтъ разрѣшенія, хотя въ этихъ видахъ уже три раза посылаемъ былъ списокъ этихъ книгъ, какъ о томъ значится въ томъ-же актѣ осмотра. Объ этомъ разрѣшеніи и теперь просимъ, такъ какъ оно и соотвѣтствуетъ желанію капитула относительно перенесенія библіотеки, и недостатку мѣста для нея въ школьной библіотекѣ, и безполезными книгами не будетъ напрасно занято мѣсто.

Въ школьной библіотекѣ не имѣется ни одной необходимой для учителя физики книги по металлургіи и химіи. Если-бы въ другихъ школьныхъ библіотекахъ нашлись излишніе экземпляры такихъ книгъ, или имѣлись-бы дубликаты ихъ въ библіотекѣ Залусскихъ, принадлежащей Рѣчи Посполитой[2]), служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ прислать таковыя въ библіотеку ихъ.

---

[1]) Значительная часть іезуитской библіотеки сгорѣла во время пожара въ 1780 году.

[2]) Это—родовая библіотека графовъ Залусскихъ, собранная въ теченіи долгаго времени цѣлыми поколѣніями. Представители этого рода, братья Іосифъ, р.-к. епископъ кіевскій, и Андрей, епископъ варминскій, оба талантливые писатели (послѣдній за свое проповѣдническое краснорѣчіе прозванъ польскимъ Златоустомъ), свезли все свое ро-

Дворникъ (stróż domu) содержится. Такъ какъ содержаніе *ex sartis tectis* было бы обременительнымъ для этой суммы и къ ущербъ другимъ нуждамъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и школьнымъ слугою, и такимъ образомъ получаетъ *ex sartis tectis* только продовольствіе, а жалованье—изъ ученической складчины.

Экономическая часть ведется по указанію устава пресвѣтлой коммисіи. Проректоръ и учители вносятъ въ кассу опредѣленную часть жалованья, учители же по четвертямъ года завѣдываютъ столомъ. Въ концѣ каждой четверти представляется всему собранію отчетъ въ расходахъ, причемъ избирается новый провизоръ.

Списокъ бумагамъ, имѣющимся въ школьномъ архивѣ, не могъ быть составленъ въ прошломъ году, по причинамъ, изложеннымъ въ актѣ прошлогодняго осмотра, изготовленіе его было тогда только обѣщано. Въ исполненіе этого обѣщанія, посылаю нынѣ списокъ всѣхъ бумагъ этого архива.

Провинціальная касса содержится подъ двумя замками. Жалованье служащимъ исправно выплачивается изъ нея. Относительно исправности записей по приходамъ и расходамъ я не могу свидѣтельствовать о себѣ самомъ, но ссылаюсь на свидѣтельство г. Лелевеля, ливскаго чесника, генеральнаго кассира (коммисіи просвѣщенія), въ томъ, что въ нихъ не оказывалось никакой ошибки и неправды и такое засвидѣтельствованіе я получалъ послѣ каждаго представленія счетовъ отъ этого мужа, наиболѣе заботливаго объ интересахъ фундуша [1]).

Богослуженіе. Литургія совершается для учениковъ въ каѳедральномъ костелѣ. Въ воскресные и праздничные дни, послѣ литургіи, одинъ изъ ксендзовъ-доминикановъ даетъ старшимъ ученикамъ урокъ религіи. Вообще соблюдается все, что относится къ богослуженію.

довое книжное имущество въ Варшаву, построивъ для него особый дворецъ. Здѣсь они весьма значительно умножали его собственными пріобрѣтеніями и въ 1775 году Іосифъ Залусскій подарилъ его Рѣчи Посполитой для публичнаго пользованія. Это было одно изъ дорогихъ книгохранилищъ, по множеству печатныхъ изданій и рукописей. По взятіи Варшавы Суворовымъ, Екатерина II повелѣла перевезти эту библіотеку въ Петербургъ, гдѣ она (говорятъ—далеко неполная) доселѣ хранится, составляя часть императорской публичной библіотеки.

[1]) Янъ Снядецкій въ своихъ, извѣстныхъ уже намъ письмахъ, часто и сильно возмущается поступками этого генеральнаго кассира за отказъ краков. академіи въ суммахъ на самые необходимые предметы и за нѣкоторые непроизводительные расходы изъ этихъ суммъ.

Классы и науки. Въ классахъ было-бы больше учениковъ, притомъ болѣе усердныхъ и старательныхъ, если-бы а) введено было преподаваніе французскаго языка, такъ какъ ради изученія этого языка, родители помѣщаютъ своихъ дѣтей въ другія школы и ученики сами хлопочутъ о своемъ переводѣ въ такія школы; б) если-бы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія, по милостивому обѣщанію своему, прислала физическіе инструменты.

Испытанія производятся, какъ требуютъ постановленія. Не было однако экзаменовъ въ мартѣ по случаю произшедшей тревоги. Во время этой тревоги, школьная молодежь, взявшись за оружіе вмѣстѣ съ обывателями, содержала по ночамъ стражу доказавъ послѣднимъ, какихъ дѣятельныхъ защитниковъ будетъ имѣть въ ней отечество[1]). Публичныя испытанія бываютъ весьма многолюдны, такъ какъ въ это время обыкновенно производятся суды по имуществамъ (grodskie). Обыватели и духовенство не жалѣютъ о томъ времени, которое они привыкли дарить отличающейся (popisującej się) молодежи.

Конвиктъ. Конвиктъ для бѣдныхъ шляхетскихъ дѣтей пресвѣтлая коммисія просвѣщенія открыла только въ текущемъ году. Учениковъ въ немъ 18. Всѣ они приняты съ разрѣшенія пресвѣтлой коммисіи, именно: Матвѣй Жураковскій, Іосифъ Словацкій, Петръ Жулинскій, Николай Ярковскій, Янъ Корженевскій, Алоизій Змѣевскій, Павелъ Метлинскій, Каетанъ Кобылинскій, Іосифъ Андреевскій, Викентій Барбовскій, Раймундъ Барбовскій, Іосифъ Ющинскій, Ѳома Русиловичъ, Антоній Хшонщковскій, Францишекъ Карбовскій, Игнатій Тышецкій, Андрей Лопушанскій, Доминикъ Глинскій. Изъ числа этихъ учениковъ, г. Іосифъ Ющинскій не оказываетъ ни усердія, ни успѣховъ, ни доброй нравственности, а потому необходимо удалить его, чтобы онъ не занималъ напрасно мѣста, которое принесло-бы другому пользу, соотвѣтственно видамъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Вѣдомость о конвикторахъ составляется такимъ образомъ: она раздѣлена на четыре части: въ первую часть вписываются всѣ денежныя выдачи

---

[1]) Первыя вѣсти о готовящемся пороховомъ возстаніи появились въ Дубнѣ во время *контрактовъ* (февр.). Слишкомъ свѣжа еще была память о возстаніи подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка (1768 г.). Февраль, особенно мартъ были наиболѣе тревожнымъ временемъ, пока поляки не убѣдились, что никакого возстанія нѣтъ и что можно спокойно вымещать свою тревогу на русскомъ населеніи, за высказываемыя имъ надежды на русскую императрицу.

по контрактамъ съ хозяевами, мастеровыми и аптекарями; въ другую—расходы на покупку матеріаловъ, какъ-то: сукна, полотна и бумаги; въ третьей записывается все то, что выдается каждому конвикгору на счетъ фундуша и каждому директору для нуждъ цѣлой квартиры; въ четвертой части каждый конвикторъ самъ вписываетъ годъ и день своего поступленія въ конвиктъ. Конвикторы квартируютъ въ трехъ комнатахъ, по шести въ каждой, имѣютъ трехъ директоровъ, являются (проректору) ежедневно. Всѣ нужды ихъ удовлетворяются. Словомъ, я старался всецѣло исполнить постановленія о нихъ пресвѣтлой коммисіи.

Директоры. Всѣ послушны, а нѣкоторые вполнѣ способны и старательны. Было-бы между ними больше способныхъ, если бы обыватели согласились вносить плату за нихъ на руки проректора. Но обыватели не соглашаются на это, потому что они привыкли то выплачивать имъ деньги по частямъ, что для нихъ легче, то расплачиваться платьемъ, поясами, полотномъ или другими предметами.

Приходскія школы. По условію съ окружнымъ ректоромъ, луцкій проректоръ обязанъ осматривать школу въ Берестечкѣ [1]). Актъ осмотра этой школы отосланъ окружному ректору.

Физическое воспитаніе. Соотвѣтственно предписаніямъ, въ прежніе годы я хотѣлъ ввести военныя упражненія; но тому препятствовало отсутствіе въ Луцкѣ всякаго войска и невозможность устроить обмундированіе. Въ нынѣшнемъ страшномъ году, по случаю возникшаго бунта, въ Луцкѣ появились войска, обыватели надѣли военную форму, которою легко было увлечь учениковъ, хотя еще и не всѣхъ. Военныя упражненія начаты съ учениковъ фундушевыхъ; къ нимъ присоединились и другіе. Устроивъ для фундушевыхъ учениковъ военныя принадлежности, я тѣмъ самимъ только предупредилъ милостивое разрѣшеніе пресвѣтлой коммисіи и не жалѣю объ этомъ расходѣ, не ожидаю даже одобренія (подтвержденія) его, находя полное удовлетвореніе для себя въ пользѣ молодежи, въ довольствѣ обывателей, въ репутаціи школъ и въ сознаніи того, что я исполнилъ мысль и волю пресвѣтлой

---

[1]) Въ *визитѣ* 1793 г. по этому предмету выражено: „z tych żadnych niemasz ani w Łucku, ani w bliskiej okolicy". Лукашевичъ говоритъ (т. IV, стр. 278), что въ Берестечкѣ существовала школа тринитаріевъ въ составѣ подъокружныхъ школъ и въ 1787 году посѣщена была королемъ Понятовскимъ. Очевидно, что это была частная школа.

коммисіи просвѣщенія. Въ рекреаціонное время ученики заняты или военными упражненіями, или практическою геометріей и такимъ образомъ играя учатся и учась играютъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями, они играютъ въ мячъ, бѣгаютъ въ перегонку. Оберегаются отъ всякихъ нѣжностей (miękkosci i pieszczot). Не смотря на это, многіе ученики болѣли гнилой горячкой и лихорадкой, а отъ потворства родителей, дозволяющихъ дѣтямъ употребленіе даже вредныхъ предметовъ, одинъ изъ учениковъ умеръ отъ гнилой горячки[1]).

Ученики награжденные медалями. На основаніи произведенной мною повѣрки успѣховъ и по разсмотрѣніи вѣдомостей о мѣсячныхъ испытаніяхъ, признаны заслуживающими серебрянаго подарка его королевской милости: Яковъ Опатовскій и Иванъ Гульпановскій, ученики III класса.

Препятствія успѣхамъ ученія. Въ Луцкѣ одинъ изъ латинскихъ каѳедральныхъ викарныхъ ксендзовъ учитъ каѳедральныхъ аколитовъ[2]) латыни давнимъ способомъ, чего нельзя запретить ему, потому что аколиты составляютъ отдѣленіе (низшее) семинаріи и должны поступать въ семинарію. Но въ школу аколитовъ онъ принимаетъ и дѣтей обывательскихъ, на что онъ не имѣетъ права, потому что этимъ способомъ школа его является соперницей нашихъ школъ. Ксендзы тринитары также обучаютъ двухъ шляхетскихъ дѣтей. Изъ этихъ учениковъ одинъ—племянникъ ксендза - провинціала, прибывшій изъ за-кордона, а потому обученіе его можетъ считаться домашнимъ, но другой не могъ быть принятъ. Точно также ксендзы - доминикане и ксендзы - кармелиты частію занимаются обученіемъ. Это приводитъ къ мысли, что монахи апостольствуютъ противъ образованія. Кажется необходимо, чтобы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія разослала циркуляръ всѣмъ ксендзамъ - провинціаламъ монашескихъ орденовъ, съ воспрещеніемъ монахамъ обучать дѣтей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются публичныя школы, и съ внушеніемъ имъ,

---

[1]) Извѣстно, что въ Луцкѣ эти болѣзни доселѣ господствуютъ, особенно весною, отъ сосѣдства болотъ по рѣкѣ Стыри.

[2]) Аколиты—приготовляющіеся въ клерики, въ составъ церковнаго клира. Малоспособные изъ нихъ поступали на низшія службы церковныя, болѣе способные—въ семинарію.

дабы они не брались за обученіе тѣхъ наукъ, въ которыхъ ничего не понимаютъ [1]).

Пособія образованію. Разумѣю двоякое образованіе: общее или безъотносительное и то, которое существуетъ въ практикѣ школьной (osób stanu akademickiego). Что касается перваго, то образцовый уставъ, изданный просвѣтлою коммисіей просвѣщенія и возбуждающій удивленіе даже въ людяхъ предубѣжденныхъ, прекрасно устроилъ все, что приводило бы его къ найвысшему совершенству. Уставъ тѣмъ скорѣе и прочнѣе достигнетъ своей цѣли, чѣмъ скорѣе эдукаціонный фундушъ снабдитъ школы такъ необходимыми для нихъ и милостиво обѣщанными имъ физическими и математическими инструментами. Но кромѣ сего, для достиженія этой цѣли, необходима бо́льшая субординація служащихъ въ отношеніи къ школьному начальству. Я не могу жаловаться на здѣшнее собраніе (учительское), какъ не жаловался и во время прошлогодней ревизіи. Мужъ просвѣщенный, знаменитый по своимъ высокимъ талантамъ и любящій порядокъ, визитаторъ (генеральный) Крусинскій былъ свидѣтелемъ согласія и взаимнаго почтенія въ здѣшнемъ собраніи, о чемъ мы заботились и въ теченіи настоящаго года. Но что въ другихъ собраніяхъ происходятъ несогласія и раздоры, этого нельзя скрыть, не смотря на узаконенный по этимъ дѣламъ секретъ [2]). Эти раздоры, происходящіе отъ недостатка субординаціи, приноситъ дѣлу образованія только вредъ. По моему мнѣнію, которое представляю на усмотрѣніе высшей власти, право суда надъ начальникомъ школы, присвоенное [3]) себѣ нѣкоторыми учительскими со-

---

[1]) Подобные отзывы, часто въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ, читаемъ и въ другихъ визитахъ. Но монашествующая братія упорно отказывается отъ исполненія распоряженій коммисіи просвѣщенія, продолжаетъ содержать школы и учитъ по старинѣ. Генеральный визитаторъ 1790 г. Крусинскій, донося о нѣкоторыхъ такихъ школахъ въ Малой Польшѣ, свидѣтельствуетъ, что обыватели во имя стараго обученія охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ монашескія школы, и предлагаетъ употребить всѣ средства, чтобы „примѣрно наказать (монаховъ) за такое публичное поруганіе надъ образованіемъ“. Обѣ стороны — старина и новизна не уступали другъ другу въ фанатизмѣ.

[2]) Уставъ 1783 г., гл. 24, п. 13 требуетъ содержать въ тайнѣ всѣ разбирательства и постановленія въ школьныхъ судебныхъ засѣданіяхъ и за выдачу секрета подвергаетъ виновныхъ самымъ строгимъ взысканіямъ.

[3]) Авторъ очевидно игнорируетъ 12 и. 24 гл. устава, предоставляющій это право учительскому собранію.

братіями, должно быть отнято отъ нихъ. Если преступленіе начальника не такого свойства, чтобы немедленно судить его, то собранію слѣдовало бы отложить свою жалобу до времени генеральной или окружной визитаціи. Если же преступленіе требуетъ немедленнаго суда, въ такомъ случаѣ слѣдовало собранію ограничиться только довесеніемъ о немъ главной школѣ, такъ какъ и теперь постановленіе собранія (по этимъ дѣламъ) ничего не значитъ безъ утвержденія со стороны главной школы, въ противномъ случаѣ собраніе было бы и обвинителемъ и судьею. Главная школа въ такомъ случаѣ назначила бы коммисію или изъ сосѣднихъ обывателей, или изъ членовъ сосѣдняго учебнаго заведенія, или изъ среды эмеритовъ. Расходы на нужды такой коммисіи должна была бы уплотить сторона виновная. Этимъ способомъ устранялись бы неприличные раздоры и возникающее изъ нихъ, явно вредное для дѣла образованія, неповиновеніе.

Еще: я никогда не откажусь отъ моего мнѣнія, что необходимо всѣми мѣрами заботиться объ увеличеніи учениковъ въ школахъ академическихъ (подчиненныхъ академіи, т. е. главной школѣ) Эдукаціонный фундушъ непремѣнно долженъ имѣть своихъ благопріятелей и охранителей. Такихъ друзей онъ не можетъ ожидать для себя въ дѣтяхъ, воспитывающихся въ монашескихъ школахъ, или можетъ имѣть таковыхъ изъ нихъ въ крайне ограниченномъ числѣ. Привычка производитъ то, что люди гораздо болѣе расположены чувствовать любовь и благодарность къ учрежденію, непосредственно воспитавшему ихъ, чѣмъ къ такимъ (учрежденіямъ и лицамъ), которыя хотя бы и благотворнѣе, но болѣе отдаленно вліяли на образованіе ихъ. Это подтверждается и на Волыни. Гдѣ обыватели преимущественно отдаютъ дѣтей въ монашескія школы, тамъ и болѣе всего нареканій на эдукаціонный фундушъ (на образованіе, установленное на счетъ этого фундуша). Такого рода обывателей—судей нужно ожидать и въ будущемъ, потому что (молодое поколѣніе), слушая толки родителей и получивъ воспитаніе большею частію (!) у монаховъ, будетъ въ особенности отстаивать монаховъ.

По этой-то причинѣ, заставши въ луцкихъ школахъ, при вступленіи въ должность префекта ихъ 1781 года, всего около 50 учениковъ, какъ это значится въ актѣ визитаціи 1782 года, я старался привлечь какъ можно болѣе учениковъ въ эти школы. Теперь ихъ уже больше 160. Больше сего я не могъ сдѣлать, потому что не было помощи. Если какія, то преимущественно

луцкія школы должны получить помощь въ привлеченіи возможно большаго числа учениковъ—по слѣдующимъ причинамъ:

1) Луцкъ служитъ главнымъ городомъ (miasto stołeczne) одного изъ первыхъ воеводствъ, по числу обывателей, богатыхъ, служащихъ и имѣющихъ большое значеніе въ Рѣчи Посполитой.

2) Это самый многолюдный городъ (на Волыни), въ немъ происходятъ самые видные съѣзды воеводскіе. Въ другихъ городахъ происходятъ только повѣтовые съѣзды, а въ Луцкѣ и повѣтовые и общіе (генеральные, цѣлаго воеводства). Здѣсь-же состоитъ и коммисія порядка [1]).

3) Нужно ожидать гораздо болѣе людныхъ съѣздовъ въ Луцкѣ, потому что воеводство настаиваетъ на перенесеніи въ него или контрактовъ изъ Дубна, или части трибунала [2]).

4) Луцкія школы болѣе всѣхъ другихъ имѣютъ сосѣдей-товарищей. Повѣты владимірскій и кременецкій имѣютъ только по одному учебному заведенію, а въ луцкомъ повѣтѣ ихъ четыре: въ Луцкѣ, Олыкѣ, Острогѣ и Межирѣчьи. Недалеко отъ Луцка и домбровицкія школы, принадлежащія къ литовскому (академическому) округу. При такомъ (близкомъ другъ отъ друга) положеніи школъ, ученики не могутъ склоняться къ школамъ академическимъ, если не будутъ чувствовать особливаго понужденія къ тому и если они имѣютъ болѣе побужденій предпочитать иныя школы [3]).

Способы и средства возбудить расположеніе учениковъ къ луцкимъ школамъ могли бы быть слѣдующіе:

1) Помимо всего, эти школы имѣли-бы несравненно болѣе учениковъ, если-бы, имѣя въ прежнее время шесть учителей, не были, послѣ пожара, ограничены тремя учителями. Десятки разъ приходилось объяснять обывателямъ, что дѣти одинаковую пользу

---

[1]) Подходятъ къ нашему губернскому правленію.

[2]) Трибуналъ волынскаго и украинскаго воеводствъ продолжалъ оставаться въ Люблинѣ.

[3]) Признаніе довольно знаменательное, показывающее сильное нерасположеніе въ шляхтѣ къ новымъ школамъ (академическимъ) и предпочтеніе школъ монашескихъ. Школы олыцкія и острожскія состояли въ вѣдѣніи базиліанъ, межирѣчскія въ вѣдѣніи піаристовъ. Замѣчательно, что, не смотря на униженіе базиліанъ коммисіей просвѣщенія и на дѣйствительное пониженіе въ нихъ образованія, эти школы всегда были переполнены шляхетскими дѣтьми. Причины тому—простота базиліанъ и вѣрность старымъ школьнымъ порядкамъ.

получаютъ въ школахъ при трехъ, какъ и при шести учителяхъ, и что въ тѣхъ и другихъ школахъ преподаются одни и тѣ-же уроки. Но обыватели не хотятъ вѣрить этому, утверждая, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другой получасъ съ второгодичными, по неволѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми-же учениками. Это соображеніе побудило обывателей на прошлогодныхъ сеймикахъ постановить просить пресвѣтлую коммисію объ увеличеніи числа учителей въ луцкихъ школахъ. Объ этомъ были-бы разсужденія и на нынѣшнихъ сеймикахъ, если бы я не употребилъ противъ этого стараній.

Однако это средство къ увеличенію числа учениковъ уже несвоевременно, такъ какъ оно не могло бы быть исполнено безъ покупки у каѳедры части зданій и безъ пристройки къ нынѣшнему школьному зданію, хотя каѳедра охотно и благородно склонилась-бы къ этимъ нуждамъ луцкихъ школъ. Но что сокращеніе числа учителей служитъ причиною малочисленности учениковъ, а въ нихъ и будущихъ ревнителей эдукаціоннаго фундуша, это остается безусловно правдою.

2) Другимъ средствомъ къ привлеченію учениковъ въ луцкія школы послужило-бы установленіе въ нихъ французскаго языка. Правда, что здѣсь болѣе нуждаются въ нѣмецкомъ языкѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ австрійскимъ пограничьемъ; но обыватели повсюду признаютъ, что французскій языкъ болѣе пріятенъ и что въ французскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ нѣмецкихъ. Я самъ видѣлъ, какъ ученики ѣдутъ чрезъ Луцкъ во Владиміръ, поступая въ эти послѣднія школы единственно ради обученія въ нихъ французскому языку. Многіе ученики хотѣли послѣ вакацій оставить луцкія школы, особенно изъ круга паничей (paniąt), которыхъ слѣдовало-бы заранѣе располагать къ учебному вѣдомству; я удержалъ ихъ только надеждою на то, что съ началомъ учебнаго года будетъ назначенъ учитель французскаго языка, чѣмъ удовлетворены будутъ ожиданія обывателей. Если я обманусь въ этой надеждѣ, то перестану уже и питать ее [1]).

---

[1]) Заботливому автору пришлось обмануться не только въ этой надеждѣ, но и во всѣхъ другихъ своихъ стараніяхъ относительно луцкихъ школъ. До конца этого періода не произошло никакихъ улучшеній въ этихъ школахъ. Самъ авторъ переведенъ

3) Учрежденіе одной золотой медали для здѣшнихъ школъ также послужило бы вышеозначенной цѣли. Награда, надъ которою есть еще высшая, никогда не удовлетворитъ благороднаго стремленія къ найвысшей наградѣ. Золотая медаль, будучи найвысшею наградою, располагаетъ къ усиліямъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ себя способнымъ заслужить ее и имѣетъ средства на путешествіе къ инымъ школамъ (высшимъ). По этому самому золотая медаль отвлекаетъ (отъ луцкихъ школъ) всѣхъ, обладающихъ и бо́льшими умственными способностями, и бо́льшимъ состояніемъ, а между тѣмъ академическое сословіе отъ первыхъ имѣетъ найлучшую для себя репутацію, а отъ другихъ при случаѣ получаетъ найбольшую поддержку.

4) Закрытіе конвиктовъ при школахъ, содержимыхъ монахами и имѣющихъ достаточный фундушъ, привлекло бы въ академическія школы много паничей. Межирѣчскія школы (піарскія), получающія, въ прибавку къ давней ихъ фундаціи, 2000 злотыхъ изъ суммъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, равно какъ и школы острожскія, получающія такую же прибавку, должны бы подчиняться постановленію, воспрещающему принимать учениковъ къ общему столу [1]). То-же нужно сказать и о школахъ домбовицкихъ. Если бы послѣдовало такое распоряженіе, то, я увѣренъ, большая часть обывателей предпочитала бы содержать своихъ дѣтей въ городахъ казенныхъ (publicznych), а не въ помѣщичьихъ [2]).

Я изложилъ эти способы и средства (къ увеличенію числа учащихся въ академическихъ школахъ) на основаніи собственнаго убѣжденія, повѣреннаго опытомъ, въ безошибочности ихъ.

Мнѣ остается еще сказать о томъ, что, по мнѣнію обывателей, увеличило бы почтеніе и довѣріе къ академическому сословію.

Вѣрно и несомнѣнно, что платье не вліяетъ на свойства души; но вѣрно и то, что въ настоящее время народъ обра-

---

былъ на другое мѣсто, а проректоромъ луцкихъ школъ назначенъ ксендзъ Прушинскій, о которомъ генеральный визитаторъ 1792 года говоритъ, что онъ „страдаетъ запоемъ, на соблазнъ ученикамъ“ и что по винѣ его въ школахъ много безпорядковъ. Учениковъ въ этомъ году было 140.

[1]) Авторъ придирается къ монахамъ. Запрещеніе принимать учениковъ къ общему учительскому столу едва-ли приложимо къ монашеской трапезѣ, происходившей при иныхъ условіяхъ, на основаніи монашескихъ уставовъ.

[2]) Каковыми были: Межирѣчье, Острогъ и др.

щаетъ вниманіе на платье. Если такъ дѣлается теперь въ Варшавѣ, то на Волыни гораздо давнѣе и упорнѣе загляды̀ваются на платье и соразмѣряютъ съ нимъ степень почтенія. Я не писалъ бы объ этомъ по обязанности визитатора, если бы мнѣ не говорили о томъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ многіе обыватели и дамы. Умолчать объ этомъ я считаю неприличнымъ и несообразнымъ съ инструкціей главной школы коронной.

Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одни обыватели осмѣлились въ насмѣшку называть учителей лакеями, а другіе наивно, въ полномъ невѣдѣніи, спрашивали (встрѣчныхъ или приходившихъ къ нимъ учителей), изъ какого они двора (панскаго). Фракъ и прежде не вызывалъ никакого уваженія въ здѣшнихъ мѣстахъ; тѣмъ менѣе уваженія къ нему теперь, когда г. Корженевичъ, выгнанный изъ рожинской семинаріи [1]), одѣвшись въ костюмъ аббата (in abbe) [2]), бродилъ по Луцку, въ кругу неприличной компаніи. По совѣту съ учителями, я посылалъ къ нему съ требованіемъ или снять этотъ костюмъ, или предъявить патентъ на право ношенія его. Послѣ такого требованія, онъ уѣхалъ изъ Луцка, но въ Острогѣ, по подозрѣнію въ участіи въ бунтѣ, высидѣлъ нѣсколько недѣль подъ арестомъ.

Такъ какъ уваженіе, сочувствіе и почтеніе къ академическому сословію со стороны обывателей, особенно въ здѣшнихъ мѣстахъ, возможны только подъ условіемъ ношенія учителями духовнаго платья (sukni klerickiej) и если ношеніе этого платья не обязываетъ учители поступать въ ксендзы, то я полагалъ бы необходимымъ подтвердить это учителямъ, предостерегая только, чтобы учители не были обязываемы участвовать въ процессіяхъ и посвящать опредѣленные часы колѣнопреклоненіямъ [3]).

---

[1]) Объ этой семинаріи мы не встрѣчали свѣдѣній.

[2]) Распространившееся въ то время изъ Франціи пренебреженіе къ духовному сословію и къ костюму духовенства побуждало свѣтскихъ учителей обходить постановленіе коммисіи просвѣщенія объ академической формѣ и замѣнять ее костюмомъ, придуманнымъ либеральными французскими аббатами, именно—короткою сутаною съ вырѣзкой спереди на подобіе тогдашнихъ французскихъ аристократическихъ мундировъ или парадныхъ сюртуковъ. Сельская шляхта, тосковавшая по іезуитахъ, глумилась надъ новымъ костюмомъ учителей, приравнивая его къ входившей тогда въ моду ливреѣ для лакеевъ. Нѣкоторые изъ учителей предпочитали носить нѣмецкій фракъ. Тотъ и другой костюмъ шляхта одинаково признавала ненавистнымъ ей фракомъ (fraczek).

[3]) Коммисія просвѣщенія обратила вниманіе на это заявленіе и въ томъ-же году настойчиво подтвердила свое требованіе относительно общаго учительскаго стола и ду-

Благодѣтели школъ. Эдукаціонный фундушъ имѣетъ въ луцкомъ повѣтѣ много враговъ, но не мало есть и друзей образованія, которые бываютъ на публичныхъ экзаменахъ, хвалятъ систему обученія и выражаютъ благодарность пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія. Ясневельможный Филиппъ Олизаръ, литовскій подчашій, кавалеръ польскихъ орденовъ, показалъ себя истиннымъ благодѣтелемъ, защищая въ средѣ обывателей существованіе (отдѣльнаго) эдукаціоннаго фундуша и академическаго сословія. Таковъ и ясневельможный Каэтанъ Волчкевичъ-Олизаръ, камергеръ его королевской милости, кавалеръ ордена св. Станислава, который на прошлогоднемъ публичномъ экзаменѣ раздавалъ медали, сказалъ рѣчь въ похвалу учащихъ и пригласилъ ихъ, вмѣстѣ съ лучшими учениками и собраніемъ обывателей, на великолѣпный ужинъ.

По порученію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, я письменно выразилъ ксендзу Кучковскому, луцкому (каѳедральному) писарю, благодарность за постройку дома для элементарной школы.

Посторонніе свѣдѣнія (wiadomości poboczne). Въ школахъ межирѣчскихъ (піарскихъ) и острожскихъ (базиліанскихъ) заведены театральныя представленія. Такъ какъ онѣ не имѣютъ основанія въ уставѣ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, отнимаютъ много учебнаго времени и влекутъ за собою нѣкоторые неприличные и непріятные случаи, то онѣ должны быть воспрещены. Въ Житомірѣ появился манифестъ противъ ксендзовъ—піаристовъ межирѣчскихъ, по поводу смерти конвиктора ихъ г. Галецкаго, происшедшей оттого, что его, больнаго, вывели на сцену, гдѣ ему по причинѣ слабости сдѣлалось дурно, а скоро затѣмъ онъ умеръ. Можетъ быть они оправдаются въ этомъ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ несли бы справедливый упрекъ въ томъ, что не сообразуются съ уставомъ. По моему мнѣнію, монашескія школы не должны пользоваться никакими привиллегіями сравнительно со школами академическими. Если суммы ихъ недостаточны для содержанія шести учителей, то лучше ограничить ихъ тремя или четырмя учителями, чѣмъ нарушать для нихъ уставъ[1]).

ховнаго платья. Визитаторъ 1790 года пишетъ, что предписаніе относительно стола еще не всюду соблюдается, а сутаны не носитъ только учитель математики въ ленчицкихъ школахъ.

[1]) Нарушеніе устава въ этомъ случаѣ авторъ видитъ въ томъ, что нѣкоторымъ монашескимъ общинамъ дозволялось имѣть въ своихъ подъокружныхъ школахъ по шести учителей.

Распоряженія. 1) Распоряженія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и главной школы, записавъ въ особую книгу, оставляю къ исполненію. 2) Поручаю торжественно совершать открытіе ученія (начало новаго учебнаго года) непремѣнно въ день, назначенный для этого уставомъ, т. е. 29 сентября. 3) Книга совѣтскихъ засѣданій должна быть приносима на каждое засѣданіе и тутъ-же въ нее должны быть вписываемы протоколы совѣщаній. 4) Я просилъ гг. учителей, дабы они и въ будущемъ такъ-же тщательно заботились о пользѣ молодежи, какъ заботились о ней доселѣ.

Желанія. 1) Служащіе въ луцкихъ школахъ просятъ главную школу ходатайствовать предъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія, дабы она распорядилась поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Служащіе просятъ также объясненій къ статистической таблицѣ воеводствъ (одинъ экземпляръ этихъ таблицъ я отослалъ во владимірскія школы, другой оставилъ въ луцкихъ школахъ), именно—для чего предназначаются онѣ: для составленія ли географической карты, или всеобщей переписи, или регулированія податей. Это объясненіе необходимо для того, чтобы требуемое о нихъ мнѣніе наиболѣе соотвѣтствовало цѣли ихъ[1]). Для составленія географической карты эта таблица не годится, такъ какъ квадратныя мили высчитаны только по географическимъ картамъ (существующимъ). Чтобы она полезна была для составленія всеобщей переписи, необходимо раздѣлить въ ней свѣтскія сословія отъ духовныхъ и внести особую графу о жидовскихъ кагалахъ и о числѣ лицъ этого населенія. Эта послѣдняя графа полезна была бы и при установленіи податей, потому что этотъ народъ уплачиваетъ подати соразмѣрно съ количествомъ своего населенія, равно какъ и при опредѣленіи пропорціи между войскомъ и населеніемъ, причемъ жидовское населеніе не принимается въ разсчетъ, потому что жиды не рѣшаются служить въ войскѣ. Необходимо также отвести особую

[1]) Польское правительство заботилось въ то время о выработкѣ программы для составленія подробной статистики Рѣчи Посполитой. Упоминаемыя здѣсь таблицы были бѣглымъ опытомъ, о которомъ собирались мнѣнія. Вслѣдъ затѣмъ образована особая военная коммисія съ спеціальною задачею статистическаго описанія всѣхъ воеводствъ. Эта коммисія начала свои занятія затребованіемъ отъ всѣхъ городовъ, учрежденій и помѣщиковъ необходимыхъ свѣдѣній. Но ея дѣйствія пріостановлены были вторымъ раздѣломъ Польши.

графу для такого класса, который, хотя и не имѣетъ постояннаго мѣста жительства, но и не есть праздношатающійся, напр. бочари, копальщики, рабочіе въ соляныхъ копяхъ, торговцы въ разноску, рудокопы и т. п.

Конецъ. Осмотръ оконченъ прочтеніемъ распоряженій и убѣжденіемъ учителей къ неослабному исполненію своихъ обязанностей.

Перемѣны въ личномъ составѣ. Никакихъ перемѣнъ не было. Самою необходимою была бы та перемѣна, по которой луцкія школы, по милостивому распоряженію пресвѣтлой коммиссіи просвѣщенія, получили бы еще трехъ учителей и преподавателя французскаго языка.

(Окончаніе будетъ).

МАНИФЕСТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

къ православному населенію Польши, выданный 9 іюля 1768 года.

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 713, хранится рукописный сборникъ, озаглавленный „*Acta publica Poloniae 1764—1768 an.*“ и содержащій многочисленные матеріалы, относящіеся по преимуществу къ исторіи Барской конфедераціи. Среди разнородныхъ документовъ, на листахъ 137 — 139 записанъ въ польскомъ переводѣ манифестъ императрицы Екатерины II къ православному населенію Польши, по поводу народнаго возстанія въ Украйнѣ 1768 года. Этотъ манифестъ ясно устанавливаетъ ту точку зрѣнія, на которой стояло русское правительство по отношенію къ народному возстанію, охватившему польскую Украину въ то время, и проведенный въ немъ взглядъ является діаметрально противуположнымъ тому, который предполагали польскіе мемуаристы XVIII и многіе писатели XIX столѣтія, утверждавшіе, что существовала грамота императрицы, но совершенно иного содержанія. Мы представляемъ текстъ этого манифеста, переложивъ его обратно съ польскаго на русскій языкъ, какъ документъ, имѣющій большое значеніе въ исторіи такъ называемой „Коліивщины“ и рисующій отчасти тогдашнія наши международныя отношенія.

Божіею милостію Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ греко-восточнаго православнаго исповѣданія единовѣрцамъ, жительствующимъ въ державѣ свѣтлѣй-

шей польской Рѣчи Посполитой, особенно-же въ воеводствахъ кіевскомъ, подольскомъ, волынскомъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, къ которымъ сіе наше объявленіе относиться можетъ.

Когда Мы уповали узрѣть вскорѣ желанные плоды Нашихъ усилій и успѣховъ, направленныхъ къ пользѣ православной грекороссійской церкви въ предѣлахъ державы Рѣчи Посполитой польской, особенно послѣ разгрома возставшихъ въ Барѣ возмутителей, враговъ какъ Нашей церкви, такъ и собственнаго отечества, въ это именно время Мы принуждены, съ крайнимъ нашимъ прискорбіемъ, слышать, что единовѣрцы Наши, вмѣсто того, чтобы, принося Всевышнему должную хвалу, спокойно стали пользоваться равенствомъ всѣхъ гражданскихъ правъ, доставленныхъ имъ въ ихъ отечествѣ, еще не испытавъ оныхъ, учали сами творить новые безпорядки; особенно-же крестьяне, отвергнувъ должное повиновеніе какъ начальству, такъ и своимъ помѣщикамъ, затѣяли въ разныхъ мѣстахъ убійства и другія богопротивныя насилія. Извѣстно Намъ, что возставъ, по примѣру Барской смуты, противъ законнаго начальства, грѣшатъ они по невѣжеству и еще болѣе вслѣдствіе обмана шайки разбойниковъ, которая, выдавая себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто командированный по Нашему приказу, не только сама въ разныхъ мѣстахъ чинитъ грабежи, опустошенія и убійства, но приводитъ еще въ свое сообщество неповинныхъ сельскихъ обывателей, показывая ложные указы, якобы данные отъ Нашего имени. Поелику сія дерзость разбойничей шайки достойна примѣрнаго наказанія, Мы приказали неотложно всѣмъ начальникамъ войскъ Нашихъ, находящимся какъ въ Польшѣ, такъ и на ея границахъ, дабы они приложили всякое тщаніе къ поимкѣ и искорененію сихъ разбойниковъ и ихъ сообщниковъ, дабы они могли быть преданы должной карѣ. Не желаемъ однако равную мѣру наказанія прилагать какъ къ зачинщикамъ зла, такъ и къ тѣмъ, которые ими введены были въ заблужденіе подложными Нашими указами, или-же побуждены были претерпѣваемыми въ послѣднее время или раньше обидами со стороны лицъ, принадлежащихъ къ господствующему въ томъ государствѣ исповѣданію; и потому Мы соизволили, прежде чѣмъ примѣнены къ нимъ будутъ мѣры крайней строгости, объявить имъ для разъясненія и спасенія ихъ отъ неминуемой погибели, должен-

ствующей ихъ постигнуть, въ случаѣ, еслибы они оказались упорными въ своемъ злодѣйствѣ, нижеслѣдующее:

1) Что никто Нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ Нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ сограждан другихъ исповѣданій.

2) Что, слѣдовательно, лица, выдающія себя за отрядъ Нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный Нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нарушители общественнаго спокойствія.

3) Что всѣ таковые разбойники отъ военныхъ Нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары.

4) Что тѣ, которые вошли съ ними въ сообщество, вслѣдствіе заблужденія или изъ чувства мести, могутъ еще снискать помилованіе и забвеніе прошлаго, если немедленно возвратятся мирно въ дома свои и жилища, воздержатся совершенно отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ и беззаконій и возвратятся къ обязанностямъ своего состоянія и въ совершенное повиновеніе своимъ помѣщикамъ и Рѣчи Посполитой, какъ отъ Бога установленной верховной надъ ними власти.

5) Тѣ, которые сами принимали участіе въ убійствахъ и насиліяхъ, могутъ еще также снискать помилованіе, если, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, сами помогутъ въ поимкѣ зачинщиковъ, и представятъ таковыхъ ближайшимъ командамъ войскъ Нашихъ.

6) Наконецъ, если мятежные крестьяне, не прекратятъ безпорядковъ немедленно послѣ опубликованія своего манифеста, то въ такомъ случаѣ, они окажутся противными Нашей волѣ и справедливости и навлекутъ на себя всѣ тяжелыя послѣдствія Нашей немилости.

Понеже Мы, по скольку всегда полагали и будемъ полагать себѣ въ долгъ заступничество и защиту нашихъ единовѣрцевъ въ ихъ отечествѣ, доставивъ имъ нынѣ законное уравненіе правъ съ ихъ согражданами, исповѣдующими господствующую вѣру, по стольку-же считаемъ необходимою принадлежностью Нашей монаршей власти оберегать справедливыя пожеланія Рѣчи Посполитой,

съ которой Мы состоимъ въ союзѣ, тѣсной дружбѣ и которой Мы дали вѣчное поручительство оберегать ея образъ правленія, спокойствіе и ненарушимость правъ, постановленныхъ на послѣднемъ варшавскомъ сеймѣ, малѣйшее нарушеніе которыхъ будемъ всегда считать наравнѣ съ обидою, причиненною государству Намъ отъ Бога порученному: затѣмъ возлагаемъ надежду на разсудительность и чувства благодарности къ Намъ единовѣрныхъ съ Нами обывателей польскихъ областей, и не сомнѣваемся, что они будутъ поступать согласно со словами сего манифеста, имѣющаго цѣлью лишь ихъ справедливую пользу и счастіе; такимъ поведеніемъ они заявятъ себя истинными и послушными сынами православной церкви, достойными Нашего покровительства и въ предбудущее время. Данъ въ Петергофѣ 9 іюля 1768 года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: *Екатерина.*

(М. П.).

ЭКСТРЕННЫЕ РАСХОДЫ

ИЗЪ СУММЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ.

Въ числѣ бумагъ, сообщенныхъ намъ П. С. Ефименкомъ, мы нашли подлинные указы за собственноручною подписью императрицы Екатерины II объ отпускѣ въ разныхъ размѣрахъ суммъ изъ доходовъ малороссійской коллегіи—единовременномъ и постоянномъ, съ возвратомъ и безъ возврата, на опредѣленныя надобности и безъ указанія оныхъ. Такихъ указовъ девять. Мы приводимъ ихъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ и за одною подписью, обозначая лишь дату каждаго. Суммы коллегіи, судя по роду расходовъ, считались свободными и получали назначеніе не прямое; видно окончательно установившееся стремленіе къ объединенію государственныхъ доходовъ.

Печатаемые указы принадлежали, очевидно, къ составу дѣлъ архива б. малороссійской коллегіи; но, какъ поясняетъ уважаемый Петръ Саввичъ, они найдены имъ въ одномъ изъ черниговскихъ архивовъ не только не пристроенными къ какому либо дѣлу или ихъ связкѣ, но просто валявшимися на полу, въ числѣ другихъ бумагъ. Это обстоятельство еще разъ указываетъ на то, какъ недостаточно охранены у насъ историческіе документы, годъ отъ году гибнущіе отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, и отъ чего отъ прежняго громаднаго архива малороссійской коллегіи сохранилась лишь 20-я часть, нашедшая себѣ мѣсто при харьковскомъ университетѣ. Къ свѣденію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, сообщаемъ, что значительная часть дѣлъ этого архива находится въ Кіевѣ, въ архивѣ старыхъ присутственныхъ мѣстъ при кіевскомъ губернскомъ правленіи; но они, какъ и всѣ прочія дѣла прошлаго столѣтія, перемѣшаны въ крайнемъ безпорядкѣ и не имѣютъ ни какой описи.

УКАЗЪ НАШЕЙ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ.

I.

Повелѣваемъ оной отпустить Нашему генералу князю Долгорукову на извѣстное Намъ употребленіе изъ скарбовой суммы сто тысячь рублевъ, кои опять въ оную возвращены будутъ.

Въ Санктпетербургѣ
22-го марта 1772-го года.

II.

Женѣ умершаго генерала маіора князя Мачабелова княгинѣ Прасковьи Мачабеловой всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать двѣ тысячи рублей изъ малороссійскаго скарбу.

Марта 11-ть
1777-го года
въ Санктпѣтербургѣ.

III.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить генералъ маіору Петру Завадовскому изъ скарбовыхъ доходовъ пансіона по смерть, по пяти тысячь рублей на годъ; и отдавать ему самому, или кому отъ него препоручено будѣтъ.

Іюня 5 дня
1777 года
Царское село.

IV.

Почитаемыя къ возвращенію изъ кабинета Нашего въ казну Нашу вѣдомства малороссійской коллегіи двадцать три тысячи девятьсотъ рублей употребленныя въ число прочей суммы на заплату графу Владиславичу за купленныя у него деревни для Нашего генерала фелдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, повелѣваемъ числить въ дѣйствительномъ расходѣ и къ возвращенію отъ кабинета неподлежащими.

Въ Санктпетербургѣ
Декабря 14-го дня
1778-го года.

V.

Уволивъ всемилостивѣйше изъ службы надворнаго совѣтника Григорья Дарковскаго по его прошенію, въ уваженіи на труды его Намъ извѣстные, повелѣваемъ производить получаемое имъ до нынѣ жалованье, ежегодно по шестисотъ рублей, по смерть его, изъ доходовъ вѣдомству оной коллегіи принадлежащихъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Декабря 7 дня
1779-го года.

VI.

Секундъ-маіору Павлу Воскобойникову, находившемуся при Нашемъ тайномъ совѣтникѣ Завадовскомъ у исправленія дѣлъ, уволенному нынѣ изъ службы, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить по смерть его изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи настоящее его жалованье, каково онъ получалъ изъ кабинета Нашего, тоесть по пятисотъ по шестидесяти по два рубли на годъ, начиная дачу сію съ перваго числа сего генваря.

Въ Санктпетербургѣ,
Генваря 17 дня
1780 года.

VII.

Отозвавъ находящагося при его свѣтлости Ханѣ Крымскомъ резидента, надворнаго совѣтника, Андрея Константинова, по прошенію его, для употребленія къ другимъ дѣламъ, указали Мы отправить къ помянутому Хану, въ знакъ отличнаго Нашего благоволенія къ нему и ко всѣмъ татарскимъ вольнымъ и независимымъ народамъ, въ характерѣ чрезвычайнаго Нашего посланника и полномочнаго министра, статскаго совѣтника, Петра Веселицкаго. Оному Веселицкому повелѣваемъ производить жалованье по пяти тысячь рублей на годъ изъ доходовъ вѣдомства малороссійской коллегіи: на проѣздъ же и на заведеніе дома ему четыре тысячи рублей, а Константинову на выѣздъ двѣ тысячи рублей отъ Насъ всемилостивѣйше жалуемыя доставить имъ изъ тѣхже доходовъ.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 15-го дня
1780 года.

VIII

На строенія потребныя по флоту Нашему черноморскому двѣсти три тысячи шестьсотъ сорокъ рублей повелѣваемъ отпустить изъ доходовъ наличныхъ, въ вѣдомствѣ малороссійской коллегіи имѣющихся, въ диспозицію Нашего генерала-порутчика и флота генерала-цейгмейстера Ганнибала.

Въ Санктпетербургѣ,
Февраля 18 дня
1780 года.

IX.

Генералъ порутчику Семену Ширкову до помѣщенія его въ губернаторы повелѣваемъ производить изъ малороссійскаго скарба по губернаторскому окладу жалованье.

Марта 16 дня,
1780-го года,
въ С-т петербургѣ.

Екатерина.

Библіографія.

Харьковъ, историко-статистическій опытъ К. П. Щелкова. Харьковъ 1881 г.

По странному стеченію обстоятельствъ, не смотря на то, что въ Харьковѣ уже въ теченіи $^3/_4$ столѣтія находится университетъ и такимъ образомъ сосредоточивается научная дѣятельность довольно обширнаго района, областная исторія бывшей Слободской Украины мало привлекала вниманіе харьковскихъ ученыхъ и осталась почти не тронутою. За исключеніемъ капитальнаго труда преосв. Филарета: „Описаніе харьковской епархіи", едва-двѣ три брошюры посвящены мѣстной исторіи края.—Потому всякая новая книга, относящаяся къ исторіи Слободской Украины, представляетъ интересное для науки явленіе, раскрывая мало пока разработанную область. Книга г. Щелкова имѣетъ цѣлью хотя отчасти восполнить чувствующійся въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Она раздѣлена на двѣ большія главы: въ первой заключается очеркъ исторіи города Харькова въ связи съ судьбою ближайшей къ нему мѣстности, во второй—исторія школъ и просвѣщенія въ Харьковщинѣ.

Представивъ краткій очеркъ судьбы южныхъ степей въ то время, когда они служили мѣстомъ кочевья для различныхъ степныхъ ордъ, авторъ указываетъ на зачатки колонизаціи страны въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе переселенія жителей изъ приднѣпровской Украины, приблизительно въ половинѣ того же столѣтія, на основаніе самаго города Харькова и затѣмъ разсказываетъ устройство слободскихъ полковъ вообще и судьбы харьковскаго полка въ частности; перечислены походы харьковцевъ противъ татаръ, отраженія набѣговъ послѣднихъ, участіе полка въ разныхъ военныхъ походахъ и дѣйствія полковниковъ: Ивана

Сирка, впослѣдствіи прославившагося, въ качествѣ кошевого, запорожскаго атамана, Григорія Донца-Захаржевскаго, Лаврентія Шидловскаго, Григорія Квитки и т. д. При послѣднемъ полковникѣ Матвѣѣ Куликовскомъ, въ 1765 году, Слободская Украина была преобразована въ харьковскую губернію и особенности ея областнаго устройства упразднены. Бывшіе слободскіе полки перестали существовать и территорія, которую они занимали, вошла въ составъ харьковской губерніи. Въ 1780 году учреждено было харьковское намѣстничество, въ составъ котораго входило 15 уѣздовъ, занявшихъ все пространство харьковской губерніи и прилегающіе къ ней части нынѣшней курской.—Въ 1796 году намѣстничество было упразднено и губернія приведена въ нынѣ существующія границы подъ именемъ слободско-украинской и, наконецъ, 1836 году она окончательно переименована въ харьковскую. Въ очеркѣ г. Щелкова описаны посѣщенія города Харькова государями: Петромъ I, Екатериною II, Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II, а также важными государственными сановниками: Меншиковымъ, Потемкинымъ и т. д.—Изъ внутренней исторіи Харькова особенно интересны данныя о возникновеніи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ церковныхъ братствъ при харьковскихъ церквахъ: соборной, рождественской, троицкой и архангельской.

Въ числѣ воспоминаній частныхъ лицъ о Харьковѣ особенно интересенъ разсказъ академика Зуева, заимствованный авторомъ изъ статьи г. Сухомлинова. Въ 1781 году академикъ Зуевъ во время научной экскурсіи проѣзжалъ черезъ Харьковъ; здѣсь у него случилось пререканіе съ содержателемъ почтовой станціи, маіоромъ Мордвиновымъ, относительно количества слѣдуемыхъ лошадей и прогоновъ; Зуевъ обратился съ жалобою къ губернатору Норову, но губернаторъ обошелся съ просителемъ весьма непривѣтливо: „маіоръ Мордвиновъ, сказалъ онъ,—штабъ офицеръ, дворянинъ, здѣшній помѣщикъ, а ты кто?—Пусть ты офицеръ, да съ кѣмъ же ты говоришь? Знаешь-ли ты кто я?—Отведите его къ намѣстнику“, заключилъ губернаторъ. Зуева препроводили къ намѣстнику, генералу Щербинину, гдѣ онъ встрѣтилъ пріемъ еще болѣе рѣзкій. „Намѣстникъ, выслушавъ рапортъ, пишетъ Зуевъ, вскочилъ со стула съ великою яростію, будто драться, и закричалъ: подъ караулъ его, на гауптвахту!“ Препровожденный подъ конвоемъ, Зуевъ переночевалъ въ кутузкѣ и на другой день, подъ конвоемъ же былъ доставленъ къ намѣст-

нику для объясненій. Вотъ какъ онъ описываетъ это свиданіе, „Намѣстникъ началъ мнѣ говорить: что, братецъ, куда ты заѣхалъ? Или ты думаешь, что здѣсь невѣжды? Для чего ты неучтиво отвѣчаешь? Да вотъ ты теперь даже и противъ меня неучтивъ; конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ; такъ я уже много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку за свою пазуху, другую вытянулъ и велѣлъ смотрѣть на него: и такъ-то вотъ надобно стоять, и такъ-то вотъ надобно нагибаться, и такъ-то вотъ надобно говорить,—знай, что я на мѣстѣ генералъ-аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство же своихъ пустыхъ привязокъ, началъ предо мною читать артикулъ изъ книги учрежденія объ управленіи намѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ, вѣжливостью и проч.". Послѣ продолжительной аудіенціи, Зуевъ попросилъ, чтобы ему разрѣшено было выѣхать изъ Харькова. На просьбу эту намѣстникъ отвѣтилъ: „хорошо! мы въ тебѣ нужды не имѣемъ и не имѣли, и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ; поѣзжай!" Зуевъ, конечно, постарался выбраться поскорѣе изъ Харькова, исполнивъ безпрекословно всѣ вымогательства содержателя почтъ.

Во второй главѣ сочиненія г. Щелкова представленъ весьма подробный очеркъ просвѣщенія въ Слободской Украинѣ. Авторъ обращаетъ особое вниманіе на основаніе и развитіе харьковскаго духовнаго коллегіума, харьковскаго университета и института благородныхъ дѣвицъ, а также сообщаетъ интересныя характеристики умственнаго развитія харьковскаго общества и вліянія, оказываемаго на это развитіе просвѣтительною дѣятельностью названныхъ учрежденій; онъ сообщаетъ при этомъ довольно подробно начерченныя біографіи Каразина и Григорія Квитки-Основьяненка, оказавшихъ несомнѣнно большое вліяніе на умственную жизнь современнаго имъ харьковскаго общества. Вообще, вторая глава сочиненія г. Щелкова изобилуетъ подробностями и фактическія данныя ея группируются въ довольно полную картину; это впрочемъ и естественно, такъ какъ, помимо матеріала, добытаго авторомъ, у него были подъ рукою довольно обстоятельныя монографіи о сюжетѣ его изслѣдованія, составленныя г. Даниловскимъ въ его „Украинской Старинѣ".

Въ заключеніе книжки г. Щелковъ помѣстилъ краткій историко-топографическій очеркъ нынѣшняго Харькова и прило-

жилъ записку о состояніи харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, составленную въ 1844 году Гулакомъ-Артемовскимъ.

Описаніе кіево-софійскаго каѳедральнаго собора. П. І. Л. Кіевъ. 1882 г.

Кіево-софійскій каѳедральный соборъ имѣетъ свою довольно богатую литературу. Его непремѣнно касались всѣ многочисленные описатели Кіева и его святынь. Ему посвящено немало статей, преимущественно въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, и особыхъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ: „Описаніе кіево-софійскаго собора и кіевской іерархіи" митрополита Евгенія, 1825 г., „Описаніе кіево-софійскаго собора" протоіерея И. М. Скворцова, 1854 г., „Древности и символики кіево-софійскаго собора", 1863 г., „Кіево-софійскій каѳедральный соборъ", 1869 г. А. Н. Муравьева, и „Древности россійскаго государства. Кіево-Софійскій соборъ", 1873 года. Не смотря на обиліе спеціальныхъ статей о кіево-софійскомъ соборѣ и описаній его, нельзя сказать, чтобы вполнѣ уяснена была для насъ древняя, первоначальная конструкція этого собора и вся дальнѣйшая его судьба. Соборъ этотъ, существующій свыше 800 лѣтъ, въ теченіи долгой жизни своей подвергался различнымъ невзгодамъ, поправкамъ и передѣлкамъ, которыя нерѣдко принимались впослѣдствіи за принадлежности первоначальнаго его состава. Нужно было опредѣлить, что осталось въ соборѣ въ первоначальномъ его видѣ, что утрачено изъ него или что прибавлено послѣ; а для этого потребовался цѣлый рядъ археологическихъ и историческихъ изысканій и сопоставленій. Много было сдѣлано въ этомъ отношеніи для кіево софійскаго собора предъидущими описателями его и особенно митрополитомъ Евгеніемъ; но авторъ разсматриваемаго сочиненія, резюмировавъ труды своихъ предшественниковъ, привнесъ много новаго и отъ себя для разъясненія подлиннаго облика древней Софіи кіевской и ея исторіи. Такъ, на основаніи недавно открытаго гравированнаго вида Софійскаго собора 1651 года, изученія кладки и сравненія съ другими подобными храмами, авторъ съ математическою, можно сказать, точностію опредѣлилъ древній видъ куполовъ софійскаго собора. „На передней, западной сторонѣ храма,—говоритъ онъ,—въ древности возвышались двѣ башни или вежи, съ каменными

лѣстницами внутри, которыми восходили на хоры и на внѣшнія плоскія галлереи, бывшія на боковыхъ папертяхъ. Вежи эти оканчивались куполообразно съ щелеобразными окнами въ стѣнкахъ, подобно вежѣ новгородскаго софійскаго собора, уцѣлѣвшей въ первоначальномъ своемъ видѣ. Верхи вежъ кіевской Софіи въ концѣ XVII в. преобразованы въ купола съ обыкновенными окнами. Кромѣ двухъ башенныхъ верховъ, на софійскомъ соборѣ виднѣлось 13 куполовъ, изъ коихъ главный, на средней его части, 12-ти-гранный имѣетъ въ діаметрѣ 3'/₂ саж.; его окружали 4 меньшихъ купола, которые видны и теперь, и 8 низкихъ куполовъ, которые скрылись подъ позднѣйшею шатровою кровлею собора. Вмѣсто послѣднихъ, на боковыхъ верхнихъ папертяхъ устроены въ концѣ XVII в. 4 новыхъ большихъ купола, по два на каждой изъ нихъ". — Съ такою же точностію опредѣлено происхожденіе и положеніе папертей собора. „Во второй половинѣ XI в.,—говоритъ авторъ *Описанія*,—съ трехъ сторонъ—западной, сѣверной и южной, пристроены къ собору одноэтажныя паперти, въ 3 саж. 1'/₂ арш. широты каждая; изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ только двѣ—сѣверная и южная, а передняя—западная паперть обрушилась 6 сентября 1625 года". Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ „Описаніи" сравнительный методъ изученія и описанія софійскаго храма и его принадлежностей, восполняющій то, чего не сохранилось въ этомъ соборѣ въ натурѣ. „Надъ главнымъ престоломъ,—говоритъ авторъ,—вѣроятно, была невысокая сѣнь изъ столбовъ лучшаго мрамора съ архитравомъ, который вѣнчался четверокопечнымъ крестомъ,—сѣнь, подобная изображенной древнею мозаикою на запрестольной св. трапезѣ. Во время причащенія священнослужителей, не закрывался отъ взора предстоящихъ алтарь, а закрывался только его престолъ занавѣсами изъ дорогихъ тканей, прикрѣпленными къ архитраву надпрестольной сѣни, какъ было въ Софіи константинопольской. Иконостасы въ видѣ сплошной преграды устроены въ нашемъ софійскомъ соборѣ въ первый разъ въ 1644 году". Благодаря такому тщательному изученію собора, описаніе представляетъ полную, наглядную картину первоначальнаго его состоянія и вида и разновременныхъ наслоеній на него и перемѣнъ въ немъ. Все описаніе собора состоитъ изъ 28 параграфовъ или небольшихъ главъ, къ коимъ приложены въ концѣ: лѣтопись кіево-софійскаго собора и кіевской митрополіи и каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, служившій доселѣ камнемъ претыканія для

нашихъ ученыхъ. Къ сожалѣнію, описаніе издано въ формѣ краткаго путеводителя по кіево-софійскому собору, безъ ученаго аппарата и оправдательныхъ цитатъ, безъ указанія и опроверженія противоположныхъ мнѣній. Поэтому читателю не дается сразу, что̀ именно новаго привнесено авторомъ въ сравненіи съ предшествовавшими описаніями, и часто приходится вѣрить автору только на слово. **К. П.**

Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Сочиненіе гр. Биберштейна. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Заманчивое заглавіе брошюрки заставило насъ взять ее въ руки и пересмотрѣть. Въ предисловіи къ ней читаемъ слѣдующее: „Историческая поэма *Графъ Мотыка* найдена нами въ фамильномъ архивѣ нашихъ предковъ еще въ 1868 году, но по разнымъ причинамъ, не интереснымъ для читателя, не могла быть издана. Въ графѣ Мотыкѣ, какъ въ фокусѣ, изображены черты польскаго пана въ Подоліи конца XVIII и начала XIX вѣка. Всѣмъ намъ памятны разсказы и преданія о Каневскомъ, Чарторыйскомъ, Дульскомъ, Мархоцкомъ и другихъ, даже къ намъ близкихъ лицахъ, о коихъ не упоминается потому, что родные ихъ еще находятся въ живыхъ. Описываемая мѣстность, сколько можемъ заключать, это—имѣнія графа Дульскаго, расположенныя въ проскуровскомъ уѣздѣ, а также родныхъ его въ летичевскомъ уѣздѣ. Преданія о постройкѣ въ одну ночь корчмы, овчарни, переносѣ селъ и церквей еще живутъ въ той мѣстности, о коей идетъ рѣчь. За разрушеніе церквей, какъ говорятъ, и секвестрованы его имѣнія. Еще недавно оставались слѣды церкви: село перенесено, а церковь съ священникомъ осталась. Еще потомокъ одного графа въ 40-хъ годахъ скакалъ съ ватагой козаковъ, верхами, чрезъ возы и людей въ Ярмолинцахъ во время ярмарки. Онъ былъ схваченъ жандармами въ Ярмолинцахъ же и вывезенъ въ великороссійскія губерніи въ ссылку за безчинство и другія мало намъ извѣстныя дѣла. Этотъ герой обѣдалъ въ Шаровкѣ, а чай пилъ въ Каменцѣ, куда поспѣвалъ на арабскомъ скакунѣ, и назадъ домой возвращался на ночь. Еще живо преданіе о томъ, какъ одинъ панъ наложилъ жидовъ, какъ сноповъ, на возъ и *перерублевалъ* ихъ, т. е. прикрѣпилъ, какъ прикрѣпляются снопы, толстымъ бревномъ (рубель) и веревками и по-

слалъ одному пану въ подарокъ. Уже въ концѣ царствованія Николая I бывали случаи, что обнаженнаго крестьянина зимой привязывали къ дереву и обливали водой, которая покрывала его ледяной скорлупой. И много-много было такихъ выходокъ, коими отличались средневѣковые рыцари и бароны въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи. Стоитъ вспомнить бироновщину, чтобы убѣдиться, чего только не допускалъ себѣ сильный по отношенію къ слабому и безправному! Миновали времена эти, и лишь остались въ старыхъ архивахъ странныя повѣсти и преданія о нихъ. Одну изъ такихъ повѣстей мы нынѣ и предлагаемъ читателю. Эта повѣсть для подолянина не требуетъ объясненій,—она ему понятна; для людей же, мало знакомыхъ съ Подолью, мы сдѣлали кратенькія примѣчанія, насколько, по нашему разумѣнію, мы считали необходимымъ".—Прочитавъ заглавіе брошюрки и предисловіе къ ней, невольно приходимъ къ недоумѣнію, кто же сочинилъ предлагаемую поэму, самъ ли гр. Биберштейнъ, какъ значится въ заглавіи, или же кто либо другой, а гр. Биберштейнъ нашелъ только ее въ своемъ фамильномъ архивѣ, какъ сказано о томъ въ предисловіи. Въ концѣ поэмы опять подписанъ графъ Биберштейнъ. Этого недоумѣнія не рѣшаетъ и сама поэма, написанная плохими малорусскими стихами въ стилѣ Тимка Падурры и другихъ подобныхъ ему украинствующихъ поляковъ, безъ всякой искры поэтическаго таланта. Но досаднѣе всего то, что и самое историческое содержаніе поэмы не возбуждаетъ довѣрія къ себѣ. Авторъ какъ будто хотѣлъ представить въ своей поэмѣ типическое лицо польскаго магната-самодура прежнихъ временъ и приписалъ ему частныя черты, принадлежащія другимъ лицамъ. Словомъ, и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніяхъ поэма ниже всякой критики и мы говоримъ о ней только потому, что она затрогиваетъ дѣйствительно интересный предметъ, стоющій вниманія и обработки. Но намъ нужны не поэмы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, хотя бы даже и хорошо написанныя, а архивные мемуары или устныя преданія въ подлинномъ, не искаженномъ ихъ видѣ, которыя могли бы, если угодно, послужить матеріаломъ и для поэмы. Въ заключеніе, отмѣтимъ въ брошюрѣ одну частность, касающуюся Кіева. Въ примѣчаніи, на страницѣ 8, авторъ говоритъ слѣдующее: „Во времена Екатерины II на ратушѣ въ Кіевѣ были часы, и во время боя часовъ, какъ въ Прагѣ Спаситель и 12 апостоловъ, такъ здѣсь выходилъ козакъ

и кресалъ *воню*. При каждомъ ударѣ колокола онъ билъ о кремень, и сыпались искры". Вѣрно, да не совсѣмъ. Н. П.

Wiadomość o malarzach bazylijańskich. Podał ks. Sadok Baracz (Przegląd bibliograficzno-archeologiczny, 1882 № 3, 4).

Ксендзъ Баровчъ извѣстенъ въ галицко-польской исторической литературѣ нѣсколькими спеціальными изслѣдованіями мѣстнаго характера, изъ которыхъ болѣе всего внесло новаго, до сихъ поръ малоизвѣстнаго и кропотливо разработаннаго матеріала, изслѣдованіе о каменецкихъ и львовскихъ армянахъ, подъ заглавіемъ „Żywoty sławnych ormian w Polsce". Новая его статья представляетъ краткій сводъ біографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ отрывочно въ большомъ числѣ источниковъ, о монахахъ чина св. Василія, „базиліанахъ", занимавшихся живописью, или вѣрнѣе—иконописаніемъ. Такихъ монаховъ автору, не смотря на тщательныя изысканія (po wielu mozolnych badaniach), удалось найти всего только двѣнадцать. Даже и эта цифра оказывается несовсѣмъ вѣрной, такъ какъ дѣйствительныхъ базиліанъ здѣсь поименовано только десять, а остальные два—монахи православнаго исповѣданія, оба имѣвшіе ближайшее отношеніе къ Кіеву: преподобный Алипій печерскій и св. Петръ митрополитъ кіевскій, родомъ съ Волыни.

Собственно базиліане, упоминаемые у кс. Баровча, всѣ относятся къ XVIII вѣку и почти всѣ проходили ученіе, искусъ или служеніе въ почаевской лаврѣ, бывшей въ эту эпоху почти такимъ же религіознымъ образовательнымъ центромъ для уніатовъ, какимъ былъ для православныхъ южноруссовъ Кіевъ, съ его лаврою и могилинской академіей. Въ періодъ наибольшаго распространенія уніи въ русскихъ областяхъ Польши, непосредственно предшествовавшій ея раздѣламъ, изъ Почаева расходилась главная масса богослужебныхъ книгъ, равно какъ и духовныхъ стиховъ, нерѣдко распѣваемыхъ еще и теперь нищими-слѣпцами и слѣпцами же лириками, даже въ восточной Малороссіи. Сборники этихъ стиховъ носили названіе „Богогласниковъ", а теперь они составляютъ своего рода рѣдкость. Изъ статьи кс. Баровча видимъ, что вліяніе Почаева не ограничивалось книгами и изустно распространявшимися стихами, а отражалось также и на иконописи. Впрочемъ, вліяніе это едва ли достигало далѣе западной Волыни и, конечно, восточной Галиціи, такъ какъ

между почаевскими живописцами не нашлось ни одного выдающагося таланта. Свѣтской живописьк они не занимались почти вовсе, и только о двухъ изъ нихъ упоминается, что они писали и портреты, именно Гловацкій Исихій (Яковъ Игнатьевичъ) и Калиновичъ Іакинѳъ (Иванъ Александровичъ). Первому принадлежитъ портретъ извѣстнаго каневскаго старосты Николая Потоцкаго, сохранившійся въ Бучачѣ, второй рисовалъ портретъ его же въ Злочовѣ, но сохранился ли онъ,—авторъ не упоминаетъ.

Мы не имѣемъ подъ рукой большей части источниковъ, которые служили матеріалами кс. Барончу, а потому не можемъ высказаться опредѣленно ни о степени ихъ достовѣрности, ни о степени критическаго развитія пользовавшагося ими автора. Многое однако наводитъ на большія сомнѣнія въ достоинствахъ того и другаго. Съ первой же строки авторъ говоритъ о *базиліанахъ* въ Кіевѣ еще въ моментъ крещенія св. Ольги, причисляетъ къ нимъ печерскихъ монаховъ конца XI столѣтія и кіевскаго митрополита изъ жившихъ во Владимірѣ Клязьменскомъ, ранѣе даже неудавшейся флорентійской уніи, принятой митрополитомъ Исидоромъ. Въ отдѣльныхъ біографіяхъ Алипія и Петра недосмотровъ тоже немало; въ послѣдней напр. говорится, будто первымъ кіевскимъ митрополитомъ, переселившимся во Владиміръ, былъ Максимъ, „тамже жилъ и преемникъ его Кипріанъ“. На самомъ дѣлѣ, въ суздальскую землю перешелъ еще предшественникъ Максима, Кириллъ (III), непосредственнымъ преемникомъ его былъ именно св. Петръ, а между послѣднимъ (1308—1326 г.) и Кипріаномъ (1378—1407 г.) упоминаются еще митрополиты Ѳеогностъ и Алексій. Въ разсказѣ объ Алипіи сбиты въ одно эпизоды изъ его жизни, передаваемые въ Минеяхъ, какъ случаи совершенно отдѣльные, а мелкія подробности обличаютъ очень плохое знакомство съ церковнославянскимъ языкомъ самого-ли кс. Баронча, или послужившаго ему источникомъ писателя,—не знаемъ. Тотъ или другой переводитъ слово „прокаженный“ терминомъ „paralityk“, а о наученіи Алипія иконописи говорится: „uczył się sztuki malarskiej u greckich malarzy, *a mianowicie u Mojżesza, w Ławrze pracującego*“. Въ житіи подчеркнутой подробности нѣтъ, ни по Патерику, ни по Минеямъ; и что же оказывается?—Поводомъ къ ней послужило выраженіе: „украшающимъ иконописцемъ *мусіею* олтарь“; мусію т. е. мозаику переводчикъ принялъ за Мусія т. е. Моисея!...

Ив. Н.

Księga pamiętnicza majora A. Ptaszyńskiego 1769—1793, przepisał dr. Antoni J. Kr. 1881, in 8-o, стр. 53.

Брошюра эта составляетъ не воспроизведеніе мемуаровъ Пташинскаго вполнѣ, а только извлеченіе изъ нихъ тѣхъ мѣстъ, которыя представляютъ свѣдѣнія, до сихъ поръ неизвѣстныя, пополняютъ или исправляютъ изданные ранѣе источники. Такое же извлеченіе, въ русскомъ переводѣ, но значительно короче нынѣшняго, было помѣщено въ Подольскихъ Епарх. Вѣд. 1880 г., и носитъ въ отдѣльныхъ оттискахъ (К.-Под., 1880, 12°, стр. 50) заглавіе: „Подольская Старина, № 1-й". Изъ отрывочныхъ упоминаній въ самихъ мемуарахъ оказывается, что Андрей Пташинскій вступилъ въ военную службу въ гарнизонѣ г. Каменца въ 1750 г., въ 1768 былъ уже майоромъ и прослужилъ въ этомъ чинѣ до 1793 г., когда, вслѣдъ за присоединеніемъ Каменца къ Россіи, вышелъ въ отставку, вмѣстѣ со многими другими офицерами мѣстнаго гарнизона. Рукопись мемуаровъ, фоліантъ въ 500 страницъ, принадлежитъ г. Ант. Рациборовскому, содержитъ въ себѣ много извѣстныхъ уже документовъ того времени, иногда съ отрывочными замѣчаніями автора, и писана имъ всегда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, изо дня въ день, „по исполненіи служебныхъ обязанностей", какъ замѣчаетъ самъ Пташинскій. Вниманіе его останавливалось главнымъ образомъ на происходившихъ по сосѣдству военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ турокъ, и потому мемуары эти заключаютъ въ себѣ едва ли не болѣе матеріаловъ для русской исторіи, чѣмъ для польской; изъ одного выраженія можно заключить, что Пташинскій въ войну 1769—1775 г. находился при русской арміи въ качествѣ волонтера. „Я присутствовалъ, говоритъ онъ, отъ начала войны подъ Хотиномъ до настоящаго времени", до 13 іюля 1775 г. О ходѣ войны 1787 и слѣдующихъ годовъ онъ получалъ въ Каменцѣ извѣстія отъ ген. Іос. Витта и принца Нассаускаго, а извѣстно, что оба они принимали въ этой войнѣ непосредственное участіе. Не вдаваясь въ излишнія подробности, ограничимся перечнемъ содержанія мемуаровъ Пташинскаго, въ томъ ихъ видѣ, какъ они заключаются въ брошюрѣ д-ра Антонія І. (г. І. І. Ролле). Они содержатъ въ себѣ слѣдующее: Описаніе турецкаго лагеря подъ Хотиномъ.—Начало войны 1769 г.—Проѣздъ черезъ Каменецъ бывшаго русскаго посла въ Турціи, Обрезкова.—Расположеніе русскихъ войскъ въ областяхъ Польши въ 1775 г.—Церемоніалъ пе-

переправы чрезъ Днѣстръ русскаго посольства въ Турцію и турецкаго въ Россію.—Проѣздъ въ Турцію послѣдняго крымскаго хана Шагинъ гирея (это показаніе современника, вполнѣ подтверждаемое еще и другою мѣстною записью, исправляетъ мнѣніе многихъ писателей о смерти Шагинъ-гирея въ Россіи). Сосредоточеніе въ Подоліи польскихъ войскъ во время войны 1787 г.—Переписка султана татарскаго Асланъ-гирея съ воеводою русскимъ Щенснымъ Потоцкимъ, и пожертвованія послѣдняго въ пользу арміи.—Отступленіе поляковъ отъ турецкой границы и занятіе ея австрійцами.—Письмо по-этому поводу хотинскаго коменданта Османа паши.—Вступленіе русскихъ войскъ.—Осада и взятіе Хотина.—Четырехлѣтній сеймъ; польское посольство въ Турцію.—Письма: Румянцева къ Щ. Потоцкому, Потоцкаго къ ген. Миллеру; Малаховскаго къ Потоцкому и обратно, къ нему же отъ короля и отъ Коссаковской.—Нѣкоторыя данныя о таговицкой конфедераціи и состояніе Каменца въ эту эпоху.—Письма ген. А. Злотницкаго, каменецкаго коменданта Орловскаго, того же Потоцкаго и майора Перекладовскаго—Присяга гарнизона и жителей Каменца на вѣрность Россіи; сдача крѣпости.

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что записки Пташинскаго представляютъ значительный интересъ для мѣстной исторіи, и нельзя не поблагодарить г. Ролле за обнародованіе этого памятника, особенно въ виду того, что онъ составляетъ частную собственность, доступность же частныхъ архивовъ обусловливается всегда только личными связями и знакомствами, т. е. зависитъ отъ случайности.

Ив. Н.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ПОДАРОКЪ КІЕВСКОМУ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ.

Въ 1868 и 1871 годахъ служащій при Московской Оружейной Палатѣ художникъ Д. М. Струковъ, по Высочайшему повелѣнію, открылъ, раскопалъ или очистилъ на южномъ берегу Крыма свыше двадцати долбленыхъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ древнихъ христіанскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ и сдѣлалъ съ нихъ гипсовыя модели, которыя на московской политехнической выставкѣ удостоены были золотой медали за исполненіе. Затѣмъ, эти слѣпки пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Кромѣ того, художникъ Струковъ исполнилъ въ миньятюрѣ нѣсколько гипсовыхъ же слѣпковъ съ тѣхъ же крымскихъ храмовъ и въ 1874 году пожертвовалъ ихъ въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи. Нынѣ поступили въ этотъ музей и тѣ гипсовыя модели г. Струкова, которыя пріобрѣтены были императорской академіей художествъ. Августѣйшій президентъ сей академіи, великій князь Владиміръ Александровичъ, состоящій вмѣстѣ и покровителемъ церковно-археологическаго общества при кіевской академіи, въ прошломъ году повелѣлъ передать въ музей церковно-археологическаго общества означенныя модели, которыя въ февралѣ сего года и были переданы по назначенію. Такимъ образомъ въ Кіевѣ въ настоящее время находится довольно полная, единственная въ своемъ родѣ коллекція моделей древнихъ пещерныхъ и строенныхъ на землѣ крымскихъ христіанскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ.

Въ означенныхъ моделяхъ воспроизведены слѣдующіе храмы и памятники: 1., инкерманская скала съ долбленными жилыми помѣщеніями и храмами; 2., храмъ св. Климента, папы римскаго, который, по преданію, совершалъ здѣсь богослуженіе, — въ той же инкерманской скалѣ; 3—6., три долбленые храма въ той-же скалѣ; 7., пещерный храмъ къ сѣверу отъ инкерманской скалы, черезъ балку, на углу другой скалы; 8—9., два долбленые храма на противоположной Инкерману сторонѣ, черезъ Черную рѣчку, на углу скалы; 10., храмъ въ севастопольской бухтѣ, въ южной сторонѣ, въ четырехъ верстахъ отъ моря, на углу скалы, нынѣ уничтоженный; 11., храмъ въ скалѣ близъ селенія Шули, въ 15 верстахъ отъ Инкермана; 12., тепе-керменская скала съ тремя ярусами пещеръ; 13., храмъ въ скалѣ Тепе-Кермень, на краю восточной стороны, въ полугорѣ, съ оригинальнымъ расположеніемъ алтаря; 14., храмъ на скалѣ Мангупъ; 14., построенный на землѣ храмъ въ селеніи Ай-Василь, близъ г. Ялты, съ надписью 801 г.; 15., такой-же храмъ въ деревнѣ Никиты, недалеко отъ Ялты, съ 1784 г. обращенный въ мечеть; 16., алтарь въ формѣ особаго зданія въ природной обширной пещерѣ изъ сталактитовъ, на вершинѣ горы Еграфъ, между селеніями Аутка и Ай-Василь; 17., фундаментъ обширнаго храма и стѣны восточной части алтаря въ деревнѣ Урзуфъ, недалеко отъ деревни Никиты, близъ крѣпости *Горзувитовъ*, построенной въ VI вѣкѣ; 18., остатки стѣнъ храма у подошвы горы Ай-Дагъ, между Ялтой и Алуштой, построеннаго готоійскимъ архіепископомъ Іоанномъ въ VIII в. и возобновленнаго митрополитомъ Даміаномъ въ 1428 году; 19—20., два храма на горѣ Ай-Дагъ; 21., храмъ въ селеніи Артекъ, у подошвы горы Ай-Дагъ; 22., двухъ этажный храмъ на горѣ Демерджи, близъ Алушты, съ живописью; 23., храмъ въ Судакѣ (древн. Сугдаія, Сугдеѣ, Сурожѣ), близъ древней крѣпости, съ фресковыми изображеніями по стѣнамъ; 24., храмъ въ селеніи Козы, близъ Судака; 25., храмъ близъ селенія Отузы, между Судакомъ и Ѳеодосіей, въ лѣсу; 26—31., шесть памятниковъ, откопанныхъ въ Инкерманѣ, близъ Судака, въ Кикенизѣ, Мангупѣ; 32., пять памятниковъ, называемыхъ Кельтійскими, близъ деревни Ай-Василь; 33., гробница съ крышкой; 34., разрѣзъ водоема въ Херсонисѣ; 35., проэктъ памятника надъ воинами волынскаго и селенгинскаго полковъ, павшими въ битвѣ 24 октября, 1854 года, на высотахъ инкерманскихъ.

Вмѣстѣ съ моделями передано въ музей нѣсколько оригинальныхъ фрагментовъ разныхъ памятниковъ крымскихъ, изсѣченныхъ крестовъ, надписей и т. п. Представляя общій интересъ для исторіи церковной архитектуры, модели эти могутъ имѣть и частный интересъ для Кіева, такъ какъ крымскія пещеры, по всей вѣроятности, служили прототипомъ кіевскихъ пещеръ.

Н. П.

Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст.,

какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ*).

1786 годъ былъ роковымъ годомъ въ исторіи малороссійскаго монашества. Въ апрѣлѣ сего года состоялся слѣдующій указъ императрицы Екатерины II.

Указъ Нашему Синоду.

Предъуспѣвъ съ помощію Божіею распорядить епархіи и монастыри въ большей части имперіи НАШЕЙ на такомъ основаніи, которое и съ первоначальными правилами благочестивой вѣры христіанской и съ общею пользою сходствуетъ, не могли МЫ въ одно время распространить оныхъ на епархіи и монастыри, въ Малой Россіи состоящіе, по не устроенному до того въ сей области управленію и по не имѣнію въ ней прежде сего ни вѣрной ревизіи, ниже точныхъ правилъ для сбора доходовъ. Съ устроеніемъ нынѣ трехъ намѣстничествъ малороссійскихъ: кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, на равнѣ съ прочими губерніями имперіи НАШЕЙ, пріобрѣтаемъ мы удобность ввести надлежащее единообразіе и относительно содержанія архіерейскихъ домовъ и монастырей тамошнихъ, учреждая оное самымъ достаточнымъ образомъ, освобождая духовныхъ властей и чиновъ отъ несвойственныхъ имъ управленія деревнями, заботъ хозяйственныхъ и всего болѣе неприличныхъ духовному сану хожденій въ судахъ по тяжбамъ и ссорамъ, и стараясь отъ сея части заимствовать всевозможную для общества пользу. Посему и повѣлеваемъ.

Первое. Митрополиту кіевскому производить на содержаніе

*) По рукописнымъ документамъ архива Св. Синода.

его и дома его ту самую сумму, которая по штатамъ утвержденнымъ отъ насъ въ 1764 г. положена на архіерейской московскій домъ, за исключеніемъ денегъ на Чудовъ монастырь въ тѣхъ штатахъ назначенныхъ.

Второе. Кіевопечерской лаврѣ имѣть свое содерженіе противъ назначеннаго въ штатахъ на троицкую сергіеву лавру. Архимандритомъ кіевопечерскія лавры быть митрополиту кіевскому, получая и положенный архимандриту троицкой сергіевой лавры окладъ; впрочемъ число монашествующихъ такъ распорядить, чтобъ половина оныхъ была изъ ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ пріуготовляемыхъ, другая же для служенія ко архіерейскому дому и монастырю. А для уединенія престарѣлыхъ назначить по разсмотрѣнію митрополита одну изъ приписныхъ пустынь, вблизи Кіева находящихся.

Третіе. Катедральный кіево-софійскій монастырь переименовать кіевскимъ софійскимъ соборомъ, опредѣля къ нему протопопа и прочихъ священно-и церковно-служителей съ окладомъ наравнѣ съ моск. архангельскимъ соборомъ. Сверхъ того въ семъ монастырѣ помѣщено быть имѣетъ и главное народное училище кіевскаго намѣстничества, по волѣ НАШЕЙ заводимое отъ коммисіи объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ.

Четвертое. Ставропигіальный кіевомежигорскій монастырь перевесть въ таврическую область, гдѣ оный въ 1-мъ классѣ учрежденъ будетъ: строеніе же обратится для помѣщенія отставныхъ офицеровъ, призрѣнія по ихъ дряхлости и неимуществу требующихъ. Чего ради по выводѣ монаховъ и отдать все то въ вѣдомство Приказа общественнаго призрѣнія.

Пятое. Изъ монастырей кіевской епархіи быть въ I классѣ кіево-пустынно-николаевскому и кіево-златоверхо-михайловскому, во II кіевскому греческому екатерининскому, лубенскому преображенскому и вознесенскому переяславскому; въ III—кіево-выдубецкому и козелецкому георгіевскому, изъ коихъ первый имѣетъ служить больницею для прочихъ кіевскихъмонастырей. Изъ женскихъ монастырей опредѣлить въ I кл. кіево-фроловскій вознесенскій, во II кіевобогословскій, въ III козелецкій и благовѣщенскій золотоношскій.

Шестое. Кіевской академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ въ кіево печерской лаврѣ, а братскій монастырь, служащій нынѣ для помѣщенія помянутой академіи, обратить на главный гошпиталь по его положенію.

Седьмое. Черниговскому архіерею имѣть по прежнему свое пребываніе въ каѳедральномъ борисоглѣбскомъ монастырѣ; на содержаніе его и дома его производить сумму, по штатамъ на архіерейскіе домы втораго класса опредѣленную.

Осьмое. Чернигов. преображенскій соборъ, въ разсужденіи древности его, положить на содержаніе новгородскаго софійскаго собора.

Девятое. Изъ монастырей черниговской епархіи быть въ I классѣ черниговскому успенскому елецкому, во II нѣжинскому благовѣщенскому, въ III успенскому домницкому, изъ женскихъ въ III классѣ нѣжинско-введенскому.

Десятое. Новгородско-сѣверскому архіерею имѣть свое пребываніе въ монастырѣ спасо-сѣверскомъ новгородскомъ; на содержаніе же его и дома его производить ту сумму, каторая по штатамъ на архіерейскіе дома II класса опредѣлена.

Первое-надесять. Изъ монастырей новгородско-сѣверской епархіи быть во II классѣ глуховскому петропавловскому и гамалѣевскому харлампіевскому, въ III батуринскому николаевскому; изъ женскихъ же оставить одинъ въ III классѣ по разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея.

Второе-надесять. Изъ остающихся за симъ монастырей обратить троицкій ильинскій черниговскій для помѣщенія университета въ семъ городѣ учреждаемаго, пятницкій женскій для главнаго народнаго училища черниговскаго намѣстничества, заводимаго комисіей объ установленіи народныхъ училищъ въ имперіи НАШЕЙ; и сверхъ того въ каждой губерніи, по сношенію НАШЕГО генерала губернатора съ епархіальными архіереями выбрать по одному мужескому и по одному женскому монастырю, кои съ лучшею удобностію употреблены могуть быть къ содержанію бѣдныхъ, увѣчныхъ и призрѣнія требующихъ нижнихъ чиновъ и тому подобныхъ людей,—кои и отдать въ вѣденіе Приказовъ общественаго призрѣнія; прочіи же, равно и приписныя къ монастырямъ пустыни, за исключеніемъ упомянутой во 2 пунктѣ сего указа, обратить въ приходскія церкви, стараясь, гдѣ удобно, помѣстить при нихъ малыя народныя школы и богодѣльни, что и относится къ попечевію Приказовъ общественнаго презрѣнія и къ распоряженію НАШЕГО генералъ-губернатора.

Третіе-надесять. На содержаніе кіевской академіи съ принадлежащими къ ней заведеніями указали мы отпускать ежегод-

но по 8400 р., на черниговскую и новгородъ-сѣверскую семинаріи на каждую по 2000 рублей.

Четвертое надесять. Объ отводѣ ко архіерейскимъ домамъ и монастырямъ загородныхъ домовъ, рыбныхъ ловель и земли для выгона и для огородовъ, сходно 12 пункту учрежденія, приложеннаго при штатахъ 1764 года, предписано отъ НАСЪ сенату НАШЕМУ.

Пятое-надесять. Въ постриженіи въ монахи и монахини поступать по точности правилъ въ дух. регламентѣ и въ указахъ и учрежденіяхъ НАШИХЪ относительно прочихъ епархій и монастырей имперіи НАШЕЙ изданныхъ; для лучшаго же объясненія всего вышеписаннаго приложено при семъ росписаніе на всѣ помянутые архіерейскіе дома, соборы и монастыри. Впрочемъ что принадлежитъ до управленія имѣній за монастырями, въ сихъ трехъ епархіяхъ бывшихъ, и сбора доходовъ, данъ отъ НАСЪ особый указъ НАШЕМУ сенату.

С.-Петербургъ
апрѣля 10.
1786 года [1]).

Екатерина.

Изъ этой торжественной и повидимому окончательной деклараціи ни одинъ пунктъ, кромѣ перваго и нѣсколькихъ послѣдующихъ, не былъ осуществленъ съ полною точностію. Остальное все переладилось, измѣнилось или даже и совсѣмъ разбилось въ дребезги при соприкосновеніи съ дѣйствительностію. Достаточно сли-

[1]) **Росписаніе.**

Митрополиту кіевскому содержаніе	3744 р.	40 к.
Служащимъ при домѣ архіерейскомъ и пр. на распоряженіе митрополита.	1521 р.	75 к.
На церковныя и другія надобности	900 р.	„
Въ кіевскую дикастерію	932 р.	90 к.
Прибавочныхъ	500 р.	„
Въ кіево-печерскую лавру	10,570 р.	„
Въ кіевскую академію.	8400 р.	„
Въ кіево-софійскій соборъ.	2058 р.	„
Двумъ православныхъ кіевскимъ монастырямъ по 2317 р. 50 к.	4635 р.	„
Тремъ второклассныхъ по 1511 р. 90 к.	4535 р.	70 к.
Двумъ третьеклассныхъ по 956 р. 30 к.	1912 р.	60 к.
Кіево-фролонскому монастырю	2409 р.	80 к.
Кіево богословскому	675 р.	80 к.
Двумъ женскимъ третьяго класса по 525 р. 60 к.	1051 р.	20 к.
Всего на кіевскую епархію	43,847 р.	15 к.
на черниговскую	14,011 р.	30 к.
на новгород.-сѣверскую	12,405 р.	70 к.

чить только теперешнее знакомое намъ положеніе вещей въ здѣшнемъ краѣ, чтобы видѣть, какъ разнится приведенный указъ отъ исполненія его въ дѣйствительности. Такъ по 2-му пункту мы не видимъ, чтобы въ печерской лаврѣ половина иноковъ была ученыхъ и къ высшимъ духовнымъ степенямъ пріуготовленныхъ. По 3-му пункту мы не видимъ въ оградѣ кіево-софійскаго собора главнаго народнаго училища. По 4-му пункту мы не видимъ, чтобы межигорскій монастырь былъ перенесенъ въ Тавриду и въ зданіяхъ бывшаго монастыря мы не находимъ помѣщенія для престарѣлыхъ офицеровъ. По 5-му пункту мы не видимъ, чтобы выдубицкій монастырь служилъ больницею для прочихъ кіевскихъ монастырей, да и странно было бы, чтобы онъ служилъ таковою. По 6-му пункту мы не находимъ ни кіевской академіи въ лаврѣ, ни госпиталя на мѣстѣ братскаго монастыря. По 7-му пункту мы не видимъ, чтобы борисоглѣбскій монастырь служилъ мѣстопребываніемъ черниговскаго архіерея, а по 10-му пункту мы и вовсе не находимъ архіерея въ Новгородъ-Сѣверскѣ. По 11-му пункту мы не находимъ въ Черниговѣ ни университета въ ильинскомъ монастырѣ, ни главнаго народнаго училища въ пятницкомъ монастырѣ. Широкіе проэкты просвѣщенія, благотворенія и призрѣнія на счетъ монастырей не осуществились. Такъ всегда впрочемъ бываетъ, когда, напавъ на какую либо новую, въ сущности вѣрную идею, примѣшаютъ къ ней постороннія цѣли. Основная идея задуманной теперь реформы, состоявшая въ отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній и въ ограниченіи числа монашествующихъ, была послѣдовательно проведена до конца, но нѣкоторыя ея частности едвали не были странностію и для тогдашняго времени, какъ напр. помѣщеніе всесословной еще академіи въ лаврѣ въ видахъ обращенія братскаго монастыря въ госпиталь, учрежденіе одной общей больницы для кіевскихъ монастырей въ монастырѣ выдубицкомъ, или перенесеніе монастыря межигорскаго въ таврическую область, чтобы въ его зданіяхъ помѣстить отставныхъ дряхлыхъ офицеровъ. Не трудно впрочемъ догадаться, что послѣднимъ распоряженіемъ руководила мысль уничтожить послѣдній слѣдъ разореннаго предъ тѣмъ Запорожья, которое считало межигорскій монастырь своею обителью, дѣлало для нея богатыя приношенія, получало отъ нея духовниковъ

и въ ней же предоставляло возможность окончить жизнь тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые изъявили желаніе *„замолить гріхи свои“* предъ Богомъ, перемѣнивъ суровую сѣчевую обстановку на мрачную келейную и тяжелые подвиги бранной жизни на еще болѣе суровые подвиги отшельничества. Легко также понять, какъ всѣ такія распоряженія глубоко оскорбляли традиціонныя чувства мѣстнаго населенія; но съ этими чувствами тогда не справлялись *).

При уравненіи малороссійскаго монашества съ великороссійскимъ, неизбѣжно должно было послѣдовать закрытіе многихъ монастырей и оставленіе за штатомъ многихъ монашествующихъ. И дѣйствительно, при введеніи штатовъ въ трехъ малороссійскихъ епархіяхъ, оказалось подлежащими закрытію 42 обители, а 466 иноковъ и 510 инокинь остались *въ излишествѣ*, не считая лишнихъ настоятелей и настоятельницъ, которыхъ набралось 29.

Св. синодъ, повидимому, наиболѣе озабочивался безобиднымъ устройствомъ судьбы заштатныхъ настоятелей и настоятельницъ, и съ этою цѣлію требовалъ объ нихъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ малороссійскихъ архіереевъ.

Намъ пришлось читать въ синодальномъ архивѣ слѣдующій докладъ объ нихъ Самуила митрополита кіевскаго:

Настоятели кіевской епархіи *излишніе*:

1) Кіево-братскаго монастыря архимандритъ и кіевской академіи ректоръ *Варлаамъ*.

Качествъ честныхъ, учился съ нижнихъ классовъ и богословія, греческому, нѣмецкому и французскому языкамъ и самъ былъ учителемъ риторики и богословія; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

2) Кіево-кирилловскаго монастыря игуменъ *Θеодосій* 46 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія, и самъ былъ учителемъ; нынѣ присутствуетъ въ консисторіи.

3) Кіево-петропавловскаго монастыря игуменъ *Аврѳсій* 63 л.

Качествъ честныхъ; въ школахъ учился и самъ обучалъ разнымъ языкамъ и наукамъ.

4) Переяславскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Аполоній* 38 лѣтъ.

*) Межигорская обитель превращена потомъ въ фаянсовую фабрику, но и фабрика лѣтъ двадцать уже не существуетъ и это историческое мѣсто народной святыни едва не стало достояніемъ промышленниковъ-евреевъ.—Ред.

Качествъ хорошихъ; учился съ низшихъ классовъ и богословія и самъ былъ учителемъ.

5) Сорочинскаго михайловскаго монастыря игуменъ *Іоасафъ* 80 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; въ школахъ не обучался; за старостію и слабостію здоровья впредь къ послушаніямъ не способенъ.

6) Залотоношскаго красногорскаго монастыря игуменъ и кіевской академіи префектъ *Димитрій* 40 лѣтъ.

Качествъ хорошихъ; дѣлъ до него никакихъ не касалось.

7) Бывшаго троицкаго больницкаго монастыря игуменъ *Феофилактъ*.

Качествъ добропорядочныхъ въ школахъ обучался латинскому языку и богословію; дѣлъ до него подозрительныхъ не касалось.

8) Кіево іорданскаго монастыря игуменья *Александра*.

Качествъ честныхъ; русской грамотѣ обучена.

Положеніе *излишнихъ* настоятелей было все-таки сравнительно сносно; на содержаніе ихъ ассигновалось изъ казны архимандритамъ по 70 р., игуменамъ по 50 р. въ годъ,—сумма по тогдашнему времени не очень малая. А главное,—они всегда были на виду у начальства и при первой возможности получали штатное мѣсто.

Совсѣмъ иное было положеніе простыхъ іеромонаховъ и монаховъ, оставшихся *въ излишествѣ*. На первое время имъ, по донесенію кіевскаго митрополита, *и жить было негдѣ и пропитываться нечѣмъ*. Скоро впрочемъ, по Высочайшему указу отъ 15 іюля 1786 г., остающимся сверхъ штата монахамъ и монахинямъ опредѣлено было небольшое содержаніе изъ доходовъ деревень, бывшихъ за архіерейскими домами и монастырями малороссійскими, именно іеромонахамъ и іеродіаконамъ по 13 р. въ годъ, прочимъ монашествующимъ по 8 рублей, монахинямъ же всѣмъ по 10 рублей въ годъ. *Сумма на сіе употребляемая*,—гласилъ Высочайшій указъ, *долженствуетъ сокращаться по мѣрѣ убавленія монашествующихъ*. Такимъ образомъ оставшимся *въ излишествѣ* предоставлено было печальное право: стѣснившись въ небольшомъ числѣ уцѣлѣвшихъ монастырей, доживать свой вѣкъ на сверхъ-штатномъ содержаніи, въ ожиданіи того, пока они *смертію не выбудутъ*,—

при чемъ мѣстнымъ архіереямъ предписывалось рапортовать полугодично объ успѣхахъ смерти въ истребленіи излишней монашествующей братіи, а также о поведеніи оставшихся въ живыхъ.

Изъ сохранившихся въ синодальномъ архивѣ донесеній малороссійскихъ епархіальныхъ начальствъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ доживали свой вѣкъ заштатные иноки, для которыхъ въ земной жизни не предвидѣлось иной перспективы, кромѣ *выбытія* посредствомъ смерти.

Донесеніе кіевскаго епархіальнаго начальства довольно сдержанны и немногословны. Противъ именъ *излишнихъ* иноковъ стоятъ такія аттестаціи:

Старъ и дряхлъ. состоянія честнаго.
Совсѣмъ глухъ, состоянія честнаго.
Слѣпъ, состоянія честнаго.
Состоянія не худаго, увѣченъ.
Глазами слабъ и мало видитъ. Состоянія не худаго.
Состоянія не худаго; больной жестокою болѣзнію.

Только противъ имени одного инока отмѣчено: „*состоянія слабаго и невоздержаннаго*“. Такъ-же не многословны и донесенія черниговскаго епархіальнаго начальства. О всѣхъ заштатныхъ инокахъ общимъ итогомъ отмѣчено: „къ послушанію способны, а состоянія неблагонадежнаго“. Или: „къ послушанію способны, требующіе исправленія“. Лучше отзывъ о заштатныхъ монахиняхъ: „монахини состоянія честнаго и неподозрительнаго“.

Болѣе подробны и откровенны отзывы новгородъ-сѣверскаго епархіальнаго начальства. Заштатные иноки стѣснились въ двухъ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ новгородъ-сѣверской епархіи—глуховскомъ и гамалѣевскомъ. О каждомъ монастырѣ епархіальное начальство доноситъ отдѣльно.

Глуховскаго петропавловскаго монастыря (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 58 лѣтъ. Состоянія порядочнаго, честнаго, напивается, но не очень часто, и въ напилости спокоенъ.

Варлаамъ 60 лѣтъ. Изъ польскихъ монаховъ, называемыхъ базиліанъ. Въ трезвости спокоенъ, порядоченъ и обхожденія честнаго; въ пьянствѣ же сердитъ и къ дракамъ охотенъ. Священнодѣйствіе ему запрещено за убой изъ ружья игумена сво-

его, разсердясь на него, будучи еще въ Польшѣ базиліанином.

Макарій 35 лѣтъ. Совѣсти худой, нрава развратнаго, тайно зъ монастыря бродитъ, по селамъ и шинкамъ пьянствуетъ и къ похищенію чужаго добра склоненъ.

Гавріилъ 45 лѣтъ. Изъ Польши, изъ уніатскихъ поповъ; состоянія нынѣ средственнаго.

Монахи: *Евсевій* 45 лѣтъ. Изъ козаковъ запорожскихъ. Состоянія худаго, нрава жестокаго: пьянствуетъ, ссорится и къ дракамъ охотенъ.

Іассонъ 32 лѣтъ. Состоянія совсѣмъ худаго. Всегда пьянствуетъ, многія въ монастырѣ воровства подѣлалъ, днемъ и ночью съ монастыря ходитъ, по селамъ и шинкамъ соблазны дѣлаетъ, страха Божія и стыда лишился, и ко исправленію онаго не предвидится надежды, и т. д.

Харлампіева монастыря *гамальевскаго* (заштатные) іеромонахи:

Самуилъ 50 лѣтъ. Напивается, за монастырь самовольно, даже и по селамъ околичнымъ, бродитъ, и въ пьянствѣ злонравный.

Мисаилъ 48 лѣтъ. Состоянія не совсѣмъ худаго.

Амвросій 42 лѣтъ. Самаго преразвратнѣйшаго состоянія: всѣхъ пороковъ скопище прегнуснѣйшее и т. д.

Монахи:

Виталій 60 лѣтъ. Добронравный, но ко бродяжеству склонный.

Натермуѳій 35 лѣтъ. Постояненъ.

Романъ 33 лѣтъ. Тихъ, скроменъ и трезвъ.

Зосима 41 года. На оба глаза слѣпъ, ногами хромъ и одною рукою совсѣмъ не дѣйствителенъ: однако пьянствовать и бродить, да еще въ ночное время, по околичнымъ селамъ охочь.

Объ остальныхъ общимъ итогомъ отмѣчено: „*сіи всѣ ведутъ себя по силѣ своей порядочно*“.

Ф. А. Терновскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Малороссійская козацкая старшина любила изображать себя въ портретахъ, которые называла „контерфектами“. Домъ, принад-

лежавшій лицу, занимавшему генеральный или полковничій урядъ, какъ бы обязательно украшался портретами хозяина и хозяйки, а иногда и дѣтей. Потомки, сохраняя предковскіе портреты, присоединяли къ нимъ свои. Недостатка въ мастерахъ—„малярахъ", повидимому, не было, такъ какъ плата за работу портрета сравнительно была не велика.[1]) Часто рисовались портреты въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одни оставались въ домѣ, а другіе помѣщались въ церквахъ и монастыряхъ. Право на помѣщеніе портретовъ въ церквахъ и монастыряхъ принадлежало, какъ кажется, только ихъ „фундаторамъ", т. е. строителямъ.

Писаніе портретовъ въ Малороссіи начинается съ первой половины XVII в.; сохранились портреты гетмана Сагайдачнаго (въ гравюрѣ)[2]) и Петра Могилы. До второй половины XVII в. писаніе портретовъ было уже настолько распространено, что мы имѣемъ портреты почти всѣхъ гетмановъ этого времени и значительное число генеральной старшины и полковниковъ, если они занимали свои уряды сколько нибудь продолжительное время.—Въ XVIII в. возможность имѣть свои портреты стала еще болѣе доступною: отъ этого времени сохранились портреты даже сотниковъ. Всѣ эти портреты, по разсказамъ стариковъ, хранились по стариннымъ усадьбамъ, еще въ половинѣ настоящаго вѣка. Достаточно портретовъ приходилось видѣть намъ лично въ помѣщичьихъ усадьбахъ—еще

---

[1]) Приводимъ здѣсь поданную Полуботку въ 1722 г. жалобу одного такого портретиста, дающую нѣкоторыя по этому предмету свѣдѣнія.—«Жалостную мою суплику вашей велможности подаю и святой справедливости прошу зъ пана Алексѣя Туранскаго въ такомъ интересѣ: что старого судію енералного, отца его, контерфектъ малевалемъ, по умертвіи; аже за оній контерфектъ тилко п. Алексѣй за отца своего заплатилъ копъ трехъ, а пять копъ остался виновенъ; ибо и стужалъ я пану Алексѣю съ прошеніемъ многокроть, абы отдалъ; но онъ, не вѣдаю, коея ради вины, не отдаетъ. Прошу вашу велможность оного пана Туранскаго предъ велможность вашу сискать и допросить, а по допросу свой указъ панскій учинить, за что долженъ Бога молити навсегда. Велможности вашей нижайшій рабъ Григорій, маляръ глуховскій». Генер. судья Алексѣй Мих—чъ Туранскій умеръ въ 1716 г. Маляръ Григорій жалуется на старшаго сына его—Алексѣя.

[2]) Гравюра эта находится въ рѣдчайшей книжкѣ «Вірши на жалосный погребъ знацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго», напечатанной въ Кіевѣ въ 1622 году. Снимокъ съ гравюры приложенъ къ 3-й кн. Кіевлянина, изд. Маяковскимъ.

лѣтъ двадцать назадъ. Теперь они встрѣчаются рѣже и рѣже; большая часть ихъ погибла по чердакамъ и амбарамъ, куда спроважівали ихъ или сами потомки, находившіе портреты предковъ недостаточно изящными для украшенія перестроенныхъ на новый ладъ домовъ, или же новые владѣльцы старинныхъ усадьбъ — въ лицѣ первогильдейскихъ купцовъ разныхъ національностей, явившіеся послѣ 1861 г. Въ 1862 г. мы лично видѣли въ с. Холмахъ, сосницкаго уѣзда, рядъ портретовъ Дунинныхъ-Борковскихъ, а въ с. Казиловкѣ, того-же уѣзда—Иваненковъ; но лѣтъ черезъ десять всѣ эти портреты изчезли безслѣдно. Очень много погибло портретовъ, находившихся въ церквахъ, откуда они были вынесены по распоряженію св. синода еще въ тридцатыхъ годахъ. Портреты эти если не попадали въ руки любителей, сваливались обыкновенно на колокольнѣ и тамъ сгнивали.

Нельзя не пожалѣть о множествѣ утраченныхъ этого рода памятниковъ малороссійской старины. Не говоря объ археологическомъ ихъ значеніи для исторіи одежды, иногда и историку не безполезно взглянуть на обличіе того или другаго дѣятеля прежнихъ временъ.

Въ послѣднее время, вдрочемъ, явились люди, которые понявъ значеніе портретовъ, какъ историческихъ памятниковъ, стали ихъ собирать или по крайней мѣрѣ сберегать. Изъ извѣстныхъ намъ собраній старинныхъ малороссійскихъ портретовъ полнѣйшее принадлежитъ В. В. Тарновскому и находится въ качановской его усадьбѣ, борзенскаго уѣзда. Собраніе это составляютъ большею частію копіи, сдѣланныя съ оригиналовъ, которые еще удалось найти собирателю у нѣкоторыхъ бережливыхъ потомковъ.

Помѣщаемъ здѣсь списокъ извѣстныхъ намъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, писанныхъ масляными красками, въ азбучномъ порядкѣ лицъ, съ которыхъ рисованы эти портреты, обозначая копіи, имѣющіеся въ собраніи В. В. Тарновскаго, буквами В. В. Т.

1—2. *Безбородко* Андрей Яковлевичъ, генеральный писарь (р. 1711 † 1780 г.) и жена его, Евдокія Михайловна, урожденная Забѣла (р. 1716 † 1803 г.). У наслѣдниковъ умершаго Л. Н. Бакунинскаго, въ городищкомъ уѣздѣ, и у гр. Гр. А. Милорадовича,

въ м. Любечѣ, того-же уѣзда. Кромѣ того, портретъ одного мужа, въ думницкомъ монастырѣ.

3. *Борозовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1687—1704 г.) Копія у В. В. Т.

4—6. *Галаганы* Игнатій (1715—1740 г.) и сынъ его Григорій (1740—1763 г.), полковники прилуцкіе, и жена перваго. Оригиналы хранятся у потомка, Гр. И. Галагана, въ с. Сокиринцахъ, прилуцкаго уѣзда. Копіиу В. В. Т. Портретъ жены Игнатія Галагана—лучшій изъ извѣстныхъ намъ женскихъ старыхъ малороссійскихъ портретовъ.

7. *Гамалѣя*. Портретъ одного изъ Гамалѣевъ (должно быть Ивана Андреевича, генеральнаго судьи въ отставкѣ, 1760 г.) хранится въ с. Семеновкѣ, конотопскаго уѣзда, въ усадьбѣ Н. Г. Гамалѣи.

8. *Гоголь* Евстафій, полковникъ подольскій, а потомъ могилевскій † 1679 г. О портретѣ его, находившемся въ святодуховской церкви межигорскаго монастыря, упоминаетъ Максимовичъ (Соч. II, 276).

9. *Дараганъ* Ефимъ, полковникъ кіевскій 1753 г. Копія у В. В. Т.

10. *Домонтовичъ* Иванъ, генеральный судья 1673 г. Прекрасная копія XVIII в., не знаемъ кому принадлежащая, была на выставкѣ портретовъ 1870 г. Хорошіе снимки этого портрета можно найти въ Спб. у фотографа Лупиева [1]).

---

[1]) Домонтовичъ изображенъ стоящимъ у стола, на которомъ находится распятіе, въ лѣвой рукѣ—четки, а въ правой—«кіска» (знакъ судейскаго чина); подъ портретомъ—миніатюрное изображеніе монастыря (должно быть, крупецкаго), по обѣимъ сторонамъ котораго сдѣлана надпись:

Хто на той образъ поглянетъ
А щомъ за чъ (человѣкъ) бывалъ вѣдати желаетъ,—
Вѣдай, изъ вѣрный сынъ отчизны былемъ,
Оной въ молодыхъ лѣтъ вѣрне служилемъ.
Иоанъ имя мнѣ отъ Бога дано,
Домонтовичемъ прозвеповано.
Судъ енеральній на мнѣ залежалъ,
Которій урядъ до смерти додержалъ.
Въ мени своимъ коштомъ церковь змуровалемъ
А потомъ Богу въ руцѣ духа далемъ.

11. *Лукашъ-Бурковскій* Василій Каспаровичъ, генеральный обозный (1686—1703). Лучшій его портретъ хранится въ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, котораго онъ былъ „реставраторомъ." Хорошая копія у В. В. Т.

12. *Журавка* Лукьянъ, полковникъ стародубскій (1708—1715). Оригиналъ хранится у потомка, М. Ф. Покорскаго-Журавко, въ с. Сосновкѣ, конотопскаго уѣзда.

13. Портретъ *жены Л. Журавки*, у гр. Гр. А. Милорадовича въ м. Любечѣ, городницкаго уѣзда.

14. *Кочубей* Василій Леонтьевичъ, генеральный судья († 1708). Портретовъ множество; но какъ на лучшій указываютъ на хранящійся у кого то изъ потомковъ въ Петербургѣ. Интересно бы получить свѣдѣнія объ оригиналахъ, потому что большинство портретовъ Кочубея представляютъ собою списки съ гравюры, приложенной къ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго.

15. *Кочубей* Семенъ Васильевичъ, внукъ предыдущаго, послѣдній генеральный обозный (1751—1762). Копія (?) XVIII вѣка имѣется у насъ.[1])

16. *Марковичъ* Яковъ (1696 † 1770), авторъ „Дневныхъ Записокъ." Оригиналъ хранится у одного изъ потомковъ, П. А. Марковича, въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда. Литографія съ этого портрета приложена къ Запискамъ.

17. *Миклашевскій* Михаилъ, полковникъ стародубскій (1690 † 1706). Прекрасный портретъ хранится у одного изъ потомковъ, въ с. Волокитинѣ, глуховскаго уѣзда. Другой оригиналъ имѣется въ выдубицкомъ монастырѣ (Максим. Соч., II. 253). Копія у В. В. Т.

Тутъ въ темномъ гробѣ тѣломъ почиваю,
Молитвы святой отъ тебе желаю.
Року 1673 мѣсяця септевріа 28.
Сконѣсаяъ року 1765.

[1]) На портретѣ имѣется надпись: «Семенъ Васильевичъ Кочубей, тайный совѣтникъ, малороссійскій генеральный обозный, коллегіи малороссійской членъ и ордена св. Анны кавалеръ, поживе 54 г., умре 1779 г., съ полувочи въ 4 часа декабря 12 противъ 13 числа. Погребенъ въ дубовацкой каменной церкви.» По надписи судя, нашъ экземпляръ долженъ быть копіей, сдѣланной по смерти Кочубея. Но писались портреты и съ мертвыхъ, какъ это сдѣлано было относительно генер. судьи Туранскаго.

18. *Милорадовичъ* Михаилъ, полковникъ гадяцкій (1715 † 1726). Оригиналъ у гр. Гр. А. Милорадовича. Копія (плохая) у В. В. Т.

19. *Налій* Семенъ Филиповичъ († 1710). О портретѣ его, находившемся въ межигорскомъ монастырѣ, гдѣ Налій и погребенъ, упоминаетъ Максимовичъ (Соч., II, 278.)

20. *„Феодосія Наліевая з дѣтьми,"* жена Семена. Прекрасный портретъ находится у Ап. Ив. Ханенка, къ которому поступилъ отъ Танскихъ, потомковъ Налія. Говорятъ, имѣется и другой оригиналъ у кого-то изъ гг. Солонинъ, въ остерскомъ уѣздѣ.

21—24. *Полуботки* Леонтій Артемьевичъ, полковникъ переяславскій (1686), и сынъ его Павелъ, полковникъ черниговскій († 1724). Оригиналы хранятся у гр. Гр. А. Милорадовича. Къ сожалѣнію, по неимѣнію надписей нельзя опредѣлить, который изъ двухъ изображаетъ отца, а который сына. Также у гр. Милорадовича имѣются портреты и двухъ „Полуботчихъ," но опять таки неизвѣстно какихъ. Копіи всѣхъ этихъ четырехъ портретовъ у В. В. Т.

25. *Свічка* Леонтій Назарьевичъ, полковникъ лубенскій (1690 † 1699). Хорошая копія у В. В. Т.

26. *Скоропадская* Настасья Марковна, гетманша († 1729). Оригиналъ хранится у П. А. Марковича въ с. Сварковѣ, глухов. уѣзда. Литографія съ него въ Запискахъ Як. Марковича.

27. *Чарныш* Иванъ, генеральный судья († 1729). Копія у В. В. Т.

Здѣсь мы не упоминаемъ о тѣхъ копіяхъ, которыя списаны частью съ гравюръ, приложенныхъ къ первому изданію Исторіи Малой-Россіи, Бантышъ-Каменскаго, а частью съ плохихъ (фантастическихъ?) рисунковъ, имѣющихся въ рукописи Величка.

Отъ любителей мѣстной старины зависитъ пополненіе этого списка, причемъ желательны указанія о мѣстѣ храненія портретовъ и о внѣшнемъ ихъ видѣ, съ приведеніемъ имѣющихся надписей.

Ал. Лазаревскій.

ГЕТМАНСКІЕ КЛЕЙНОДЫ (1758 г.).

„Опись клейнодамъ, оставленнымъ въ Глуховѣ при отъѣздѣ ясневельможнаго высокоповелительнаго гетмана и кавалера (Разумовскаго), подъ надсмотрѣніемъ умершаго подскарбія генеральнаго г. Скоропадскаго, учиненная по смерти его, г. подскарбія.

1. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство гетманское; при ней печать и шнуръ съ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой, внутри мѣста оклеены зеленымъ бархатомъ.

2. Высочайшая ея императ. величества грамота на достоинство графское. При ней печать и шнуръ съ двумя кистями золотыми; печать въ футлярѣ серебреномъ вызолоченомъ. На оную грамоту футляръ коженой красной, а внутри оклеенъ бархатомъ краснымъ.

3. Ящикъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ и золотымъ позументомъ, мѣстами серебреныя вызолоченыя бляхи, и внутри оклеенъ бархатомъ же зеленымъ и узенкимъ золотымъ плетеникомъ. Въ немъ: булава золотая съ бриліянтами, которіе всѣ вцѣлости; бунчукъ съ принадлежащими къ нему потребностьми; печать войсковая въ оправѣ золотой; на оной ящикъ футляръ коженой красной съ пряшками желѣзными; внутри оклеенъ фланелю бѣлою.

4. Пара литавръ серебреныхъ; къ нимъ два чепраки—по зеленому бархату шиты золотомъ; 12 кистей на шнурахъ золотіе-жъ, въ суконныхъ зеленыхъ чехлахъ; а на литаврахъ футляры коженые красные съ пряшками желѣзними; внутри оклесны байкою бѣлою. Къ литаврамъ-же двѣ подушки бархатныя малиновыя; подношки желѣзныя.

5. Ящикъ деревянной, въ немъ: 4 трубы серебреныя съ шнурами и кистьми золотыми; при оныхъ трубахъ 4 мунштука серебреные имѣютца у трубачей.

6. Два знамя: одно бѣлое, а другое—желтое и при нихъ—значокъ бѣлой. На нихъ футляръ суконной алой. Къ бѣлому знамю шнуръ шолковой бѣлой. Три деревка: одно до знамя, другое — до бунчука, третье—до прапера.

7. Ящикъ деревяной росписанъ, внутри обитъ тафтою алою. Въ немъ: булава серебреная вызолочена съ разными каменями; наверху оной нѣтъ трехъ камней, да внизу нѣтъ семи камней.

Другая булава—серебреная мѣстами вызолочена; въ головѣ нѣтъ 2 каменей. Третяя булава серебреная. Бунчукъ старой зъ принадлежащимъ до него прибором. Разныхъ перначей серебреныхъ и мѣдныхъ—5, да одинъ буздуканъ зъ головкою желѣзною. Печать суда генералного серебреная на деревѣ. Отъ древка бунчукового желѣзное копье.

По сей описѣ въ генералной войсковой канцелярiи высше писанние высочайшіе грамоти и гетманскіе старіе и новіе клейноди свидѣтельствовани и явилось все въ цѣлости, въ засвидѣтельствованіе чего сие бунчуковому товарищу Ивану Скоропадскому, сыну умершого подскарбія генералного г. Скоропадского, изъ генералной войсковой канцелярiи дано 1758 году генвара *x* дня".

Настоящая опись гетманскихъ „клейнодовъ" найдена нами въ архивѣ генеральной канцелярiи. Интересно-бы получить свѣдѣнія о томъ, куда дѣвались эти „клейноды".

Ал. Л—ій.

ПОТОМКИ ЗАПОРОЖЦЕВЪ НА ОСТРОВѢ ЛЕТИ.

Меня долго занималъ вопросъ, остались ли еще потомки запорожцевъ въ Турціи? Извѣстно, что по разоренiи Сѣчи въ 1775 г. значительная часть запорожцевъ переселилась въ Турцію; но въ 1806 году нѣсколько тысячъ ихъ возвратились въ Россію и изъ нихъ было сформировано дунайское козачье войско. Оставшаяся тамъ большая часть ихъ перешла въ Россію въ 1828 г., подъ начальствомъ кошеваго Осипа Мих. Гладкого, но и послѣ сего часть запорожцевъ осталась еще въ Турціи. Судьба этихъ запорожцевъ, пополнявшихся бѣглыми крестьянами изъ малороссовъ, меня очень интересовала. Сформировалось ли изъ нихъ особое населеніе и съ какими этнографическими особенностями? Сохранили ли они свой языкъ или приняли чужой и, въ такомъ случаѣ, какой? Гдѣ именно они живутъ и т. п.? Но ничего не могъ добиться, пока случайно, разговорившись съ однимъ молодымъ офицéромъ Г—мъ, не узналъ, что полкъ, гдѣ служилъ этотъ офицеръ, простоялъ въ прошлую турецкую войну именно въ мѣстности, гдѣ живутъ потомки запорожцевъ.

Офицеръ этотъ служитъ въ дорогобужскомъ пѣхотномъ полку, входившемъ во время войны въ составъ отряда ген. Цимермана, а

полкъ этотъ былъ расположенъ на островѣ—*Лети*, находящемся въ устьяхъ Дуная.

Островъ Лети издавна принадлежалъ собственно запорожцамъ, почему называется также *запорожскимъ островомъ*. Образовался онъ изъ наносовъ Дуная, потому онъ низменный и болотистый. Жители—потомки запорожцевъ размѣщаются въ четырехъ поселеніяхъ: *Перевозѣ, Сатановѣ, Лети* и еще одномъ, названіе котораго Г-кій позабылъ. Потомки настоящихъ запорожцевъ живутъ только въ селеніи Лети; они отличаются костюмомъ и характеромъ отъ остальныхъ жителей острова. Всѣ они одѣваются, какъ одѣвались въ старину истые запорожцы — на головахъ носятъ коническія барашковыя шапки, рубахи шитыя, шаровары широчайшія, преимущественно синяго цвѣта. Отличаются они необычайнымъ радушіемъ; не смотря на то, что во время войны островъ былъ переполненъ солдатами, запорожцы съ каждымъ входившимъ къ нимъ въ хаты дѣлились послѣднимъ ломтемъ хлѣба и послѣднимъ глоткомъ вина. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются, а живутъ преимущественно рыбною ловлею и охотою. Для послѣдняго промысла тамъ раздолье, такъ какъ тамъ масса водной дичи (дикихъ утокъ, гусей и т. п.), а въ плавняхъ водится множество кабановъ, волковъ, лисицъ и т. п.

Въ остальныхъ селеніяхъ на запорожскомъ островѣ живутъ обыкновенные малороссы, вѣроятно потомки бѣглыхъ крестьянъ, съ значительною примѣсью молдованъ. Даже переселившись въ другія мѣста (напр. въ Браиловъ), эти запорожцы не называютъ себя ни русскими, ни украинцами, а—*запорожцами*.

М. Левченко.

ГАЙДАМАЦКІЙ КУТЪ.

На линіи желѣзной дороги изъ Одессы или Бирзулы на Елисаветградъ или Кременчугъ есть станція *Голта* (отъ мѣстечка того же имени, ананьевскаго уѣзда, херсонской губ.). Прилегающую къ ней со всѣхъ сторонъ мѣстность можно считать вполнѣ историческою, а по преобладающему характеру соединенныхъ съ нею воспоминаній можно назвать ее гайдамацкимъ кутомъ, или угломъ. Думаемъ, что сведенныя о ней, хотя и въ бѣглой замѣткѣ,

преданія представятъ нѣкоторый интересъ для читателей „Кіевской Старины", особливо тѣхъ, которымъ приходилось или придется проѣзжать по указанной мѣстности.

Въ томъ мѣстѣ, о которомъ рѣчь, въ рѣку Бугъ впадаетъ водная рѣчка Синюха. Эти двѣ рѣки, въ прошломъ вѣкѣ, составляли границу трехъ государствъ: Россіи, Польши и Турціи, или, точнѣе, крымскаго ханства. Въ Голтѣ, при сліяніи названныхъ двухъ рѣкъ, границы трехъ упомянутыхъ государствъ соприкасались. Бугъ составлялъ границу между русскими владѣніями и ханскими. Полоса земли между Бугомъ и Днѣстромъ (т. е. нынѣшніе аналь-евскій, тираспольскій и одесскій уѣзды) называлась *очаковскою степью* или *Ганьщиною* (т. е. Ханщиною). На этой территоріи мѣстами съ осѣдлымъ населеніемъ были только: *турецкая крѣпость—Очаковъ* и укрѣпленіе *Хаджи-бей* (нынѣшняя Одесса) [1], русское старовѣрское поселеніе *Балта* и *Голта*, въ то время заселенная разнымъ сбродомъ. Все-же остальное пространство занято было кочевьями татаръ, гдѣ повидимому была единственная каменная постройка—мечеть, зданіе существующее и понынѣ, такъ какъ она обращена въ церковь въ деревнѣ Акмечеткѣ (въ анальевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Вознесенска). Въ углу между Бугомъ и Синюхою, какъ и нынѣ, находилось мѣстечко Богополь [2]; близъ него и понынѣ существуетъ гранитный трехъ-гранный столпъ, съ высѣченною на немъ надписью: „*Granica Korony Polskiej*". Выше Богополя по Бугу лежитъ село Нороновка [3]—бывшая польская крѣпость *Конецполь*, построенная французскимъ инженеромъ Бопланомъ въ началѣ XVII вѣка. Противъ Богополя, на лѣвомъ берегу Синюхи, находилось русское укрѣпленіе *Орликъ*. По присоединеніи къ Россіи, всѣ эти три поселенія: т. е. Голта, Богополь и Орликъ,

---

[1]) *Ходжибей* переименованъ—Одессою въ 1795 году потому, что тогда думали, что на томъ мѣстѣ находилась греческая колонія *Ордиссосъ* или *Одиссосъ*; позднѣе открыли, что эта колонія находилась въ углу между Тилигульскимъ Лиманомъ и Чернымъ моремъ,—чуть ли не тамъ, гдѣ теперь дер. Половка.

[2]) Рѣку Южный Бугъ мѣстные жители называютъ—*Бовъ*; отсюда—*Богополь*.

[3]) Тамъ существуетъ черезъ р. Бугъ паромная переправа, а паромъ, на мѣстномъ нарѣчіи называется—*порономъ*.

соединены были въ одно поселеніе подъ именемъ—Ольвіополя [1]); въ настоящее время это имя удержалось только за бывшимъ Орликомъ. Между Пороговкою и Вознесенскомъ р. Бугъ пересѣкаетъ своимъ теченіемъ гранитный отрогъ Карпаты, поэтому въ этой мѣстности берега его состоятъ большею частью изъ гранитныхъ скалъ и тамъ часто встрѣчаются очень живописныя мѣстности; по самой же рѣкѣ встрѣчаются пороги, называемые мѣстными жителями—*бронами*. Эти скалы и смежныя границы давали, въ прошломъ вѣкѣ, возможность скрываться тамъ всякому подозрительному люду, извѣстному подъ общимъ именемъ—*добычниковъ* и *гайдамаковъ*. Въ случаѣ преслѣдованія съ русской стороны (а запорожскія команды гайдамакамъ пощады не давали [2]), гайдамаки переходили черезъ Синюху на польскую сторону; если и тамъ имъ не давали покоя, то они перебирались на правый берегъ Буга, на татарскую сторону, въ нынѣшній ананьевскій уѣздъ. Хотя каждый татаринъ могъ безнаказанно не только ограбить, но даже убить каждаго пришлеца въ ихній край, по повидимому, судя по названіямъ урочищъ,

---

[1]) Въ концѣ прошлаго вѣка была какая то манія давать древнегреческія названія вновь устраиваемымъ поселеніямъ. Ольвіополь названъ въ память бывшей греческой колоніи—*Ольвіи*, остатки которой впослѣдствіи открыты на берегахъ Чернаго моря, близъ села Парутина, въ урочищѣ Сто-Могилъ.

[2]) Уличенныхъ въ разбоѣ или грабежѣ запорожцевъ судятъ обыкновенно войсковой судья;—чаще всего виновныхъ среди сѣчевой площади приковывали къ пушкѣ, гдѣ каждый запорожецъ имѣлъ право дать столько палокъ, сколько вздумается; кромѣ того употреблялись казни: *ломаніе ногъ*, *висѣлицы*, *сажаніе на колъ* и друг. Въ Буго-гардовской полаикѣ, по преданію, было въ ходу—*путаніе*: виновному обмотывали паклею правую руку и лѣвую ногу, обливали паклю смолою и, отведя его шаговъ на 20 или на 30 отъ рѣки, паклю зажигали и въ такомъ видѣ освобождали преступника. Если онъ имѣлъ на столько присутствія духа, что могъ добѣжать до рѣки, и умѣлъ плавать, то спасался, переплывя на правый берегъ Буга, а иначе погибалъ. На лѣвый берегъ также онъ не смѣлъ выходить,—здѣсь его безъ жалости убивали. Близъ с. *Константиновки* (въ елис. у.) показываютъ и запорожскую тюрьму,—это небольшая пещера въ скалѣ, нависшей надъ р. Бугомъ. Входъ въ пещеру находится на нѣсколько саженъ выше поверхности воды въ Бугѣ и на нѣсколько аршинъ ниже гребня скалы. Виновнаго на веревкѣ опускали ко входу въ пещеру и на веревкѣ же опускали ему пищу.

гайдамакамъ тамъ жилось привольнѣе, чѣмъ на противоположной сторонѣ Буга.

Нѣсколько выше м. Голты находится с. *Каменка*, при выѣздѣ изъ котораго дорога проходитъ надъ самымъ Бугомъ, потому что съ правой стороны дорога стѣснена скалою, называемою—*сорочиною баттареею*; здѣсь, по преданію, уже во время русскаго владычества, въ началѣ нынѣшняго вѣка, подвизался нѣкій Сорока, который съ этой скалы свергалъ на проѣзжихъ камни, убивалъ и грабилъ ихъ. При выѣздѣ изъ Голты по направленію къ Грушевкѣ первое, что бросается въ глаза, это—*чумная могила*, съ запавшими краями (т. е. какъ будто бы вокругъ сдѣлана канава),—память чумы, кажется 1809 года. Далѣе, небольшое квадратное земляное укрѣпленіе; въ 7-ми верстахъ отъ Голты дер. *Грушевка*, а противъ нея, среди Буга, гранитный островокъ—*Мамаевъ куполъ*. Мамай [1])—разбойникъ, производившій грабежи въ серединѣ прошлаго вѣка. По неизвѣстной мнѣ причинѣ онъ видимо пользовался большою популярностью между мѣстнымъ населеніемъ; по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ я видѣлъ нѣсколько его портретовъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже у меня въ рукахъ. Ниже с. Грушевки спадаетъ въ Бугъ *Романкова-Балка*, названная такъ по имени разбойника Романка. Мнѣ говорили, что по краю этой балки (глубокой долины) въ скалѣ высѣчена дорога, почему то называемая *дорогою Богородицы*.

Ниже надъ Бугомъ лежитъ дер. *Свирнево*, гдѣ первымъ поселился какой то разбойникъ—*Свирень* (пворень). Противъ Свирнева, на лѣвомъ берегу Буга, лежитъ сел. *Константиновка*, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была—*буго-гардовская* [2]) запорожская

[1]) Каменныя статуи, прежде нерѣдко встрѣчавшіяся въ Новороссіи, но стоящія (въ одесскомъ историческ. музеѣ ихъ собрано болѣе 20 штукъ), народъ относитъ ко временамъ татарскаго хана Мамая, поэтому и называетъ ихъ *каменными бабами и мамаями*. Статуи тѣ грубой работы, такъ что руки можно замѣтить только при внимательномъ разсматриваніи, поэтому поселяне считаютъ ихъ безрукими и безрукихъ, въ насмѣшку, называютъ—мамаями. По преданію у разбойника, сохранившагося въ памяти народа подъ именемъ—*Мамая*, одна рука была отрублена, почему онъ и получилъ это прозвище.

[2]) Слово *гардъ* означаетъ переборку изъ большихъ камней впоперегъ рѣки Буга. Такой гардъ существуетъ тамъ и нынѣ, сколько помню близъ с. Мигея; онъ служитъ какою-то помощью для рыболовства.

паланка. Недалеко оттуда (на лѣвомъ берегу Буга)—*Пугачева скела*, нависшая надъ рѣкою и въ ней пещера, о которой я уже упоминалъ, служившая запорожцамъ тюрьмою. Пугачъ также былъ какимъ то извѣстнымъ гайдамацкимъ ватажкомъ. Недалеко отъ Пугачевой Скели на Бугѣ есть островъ, на которомъ показывали такъ называемыя запорожскія мельницы, т. е. большія ступы, выдѣланныя въ камняхъ, гдѣ запорожцы не мололи, а толкли зерновой хлѣбъ для своего употребленія. Въ буго-гардовской паланкѣ была, по преданію, также небольшая деревянная церковь, перенесенная бывшимъ атаманомъ бужскаго казачьяго войска, Скаржинскимъ, въ его имѣніе дер. *Хмелеву*, находящуюся на лѣвомъ берегу Буга, противъ дер. Грушевки. Въ заключеніе замѣтимъ, что верстахъ въ 20-ти отъ Вознесенска (въ ананьев. уѣздѣ) проходитъ балка—*Гайдамацкая*.

Для читающихъ эти строки, я полагаю, нѣтъ надобности распространяться о гайдамакахъ, потому что можно считать общеизвѣстнымъ, что этимъ именемъ въ прошломъ вѣкѣ называли запорожцевъ, занимавшихся разбоемъ, а со времени уманской рѣзни, въ правобережной Украинѣ такъ называли всѣхъ вообще разбойниковъ.

М. Левченко

КУРЬЕЗНЫЙ БРАКЪ. [1])

Дѣло происходило въ Бессарабіи, во время хаотическаго ея состоянія въ первые годы по присоединеніи къ Россіи.

10 августа 1819 года въ с. *Куйзовку*, оргіевскаго цинута, къ благочинному свящ. *Онуфрію Кораю* явился житель *с. Погребень* того-же цинута съ жалобой, что жена его безпрестанно пьяна, и вслѣдъ затѣмъ привелъ къ нему и самую жену съ закрытымъ лицомъ. Когда приведенная не согласилась, по требованію благочиннаго, открыть лицо, тотъ открылъ насильно и при этомъ увидѣлъ, что у названной жены усы и борода обриты, а „осмотрѣвъ тѣлесныя ея члены," нашелъ, что она не женщина, а мужчина. Тогда благочинный „заковалъ онаго мужчину, именующагося женщиной въ желѣза;" а капитанъ-де-мазилъ [2]) отправилъ обоихъ въ уголовный судъ.

[1]) Изъ дѣлъ бессарабскаго уголовнаго суда.

[2]) Старшина мазиловъ — однодворцевъ.

Повѣнчалъ ихъ въ 1814 году священникъ с. Погребенъ *Василій Якобовъ* (онъ же и Колца), почему и вызванъ былъ въ дикастерію на допросъ. Въ показаніи своемъ онъ такъ написалъ: „Женщина *Софья*, оказавшаяся мужчиною, пришла съ какого-то хутора въ женскомъ платьѣ въ с. Погребены еще въ 1811 году и нанялась въ услуженіе у тамошняго жителя *Іакова Митряна*, гдѣ и именующійся нынѣ мужемъ ея *Пантелей* служилъ. Въ 1814 году этотъ Пантелей пришелъ ко мнѣ и просилъ свидѣтельство, по которому они могли-бы „выходить себѣ *печатлуить*“ [1]) для вступленія въ бракъ. Я, зная, что они уже нѣсколько лѣтъ служатъ въ нашемъ селѣ, да и Пантелей говорилъ, что онъ знаетъ эту женщину съ давняго времени и что она вдова, выдалъ свидѣтельство и, получивъ отъ благочиннаго печатлуитъ, обвѣнчалъ ихъ, какъ слѣдуетъ.“

Мужъ *Пантелей Ешанъ* и жена *Софронія Митряна*, представъ предъ уголовный судъ, каждый по своему объяснили свой бракъ.

„Отъ роду мнѣ 55 лѣтъ,“ разсказывалъ на судѣ Ешанъ, „вѣры православной, неграмотенъ, сирота; въ Погребенахъ живу уже десять лѣтъ и пасу скотъ у Якова Митряна, служившаго прикащикомъ у генерала Гартинга. Въ одно время хозяинъ совѣтуетъ мнѣ жениться на *венерки*, своей служанкѣ. Сначала я отказывался, а потомъ, увидѣвши ту женщину, согласился жениться на ней. Вѣнчальнымъ отцомъ былъ *Исак Соловей*, — и свадбу я справилъ, какъ водится. Я уже старъ и внутри поврежденъ, на ночь не остался съ *молодой*, а пошелъ въ степь до скоту и тамъ находился шесть недѣль. Потомъ возвратившись въ село, жилъ съ своею женою, но никогда съ нею не спалъ. Зимнею порою однажды я съ женою отправился въ *Петрошы* въ гости къ своей сестрѣ. Было холодно; не доходя до *Копаченъ*, прилегли мы съ женой согрѣться, и тогда настоящe узналъ я, что то не женщина, а мужчина, о чемъ и объявилъ жителямъ въ Копаченахъ. Насъ отослали подъ карауломъ въ сорокское земское исправничество, тамъ освидѣтельство-

[1]) *Печатлуитомъ* называлось письменное разрѣшеніе благочиннаго на вступленіе въ бракъ. За каждый печатлуитъ благочинный обязывался по 4 лева (40 коп. ассигнаціями) доставлять архіерею.

вали и отослали въ кишиневскую городскую полицію, а оттуда отправили въ городской острогъ. Другаго дня жену выпустили, а меня продержали пять недѣль и также выпустили. Иду я вмѣстѣ съ погребенскимъ жителемъ *Стефаномъ Брано* въ Погребены. По дорогѣ зашли въ корчму *Глубока-Чишме* и застали тамъ *Софронія Унгуряна*, называвшагося прежде женщиною *Софтою*, и съ нимъ пошелъ я снова въ *Погребены* и служили вмѣстѣ у Якова Митряна шесть мѣсяцевъ, и въ другихъ мѣстахъ два года, и жилъ я съ нимъ не какъ съ женою, а какъ съ другомъ. Митрянъ пригласилъ меня воротиться къ нему на службу безъ Унгуряна; но когда я пошелъ къ Митряну, то и Унгурянъ туда-жъ пришелъ. Я къ благочинному, а благочинный отправилъ насъ къ генералу *Гартингу*[1]). Гартингъ насъ отпустилъ и мы жили вмѣстѣ, а теперь насъ взяли въ тюрьму... Я до свадьбы не зналъ, что Софта — мужчина, бороды и усовъ у него не было примѣтно."

Унгурянъ говорилъ на судѣ, что онъ мужеской работы никакой не знаетъ, кромѣ женской; родомъ изъ *Венгріи*. Они съ Ешаномъ приняли между собою по кресту братство, потому что оба иностранцы, а въ законный бракъ не вступали. Затѣмъ Унгурянъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что дѣйствительно обвѣнчанъ въ церкви, и что онъ мужчина, — объ этомъ зналъ ихъ хозяинъ Митрянъ, который своею собственною бритвою его брилъ не одинъ разъ.

Уголовный судъ опредѣлилъ: „подсудимыхъ Пантелея Ешана и Софронія Унгуряна, вступившихъ въ законный бракъ по невѣдѣнію перваго, отъ полоумія произшедшему, что Унгурянъ есть мужчина, а послѣдняго, назвавшагося женщиною по предубѣжденію, также отъ полоумія его, увольнить отъ тѣлеснаго наказанія и съ симъ *Ешана*, какъ совершенно невиннаго, оставить въ призрѣніи общества с. Погребенъ, а *Унгуряна* опредѣлить навсегда въ служители кишиневскаго городскаго госпитали съ тѣмъ, чтобы онъ употребляемъ былъ къ работѣ, токмо силамъ и способности его соотвѣтственной." Вѣнчавшій же ихъ священникъ „за неосмотрительный поступокъ" посланъ дикастеріею въ монастырь на три мѣсяца „для употребленія въ черную работу."

---

[1]) Управлявшій бессарабскою областью инженеръ-генералъ-майоръ Гартингъ,

Тѣмъ и кончилось это оригинальное дѣло, характерное по нѣкоторымъ бытовымъ чертамъ и особенностямъ епархіальнаго управленія въ ново-присоединенномъ краѣ, не подведенномъ еще надъ общую мѣрку.

Кишиневъ, 20 марта 1882 года. *Notus.*

СКОРБЬ КІЕВЛЯНЪ О ПОТЕРѢ МАГДЕБУРГСКАГО ПРАВА (1835 г.)

(СОВРЕМЕННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.)

Яку раду маемъ слухать:
Чи рушныци снаряжать,
Чи кабаку будемъ нюхать,
Чи въ управу поспішать?
Ой щось пахне—до управы,
Кличуть, каждый щобъ ишовъ—
Слухать новіи уставы,
Що намъ скаже Левашовъ [1])
Чутка—щось погано з нами!
Вже не коней намъ сідлать,
Хочуть насъ рівнять з панами,
Да до церкви загонять.
Да все пішки, не верхами,
Ни капелія не йде,
Ни до курка, ни цехами,
А Часныкъ [2]) чогось иде.
Часный приставъ—командиромъ,..
Се якійсь новій нарядъ—
И десятникъ изъ папиромъ...
Се щось, бачиться, не въ ладъ.
Мабудь дéкретъ якійсь мають;
Все по пари становлять,
Всіхъ до купы въ стрій ривняють,
Дай не кажуть: по три въ рядъ.
Хиба Мажного [3]) немае?
Глянь-лишень, чи вінъ не тамъ,

---

[1]) Бывш. военный губернаторъ.

[2]) Частный приставъ.

[3]) Бургомистръ или ратегеръ магистрата, командовавшій на церемоніи.

Бо вінъ сей артикулъ знае,
Якій дасть приказъ вінъ намъ.
Де вже тутъ вінъ пішки буде,
Хиба дідько принесе,
Коли було вёрхи іде,
Той дудý съ собой везе.
Ни, вже мабуть не до строю,—
Онь-де, бачиться, стойть;
Щось кивае головою,
Да щось значить, що мовчить.
Ни, вже мабуть не до того,—
Щось повісивъ дуже нисъ;
Хитяновскій підля его....
Почкай трохи, схаменись:
Щось тутъ буде, коли звонить;
Напередъ идуть паны,
Навпростець до церкви гонять,
А за ними ратманы,
Всі майстрацьки бургомистры,
Головы и всі цехмистры,
И почотне добродійство,
Чиновъ чиньми шалевірство.
Да дивись; нога въ ногу..
Десь учились маршовать,
И самъ війтъ тутъ на підмогу,
Я чувъ, буде присягать.
Щожъ се буде?—чи не знаемъ,
Хто се каши наваривъ?
Ось якъ выйдуть, то спытаемъ.
Кажуть, Кравченко зробивъ.
Ой не сёго се робота,
Не прійшовъ либонь указъ,
Чи не требують відчота,
Бо се чувъ я вже не разъ,
Да и въ церкви у неділю
Такъ Призенко говоривъ,
Заблудывши писля хмілю,
Що се Кисиль [1]) натворивъ.

[1]) Бывшій войтъ.

Се вінъ натантирився,
Левашову щось сказавъ,
Мусівъ той ему повірить,
Да ввесь городъ розчухравъ;
Се вже, кажуть, его справа,
Щобъ ввесь городъ зруйновать.
Дивись, братъ, яка ватага!..
Да все, кажуть, присягать.
Да вже, чутка, вінъ не буде
Уже больше війтовать,
Дуже щось не гарно буде:
Хочуть голову збирать.
—А жежъ голову мы маемъ?—
Дакъ се жъ, бачишь, для цехівъ,
Сего тилькі мы вважаемъ,
А той буде для павівъ.
Да и ще не съ здѣшнихъ
Збиратимуть чередомъ,—
Се закуска для тутешнихъ,
Бо всі кажуть підъ судомъ.[1])
Хто же се повиненъ бути
У насъ такимъ судіёю?
Се не зъ простыхъ, а надутыхъ,
Да изъ руськихъ зъ бородою.
Се бъ то цапъ пріпзжій зъ Тулы,
Чи то зъ Брянска, изъ дібровъ,
Що ливъ колись пушки й вули?...
Чи заводчикъ Ходуновъ,
Той, що свічки выливае?—
Мій кумъ его добре знае.
Отъ же, братці, вы збрехали:
Ему кажуть, видказалы,
Теперь другій поступае,—
Самъ назначивъ Левашовъ,—
Що багацько грошей мае,
Підъбережный Дегтеревъ.
Да ихъ кодда щось чи мало.
Видкиля жъ то?—Изъ Калуги.

[1]) Войтъ и члены магистрата обвинялись тогда въ огромной растратѣ городскихъ суммъ и имущества.

Щось добра у насъ не буде,
Зададуть теперь потуги,
Дай ще въ Тули всі згоріли,
А Калуга розвелась:
Перелізуть до насъ сміло,
Тутъ артиль ихъ завелась;
Поставають всі панами,
Хоть и въ патлахъ зъ бородою,
Хто де швендявъ зъ калачами,
То тутъ буде головою.
Старожилыхъ годі знати
Й золотую корогву,—
Пора муштры забувати
И парадную гульбу.
Всіхъ, здаеця, поривняли,
Хоть черкеску покидай;
Коли права прогуляли,
То и войско забувай.
Кинь рушницю и лядунку,
Бо що скаже *Пилипонъ*? [1])
Сей завдасть намъ иншу думку,
Якъ поставить свій законъ,
Да такій же крючковатый,
Що и бісъ не розбере,
По крюкамъ навчить співаты [2])
Ажъ по серцю подере;
И таке дасть просвіщеньне,
Що въ Парижи не чувать,
Сей покаже наставленьне,
Якъ у лаптяхъ гарцювать.
Всі поробляця панами,
Не вгадаешъ и попивъ,
Бо змішавшись изъ жидами
Всі похожи на цапивъ.
Треба намъ вже не голити
Ни бородъ а ни усивъ,

---

[1]) Пилипонъ—Филиппонъ, Филипповецъ, Филиппова согласія раскольникъ. Въ этомъ указаніе на старочѣрчество перваго кіевскаго головы Дегтерева.

[2]) Указаніе на крюковое пѣніе у раскольниковъ.

Да и патлы запустити,
Щобъ походить на цапивъ.
Доброго здоровья, голодрыги,
Поздравляю зъ четвергомъ,
Се втялы мы не до шмыги
И зостались зъ батогомъ!...
А дежъ тіи, що все знали—
Чортма у ихъ языка—
Колись твердо вымовляли,
Та не стало Новака,
Що все було раду радить
Пидля лёху вінъ що дня,
Пить и істи не пидгадить,
Не проливъ, а пивъ до дна.
Пропили права не въ дяку,
Кисиль въ карты прогулявъ,
Чи проіли на кульбаку
Да й самихъ ихъ дідько взявъ.
Ни, не взявъ ихъ, вони ціли,
Тилько въ дурнахъ зостались,
Да щось цупко заговіли,
Мовъ видъ хріну подались.
А ці зъ пузомъ, да безъ грошей—
Ото мабуть богачи!
—Де тамъ!—тильки прудять....
Да лежать все на печи.
Вража бъ мати ихъ пизнала,
Чого вони зъ насъ хотять,
Що ихъ тілько тутъ напхало
И якъ галичъ къ намъ летять.
Жидівъ, бачиться, не стало,
А кацапівъ ватажокъ;
Тихъ зъ десятокъ розхватало,
А сихъ скликавъ бісъ въ рижокъ.
Повітря на ихъ немае,
Не бояця и чумы,
Де бъ не вырвавсь, къ намъ тікае,
Безъ сорочки, безъ сумы.
Де вже хочешь добра ждати
Тамъ, кацапъ де завитавъ,

Кидай жинку, кидай хату,
Куды очи, тай чухрай.
Замутила вража сила,
Мабуть кара и на насъ,
Все до щенту погубила.—
Годі! вже ввирвався басъ...
Наварили горшокъ каши,
Да не вмілы выідать,
Прогуляли права наши,
Москаль буде панувать.
Дуже, бачиться, негожа
Оця шутка для кіянъ,
Се багацько щось похоже
На исходъ израильтянъ.

Получено отъ б. секретаря думы Степана Павловича Вертипорохова, чрезъ Н. Д. Муколова.

ПАНЩИНА

ВЪ ПѢСНЯХЪ И МОЛИТВѢ.

1.

Добре було нашимъ батькамъ
Підъ панами жити,
Бо не вміли стари паны
Панщины робити.
А тепера молодіи
Взялись за роботу:
Увесь тыждень на панщині,
До дому въ суботу.
А въ неділю до схидъ сонця
Усі дзвоны дзвонять,
А десятникъ зъ отаманомъ
На панщину гонять.
Якъ приіхали до лану—
Посідали снідать,
Оглянулись назадъ себе,
Ажъ и панъ нашъ іде.

Якъ приіхавъ панъ до лану,
Ставъ отамана бити.
Ой чомъ же вамъ по си пори
Снопивъ не зносити?—
Ой ради-бъ мы износити,
Такъ рóсяна нива.
Ой побила мене зъ вами—
Лыхая годына.

Сл. Алексѣевка, александр. у.

2.

Добрый нашъ панъ, добрый нашъ панъ,
Добрый до роботы:
Ой якъ займе съ понедiлка,
Робе до суботы.
А въ недiленьку раненько
Усi дзвоны дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ
Снопивъ носить гонять.
Чи носили, не носили,—
Сiли спочивати,
Оглянуця назадъ себе,
Ажъ нашъ паничъ iде.
Та кого бье, кого лае,
Кого такъ питае:
Ой чого жъ вы, хлопци, сiлы,
Чомъ вы снопивъ не носыли?
Ой тимъ же мы не носыли,
Шо ше нивка мокра,
Буде жито росле.

Тамъ же.

3.

Ой въ недiленьку рано—пораненько
Усi дзвони дзвонять,
А отаманъ зъ десятникомъ—
На панщину гонять.
Ой годи жъ вамъ, миле браття,
До церковцi ходыть,

Берить ціпы та лопаты,
Идить пшеныци молотыть.
А помолотымъ всю пшениченьку,
Та повеземъ продавать,
Та продамо всю пшениченьку
За тысячу грошій,
Та справимо свому пану
Два каптаны хорошихъ.
Два каптаны щей два жупаны,
Теперь же мы, миле браття,
На віки пропалы.

4. ДЛЯ УПРАВЛЯЮЩИХЪ.

Померъ, померъ нашъ Демчинській,
Та въ неділю въ ранци,
Положили Демчинського—
Въ світлици на лавці.
А у тихъ же у хоромахъ—
Побиті кілочки,
Идуть жінки на панщину,
Нема въ іхъ сорочки.
Не плачтеся, добри люде,
Ни на мене, ни на кого,
Заплачтеся, добри люде,
На Гендрика молодого.
Ой годи жъ вамъ та старички—
До церкви ходити,
Берить ціпи та лопаты
Та йдіть молотити.
Та змолотимъ стігъ пшениці,
Та повеземъ продавать,
Молодому атаману
Жупаны справлять,
Та справили три жупаны,
Чотыри каптаны,
Ой теперъ мы, пане-браття,
На віки пропалы.

Банное, изюм. у., въ селѣ Потемкинскій.

5. ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ.

Ой худо жити, худо быти,
У Цурхивци слободі,
Шо въ насъ паны молодиі,
Не розсудливні.
На роботу гонять рано,
Хліба соли дають мало.
До роботы принуждають,
А про іжу не спитають.
А якъ прійде день празничный,
Намъ хочется погулять,
Мы спросимось—не велять.
А мы можемъ обіждать,
Поки баринъ ляже спать,
Тоді мы підемъ гулять.
Не багато прогуляды
Зъ вечера до ютра,
Приходымо по ютру—
На насъ розокъ по пуку.
Кому розка, кому дві,
Кому палки чотыри,
А мы станемо проситься,
Намъ велять скорійшь ложиться.
Мы станемо оправдаться,
Велять скорійшъ раздіваться.
Хочь плечушки болять больно,
Та девушекъ любить вольно,
А хочь плечушки набыти,
Такъ въ насъ девушки нажыти.

Цурхівка, александр. у.

6.

Ой горе—не біда, не гетьманщина,
Надокучила мені вража панщина.
Я на панщину йду—торбу хліба несу,
А изъ панщины йду—спотыкаюся,

Дрібненькими слізоньками умиваюся.
Посыла мене панъ въ далеку дорогу,
Въ далеку дорогу небувалого,
Та дае коня неіжалого,
Якъ поіхавъ же я доломъ долиною,
Та приіхавъ же я до садочка,
Та припьявъ коня та до явора,
А самъ лігъ спати підъ могилою.
А чи спавъ, чи не спавъ—тай прокинувся,
Бідна моя голова—коня десь нема.
Якъ пішовъ же я доломъ долиною,
Та увиділось мені, що огонь горить,
Коло того огню татаринъ сидить.
Ты татаронько мій, я невіронько твоя,
Чи не бачивъ же ты вороного коня?
А пішовъ же твій кинь битыми шляхами,
Битыми шляхами та поміжъ ляхами,
Та въ чистімъ полі траву видае,
Зъ синёго моря воду выпивае.

Сл. Вербова, александр. у.

7. БѢГСТВО.

Ой гай мати, ой гай мати,
Та гай зелененькій,
Помандрувавъ синегубівській
Козакъ молоденький.
Якъ мандрувавъ—шапочку знявъ,
Низенько вклонився,
Ой прощайте сусідоньки,
Може съ кимъ бранився.
Хоть бранився, не бранився,
Аби попростився.
Якъ зійшовъ на битый шляхъ
Слізоньками вмився.
Не жаль мені доріженьки,
Що закурилася,
А жаль мені та Гнативны,
Що зажурилася.

Ой вернися, Кириловичь,
Вернися до дому!—
Не вернуся та Гнативна,
Бо гордуешь мною:
Буде твое гордуванья
Та передъ тобою,
Брязчатиме гостра шабля
У слідъ за тобою,
А малахаечка дротяночка
По-надъ головою.

Алексѣевка, александр. у.

8. ТОЖЕ.

Ой вже не въ первый, тай не въ останній
А сю біду бідувати,
Ой пидвязавши чоботы сапьяници
Та до моря мандрувати.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
А ще темненькоі нічки,
За нимъ, за нимъ, молода дівчина
Та врізала на підьязки стрічки.
Ой помандрувавъ козакъ молоденькій
Та калиновымъ мостомъ,
За нимъ, за нимъ молода дівчина
Несе щуку-рыбу зъ оцтомъ.
Ой завернися, молодый козаче,
Та сядемо щуку-рыбу істи.
Ой не вернуся, молода дівчино,
Бо заходять не гарніи звісти.

Сл. Вербовая, алекс. у.

9. ПЕТРУНЯ.

Ой поіхавъ вельможный у діброву на охоту,
Та заславъ Петруню у клуню на роботу.
А вельможная пани—коники запрягае,
До Петруні поізжае.
Ой приіхала вельможная до Петруні въ гості,
Ой скидай же ти, Петруня, а сірії сімряги,

Та надівай же, Петруня, а отласні жупани.
Ой приїхавъ вельможний до вельможної въ гості
Та поставивъ стороженьку по новихъ порогахъ.
Ой чи мені втікати, чи милости прохати,
А чи смертью страждати.
Ой скоро вельможний уступае у пороги,
А Петруня вельможному низенько у ноги.
Якъ узявъ же вельможний Петруню підъ білкі боки,
Та повівъ же Петруню по надъ берегами,
Та карае Петруню вірненько словами.
Та узявъ Петруню підъ білкі боки,
Та укинувъ Петруню у Дунай глибокий.
Та попливъ же Петруня крутими бережками,
А вельможная пані все густими лизоньками.
А Петрунева ненька слізоньками хлипле,
А вельможная пані червінцями сипле.
—„Коли бъ я такого вродила—я бъ озолотила!“
—„Бодай же ты, вельможная, цёго не дождала,
Що ты мого сына изъ світа зогнала!“

Сл. Сивогубовка.

Примѣч. Болѣе полный варіантъ см. у Головацкаго «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси». Т. I, стр. 62—64.

10.

Молитва

ЯКЪ ДО ПАНА ЙДЕШЪ.

— Миколай угодникъ, скорий помошникъ, поможи и пособи мені грішному и въ полі, и въ домі, и въ пути, и въ дорозі—отъ злихъ людей, одъ поганыхъ очей, одъ нечистыхъ речей и одъ поганої тварюки.

Это нужно проговорить стоя передъ дверью, за тѣмъ не переводя духу, переступая порогъ, произвесть трижды:

Якъ порігъ мовчить, якъ сволокъ мовчить—такъ и ты, пане, мовчи!

Купянскій у., крестьянинъ Разаліонъ—Сотальскихъ.

Сообщ. **И. Манжура.**